

А. КЛОД

Куда идет
АМЕРИКАНСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ

И*Л

*Издательство
иностранной
литературы*

А. КЛОД

КУДА ИДЕТ
АМЕРИКАНСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ

Перевод с французского.

Предисловие

В. А. ЧЕПРАКОВА

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

HENRI CLAUDE

**OU VA
L'IMPÉRIALISME
AMÉRICAIN**

1950

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга французского коммуниста Анри Клода «Куда идет американский империализм»¹, русский перевод которой предлагается вниманию читателей, представляет значительный интерес. Книга ставит ряд новых вопросов, которые привлекут внимание читателей и вызовут плодотворный обмен мнениями.

Исходя из ленинской теории империализма, используя и приводя большой фактический материал и экономические данные, в яркой публицистической форме автор показывает распад и загнивание хищнического империализма США.

В книге, которая в русском издании дается с небольшими сокращениями, разоблачена вся несостоятельность пресловутой «теории» апологетов капитализма о якобы «исключительном характере» американского капитализма. Эта «теория» в своем нынешнем послевоенном виде пытается изобразить американский капитализм не только как капитализм особого рода, который якобы «исключен» из действия законов, управляющих остальной частью капиталистического мира, но и как систему, которая якобы может возродить умирающий европейский капитализм.

А. Клод разоблачает лжетеорию о «жизнеспособности», «прогрессивности», «динамизме» американского империализма. Автор правильно указывает, что причины абсолютного и относительно быстрого развития американской экономики между 1870 и 1913 гг. связаны с историческими факторами и временными условиями, отнюдь не вытекающими из несуществующей «особой» природы американ-

¹ Издательством иностранной литературы были изданы в русском переводе книги А. Клода «Кому нужна война» в 1949 г. и «План Маршалла» в 1950 г.

ского капитализма. К причинам, объясняющим этот рост, подробно рассмотренным в книге, следует добавить еще, что для США характерно наличие беспощадной колониальной эксплуатации дешевых рабочих рук внутри страны: негров, а также мексиканцев, выходцев из славянских стран и Италии.

К началу первой мировой войны темпы роста американской промышленности значительно замедлились по сравнению с предыдущим периодом и по сравнению с другими странами. Автор справедливо подчеркивает, что выгоды, извлекаемые США из мировых войн, в дальнейшем играли огромное значение в экономическом росте страны.

Автор вскрывает роль монополий, господствующих в экономике США, подтверждая ленинские слова: «Нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке»¹. На многочисленных примерах он показывает, как монополии держат в своих руках государственную машину и направляют ее.

Однако автор, правильно описывая процесс сращивания монополий с государством и подчинения государства монополиям, не подчеркивает, что эта тенденция к государственно-монополистическому капитализму не только не ослабляет, а, наоборот, усиливает анархию производства, обостряет все антагонистические противоречия, присущие капиталистическому способу производства. Автор вместе с тем в некоторых случаях преувеличивает результаты государственного вмешательства в экономику страны. Это преувеличение автором роли буржуазного государства в экономике страны наглядно проявилось при изложении им периода так называемого «нового курса».

В книге разоблачается экспансия монополий внутри и за пределами США. В связи с этим следует указать на искусственное деление автором американской экспансии на период экономической экспансии до 1929 г. и период экономической и политической экспансии после 1929 г. В действительности же и экономическая и политическая экспансия всегда была характерна для американского империализма, агрессивность которого возрастала по мере

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449.

обострения общего кризиса капитализма и усиливающегося стремления США к мировому господству.

В книге убедительно показана органическая связь между хроническим загниванием экономики США и политикой агрессии, проводимой их правящими кругами.

Вскрывая движущие стимулы американской политики, автор указывает на главное определяющее стремление империализма США — сокрушить первое в мире социалистическое государство. Так, говоря о второй мировой войне, автор пишет: «Фактически основной целью американских монополий было отвлечь Германию и Японию от борьбы за американские и азиатские рынки и толкнуть их на завоевание советских территорий. Все действия американского империализма были проникнуты стремлением сделать войну против Советского Союза неизбежной и взвалить бремя этой войны на другие империалистические страны».

В книге обличаются антисоветская политика США после второй мировой войны, пресловутая «холодная война» и подготовка американским империализмом третьей мировой войны.

Анри Клод противопоставляет расцвет социалистической системы загнивающей капиталистической, успехи мирной внешней политики Советского Союза — провалу агрессивной внешней политики США.

Анализ экономики США доведен автором до 1950 г., когда в США начался новый разгул милитаризма.

Как известно, в послевоенные годы американская капиталистическая экономика прошла ряд этапов в своем развитии. После войны происходил процесс стихийного приспособления экономики США к новым условиям, вызванным прекращением второй мировой войны. Этот процесс в силу господствующей в капиталистическом хозяйстве анархии производства сопровождался огромными экономическими потрясениями, падением производства промышленной продукции, массовой безработицей, резким снижением жизненного уровня трудящихся. Выпуск промышленной продукции в 1946 г. снизился почти на одну треть по сравнению с военным максимумом, достигнутым в 1943 г.

Затем в период, охватывающий 1947 г. и большую часть 1948 г., монополистический капитал США, исполь-

зуя в своих интересах послевоенную разруху, продовольственный, угольный и сырьевой голод во многих капиталистических странах, прежде всего в Западной Европе, а также вызванную этим спекулятивную горячку и ажиотаж, получал крупные заказы, позволившие ему полнее, чем в предыдущий период, загрузить свои предприятия. Однако и в этот период американская промышленность была загружена почти на 20 % меньше, чем в годы войны; в стране также продолжала существовать постоянная многомиллионная безработица.

С конца 1948 г. начался резкий упадок производства. К октябрю 1949 г. уровень промышленного производства США снизился на 22 % по сравнению с октябрём 1948 г.; число полностью и частично безработных превысило 18 млн. человек. Жизненный уровень американских трудящихся снизился еще больше. В стране наступил экономический кризис.

К осени 1950 г. «обычное» развитие экономического кризиса было нарушено. Военно-инфляционная лихорадка, вызванная безудержной гонкой вооружений, привела к изменению экономической конъюнктуры. Общий индекс промышленного производства поднялся до индекса 1948 г. и даже превзошел его. Однако это повышение индекса произошло на нездоровой и непрочной базе: не на базе роста выпуска товаров гражданского потребления, а на базе милитаризации, выпуска военных материалов и ажиотажа, вызванного инфляционным расширением кредитов. Этим самым вновь демонстрируется несостоятельность капиталистической системы хозяйства, подтверждается ленинское положение, что в капиталистическом мире крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей.

Буржуазные экономисты кейнсианского толка с их «теорией» так называемых компенсирующих расходов государства утверждают, что переход капиталистического хозяйства на военные рельсы якобы избавляет его от кризисов. Они утверждают, будто увеличение правительственных заказов может возместить сокращение покупательной способности населения, поскольку вместо производства предметов потребления, которые остаются нераспроданными из-за непрерывно растущего обнища-

ния народных масс, производятся военные материалы, для которых имеется гарантированный рынок — правительственные заказы. Они, далее, утверждают, будто развитие военной промышленности способно возместить сокращение капиталовложений в мирные отрасли промышленности, в которых, как известно, и так существует в больших размерах хроническая недогрузка основного капитала. Наконец, буржуазные лжеученые утверждают, будто бы экспорт вооружения покрывает падение экспорта товаров гражданского потребления из США, который, достигнув в 1947 г. 15,3 млрд. долл., снизился уже в 1949 г., несмотря на принудительные поставки по плану Маршалла, до 12 млрд. долл. В действительности же перевод экономики США на военные рельсы не только не устраняет те предпосылки, которые привели к кризису, но, напротив, подготавливает условия для новых, еще более разрушительных и тяжелых ударов кризиса.

Милитаризация капиталистической экономики прежде всего означает, что экономика приобретает все более односторонний, военный характер, что военная промышленность занимает все большую долю в хозяйстве, что производственные мощности, сырье и рабочая сила все больше отвлекаются от производства предметов потребления на производство средств уничтожения. Товарищ Сталин говорил в марте 1939 г.: «...что значит перевести хозяйство страны на рельсы военной экономики? Это значит дать промышленности однобокое, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связанное с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно выпуск на рынок предметов потребления населения, — следовательно, сократить потребление населения и поставить страну перед экономическим кризисом»¹.

К этим последствиям неизбежно приведет происходящий ныне перевод экономики США на военные рельсы. Военные приготовления, осуществляемые в США, вызывают резкое сужение выпуска на рынок предметов потребления населения.

Закупки стратегического сырья для военной промышленности вызывают рост его дефицита и резкое повышение цен на него.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 567.

Милитаризация экономики создает весьма благоприятную почву для еще большего разгула спекуляции в США. Оптовые торговцы, стремясь подороже сбыть свои товары, придерживают их на складах. Взвинчиваются цены на продовольствие, одежду, обувь и другие товары широкого потребления. Рост цен на предметы первой необходимости неизбежно влечет за собой дальнейшее снижение покупательной способности населения.

Несмотря на то, что значительная часть взрослого населения вовлечена в вооруженные силы и производство вооружения, в США не происходит сколько-нибудь значительного сокращения огромной армии безработных, так как усиливается интенсификация труда и вводятся различные потогонные системы. В гражданской промышленности безработица растет. Таким образом усугубляется действие факторов, вызывающих кризис перепроизводства.

К тем же результатам приводит происходящее в США расширение производственных мощностей в связи с усилением милитаризации. Расширение производственного аппарата в условиях острой хронической недогрузки основного капитала в США означает дальнейшее обострение противоречий между ростом производственных возможностей и относительным сокращением платежеспособного спроса со стороны миллионных масс трудящихся.

Не спасает американскую экономику также экспорт вооружения, хотя США, превратившись в центр и арсенал мировой империалистической реакции, стали ныне крупнейшим экспортером вооружения, заменив в этом отношении для западноевропейских, ближневосточных и латиноамериканских стран Германию и вытеснив в ряде из них Англию. Но рост экспорта вооружения не компенсирует общего падения экспорта США.

Американские поджигатели войны, стоящие во главе антидемократических, империалистических, фашистских сил во всем мире, толкнули на путь гонки вооружений также и своих сателлитов. Беспрецедентно для невоенного времени увеличивается численность армий Англии, Франции и других капиталистических стран. Поджигатели войны открыто стали на путь ремилитаризации Западной Германии, воссоздания агрессивной германской армии, о чем свидетельствуют решения брюссельского совещания заправил агрессивного Северо-атлантического блока. Аме-

риканские империалисты возрождают германский милитаризм, фашизм и реваншизм, развивают в Западной Германии производство вооружения в ущерб гражданскому производству, превращают ее, как и другие западноевропейские страны, в поставщика «пушечного мяса», осуществляют ремилитаризацию Японии.

Американская политика стандартизации вооружения, поставок другим капиталистическим странам военных материалов означает, по существу, внедрение в эти страны американских образцов вооружения, создание рынков сбыта для американской военной промышленности и удушение ряда отраслей промышленности маршаллизованных стран, подчинение армий этих стран генеральному штабу США. Все это вызывает — и не может не вызвать — дальнейшее резкое обострение противоречий внутри империалистического лагеря.

Политика гонки вооружений в еще большей степени разрушает экономику маршаллизованных стран, она вызывает дальнейшее обнищание трудящихся масс этих стран и сокращает в конечном счете общий рынок сбыта для американских товаров.

Все расчеты правящих кругов США и их ученых прислужников на то, что милитаризация страны поможет им вывести из тупика экономику, обречены на провал. Милитаризация страны уже сейчас вызвала военно-инфляционную конъюнктуру. Происходит падение покупательной способности доллара, которая, даже по официальным данным, снизилась более чем на две пятых по сравнению с периодом второй мировой войны. Инфляция в дальнейшем неизбежно будет углубляться и расширяться.

Переход на рельсы военной экономики обостряет основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов. Все язвы и пороки, разъедающие отжившую свой век капиталистическую систему хозяйства, с особой силой проявляются при переводе капиталистической экономики на военные рельсы. Милитаризация США — это одно из ярчайших проявлений паразитизма и загнивания американского капитализма.

Разоблачение авантюризма империалистов доведено автором до начала вооруженной интервенции США в

Корею, которая показала, что американские империалисты перешли от политики подготовки агрессии к прямым актам агрессии. Все дальнейшие события — создание в Европе так называемой объединенной армии под централизованным командованием и назначение американского генерала Эйзенхауэра «главнокомандующим вооруженными силами Северо-атлантического союза», ремилизация Западной Германии и Японии — свидетельствуют о дальнейшей форсированной подготовке империалистическим лагерем во главе с США новой мировой войны. Вместе с тем события последних лет показали, что растут противодействующие силы, силы мира во всем мире. Этот рост сил мира, демократии и социализма во главе с могущественным Советским Союзом, а также развернувшееся массовое движение сторонников мира во всех странах является опорой сохранения мира во всем мире.

Товарищ Сталин в беседе с корреспондентом «Правды», опубликованной 17 февраля 1951 г., на вопрос корреспондента: «Считаете ли новую мировую войну неизбежной?» — заявил: «Нет. По крайней мере в настоящее время ее нельзя считать неизбежной»¹.

Все сильнее разгорается борьба между агрессивными и миролюбивыми силами, и от исхода этой борьбы зависит, удастся ли империалистам развязать новую войну.

«Мир будет сохранен и упрочен, — указывает товарищ Сталин, — если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну»².

Книга А. Клода, разоблачающая американский империализм, помогает великому делу борьбы за мир.

В. Черников.

¹ И. В. Сталин, Беседа с корреспондентом «Правды», Госполитиздат, 1951, стр. 13.

² Там же, стр. 14.

ТЕОРИЯ „ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ“ АМЕРИКАНСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА

Весь ход мировой истории за последние 40 лет предвещает капитализму самое мрачное будущее.

Уже начиная с 1914 г. капиталистическая система катится по наклонной плоскости к гибели. Октябрьская революция, создавшая страну Советов, ликвидировала капитализм на одной шестой земного шара. Он перестал быть всеохватывающей системой: родилась и развивается новая система, которая идет на смену капитализму; имя ей — социализм.

Из второй мировой войны капитализм вышел еще более израненным и ослабленным. В странах народной демократии в Восточной Европе и на Дальнем Востоке он на пути к исчезновению. В странах Западной Европы, которые некогда были его оплотом и где он еще держится, его устои расшатывает напор революционных сил; он обнаруживает явные симптомы неизлечимой болезни — экономического застоя, упадка и загнивания.

Верно ли, что первая мировая война, как утверждают марксисты, ознаменовала новый этап истории капитализма — начало его агонии, начало общего кризиса капиталистической системы?

Некоторые это отрицают. Упадку капитализма в Европе они противопоставляют его «жизнеспособность», его «успехи», его «динамизм» в США и в доказательство приводят данные о росте американского промышленного и сельскохозяйственного производства и финансовой мощи за последние 30 лет. Апологеты капиталистической системы идут дальше. Они утверждают, что в США эта система нашла для себя землю обетованную, что экономический и политический строй Соединенных Штатов застрахован от тех болезней, которые разрушают капитализм в других частях света. Одна из крупнейших американских газет писала даже, что «Маркс никогда не видел ничего подобного современному обтекаемому [!], демократическому капитализму, который вырос в Америке»¹.

¹ New York Times, December 10, 1946.

А в одном из французских экономических еженедельников можно даже прочитать, что «капитализм искал для себя, так сказать, наилучшего географического местоположения и, повидимому, нашел его в Америке»¹.

Так родилась теория «исключительности» американского капитализма. Эта теория утверждает, что американский капитализм «исключен» из действия законов, которые управляют остальной частью капиталистического мира и ведут его к гибели; американский капитализм будто бы так силен, что может даже возрождать гибнущий капитализм в других странах, вливая в него свежую кровь. Благодаря такому переливанию крови мировой капитализм может якобы превратиться в мощную и процветающую экономическую систему, которая вернет себе утраченное место под солнцем и заставит социализм отступить во всем мире.

Эту теорию широко распространяют в США и в Европе все те, кто не может примириться с гибелью строя, основанного на прибыли и на эксплуатации человека человеком, те, кто выступает в качестве ревностных пропагандистов плана Маршалла. На деле же подобная теория непосредственно связана с вопросом о будущем самой капиталистической системы, так как совершенно очевидно, что судьба этой системы связана с судьбой капитализма в той стране, где он в наши дни сильнее всего.

Может ли американский капитализм избежать того вырождения, которое стало уделом капиталистической системы в других странах? Способен ли он спасти в других частях света строй, основанный на погоне за прибылью? Способен ли он вступить в новый период подъема?

Эти вопросы интересуют сейчас весь мир, а возникают они в связи с тем, что после второй мировой войны США заняли в капиталистическом мире господствующее положение.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы сначала подвергнем анализу условия и характер развития американского империализма с 1914 по 1945 г., а затем на основе данных, относящихся к 1945—1949 гг., попытаемся выяснить, какие возможности он еще имеет.

¹ S. Beracha, La Tribune Economique, mai, 1946.

КОЛЕБАНИЯ И ПОИСКИ (1914—1939 гг.)

Глава I

США НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Накануне 1914 г. отношения между великими державами вступили в новую фазу. Раздел мира на колонии, протектораты и зоны влияния в основном закончился. Но создавшееся положение уже не отвечало соотношению сил в капиталистическом мире. Такое государство, как Англия, владевшее огромными территориями, на которых проживала значительная часть населения земного шара, оказалось в своем промышленном развитии позади других стран, например Германии.

В силу законов капитализма новое соотношение сил требовало передела территорий. Перед крупными капиталистическими странами встала, таким образом, новая проблема. Для стран, находившихся на подъеме, речь шла уже не о покорении слабых, «отсталых» стран, а о разгроме одного или нескольких сильных конкурентов, для того чтобы завладеть их рынками, их колониями, а в дальнейшем и частью их национальных богатств. Речь шла уже не о разделе, а о переделе мира.

Стало ясно также, что передел мира можно произвести только путем войны и что в эту войну будут втянуты не две-три страны, а все капиталистические государства, так как речь идет об интересах каждого из них без исключения. Начиналась эпоха мировых войн. Какое же место занимали в мире США и какую роль предстояло им сыграть в этой схватке?

Характер американского капитализма

В 1914 г. США занимали весьма своеобразное и довольно парадоксальное положение. В отношении экономического развития и промышленной мощи они шли впереди всех других стран, но в международной политике играли лишь второстепенную роль.

Ленин указывал, что США наряду с Германией — «передовые капиталистические страны по скорости развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве...»¹

Действительно, ни в одной стране не проявлялись так наглядно, как в США, черты, характерные для капитализма, вступившего в эпоху империализма: решающая роль монополий в экономической жизни, сращивание промышленного и банковского капитала, образование финансовой олигархии, которая направляет внутреннюю и внешнюю политику страны. В 1914 г. в США одна сотая общего числа предприятий контролировала около половины промышленной продукции. Процесс концентрации происходил двумя волнами: первая из них относится к периоду 1880—1890 гг., когда был создан первый трест — рокфеллеровская компания «Стандард ойл», а затем ряд других трестов — «Шугар траст», «Виски траст», «Коттон ойл траст», «Линсид ойл траст», «Лэд траст». Вторая волна концентрации прошла в 1900—1907 гг., когда число трестов выросло со 185 до 250. В эти годы появились на свет крупнейшие металлургические тресты: «Амальгамэйтед коппер К^о», «Америкэн смелтинг энд рифайнинг К^о», «Юнайтед Стейтс стил» и другие.

Самым достопримечательным из всех этих событий было образование треста «Юнайтед Стейтс стил». В 1901 г. банкир Морган объединил гигантские предприятия, которые сами возникли в результате предыдущих слияний и находились либо под его контролем, либо под контролем Карнеги; так, он создал компанию с капиталом, превышающим один миллиард долларов; для того времени это было колоссальной, поистине беспримерной суммой.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 227—228.

В 1902 г. обороты компании достигли 560 млн. долл.; она производила 65% стали в слитках и 50% всех готовых стальных изделий, выпущенных в США.

Господство крупных монополий в американской экономике подтверждается тем фактом, что в 1904 г. им принадлежало 40% всех капиталовложений в промышленности США.

Монополии США заключали союзы с европейскими монополиями. В 1907 г. американский трест «Дженерал электрик» и крупная германская компания «Альгемейне электрицитэт гезельшафт» (АЭГ) договорились о разделе мирового рынка.

Таким образом, США являлись типичнейшей страной трестов и финансового капитала. Образование треста «Юнайтед Стейтс стил» явилось примером переплетения промышленного и банковского капитала. Щупальцы банков проникли повсюду: в промышленность, в железнодорожные, пароходные и страховые компании. Фактически страной правила финансовая аристократия, в рядах которой особенно выделялись Д. Пирпонт Морган, Джон Д. Рокфеллер, Е. Гарриман.

«Со времени кризиса 1907 г. Морган,— писал его биограф,—стал абсолютным монархом. Он был фактическим диктатором США. Ему повиновалось и само правительство, которое не осмеливалось оспаривать его приказания»¹.

Экономический кризис пролил яркий свет на подлинные общественные отношения в США: он продемонстрировал неограниченную власть финансовой олигархии.

«Нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке»².

В то же время американская промышленность занимала первое место в мире. Если в начале XIX в. экономика Соединенных Штатов относилась к колониальному типу (они продавали Европе хлопок и табак и получали от нее промышленные товары), то к концу века американская промышленность производила уже больше, чем промышленность крупных стран Европы. Основу этого

¹ J. K. Winkler, Pierpont Morgan, 1936, p. 193.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449.

подъема заложила победа, одержанная в гражданской войне промышленным капиталистическим Севером над аграрным рабовладельческим Югом. С 1880 по 1913 г. добыча угля в США возросла с 64,9 млн. до 517 млн. т, производство чугуна — с 3,8 млн. до 31 млн. т, стали — с 1,2 млн. до 31,3 млн. т; потребление хлопка — с 4,2 млн. до 13,5 млн. ц.

По темпам непрерывного роста промышленного производства Америка шла впереди Европы, что позволило ей догнать и перегнать сначала Францию, а в 1880—1890 гг.— и Англию, которая до того обладала самой мощной в мире промышленностью. В 1913 г. промышленная продукция США равнялась продукции Германии, Англии и Франции, взятых вместе, то есть трех крупнейших промышленных стран.

Приводимые ниже цифры наглядно показывают этот непрерывный рост производства за период с 1870 по 1914 г.

Таблица 1

доля США в мировом производстве (в %) ^a

а) Сырье для промышленности

	1870— 1879 гг.	1880— 1889 гг.	1890— 1899 гг.	1900— 1909 гг.	1910— 1914 гг.
Уголь	18,0	25,3	29,3	35,9	38,6
Чугун	15,5	23,7	30,5	40,0	39,8
Сталь	20,7	30,2	36,0	42,6	41,6
Медь	14,8	32,9	51,2	56,0	56,3
Свинец	14,8	26,2	23,1	28,8	32,9
Цинк	7,3	12,3	20,0	27,4	56,2
Нефть	86,8	66,7	51,8	56,2	64,2

б) Фабрики

1870 г.	23,3
1881—1885 гг.	28,6
1896—1900 гг.	30,1
1906—1910 гг.	35,3
1913 г.	35,8

^a S.D.N, Industrialisation et commerce extérieur, p. 14.

Этот рост промышленного производства США в период 1870—1914 гг., составлявший контраст с относительным застоєм в Англии и Франции и даже с темпами роста в Германии и Японии, служит самым ярким примером действия открытого Лениным закона неравномерности развития капиталистических стран. Сторонники теории «исключительности» американского капитализма, повидимому, считают эти цифры несокрушимым доводом в пользу своей теории.

Между тем такой рост производства был обусловлен не какими-либо особыми качествами капиталистической системы в США, а весьма определенными историческими и географическими факторами.

Прежде всего, развитие молодого американского капитализма не тормозилось существованием феодализма в земледелии, как было, например, в России; гражданская война сыграла в этом отношении роль радикальной хирургической операции. Далее, в недрах США имелись в изобилии все виды сырья, необходимого для промышленности XIX в.: уголь, железо, медь. По сравнению с великими европейскими державами, в особенности Англией и Германией, США обладали еще преимуществом в виде огромных запасов нефти и водной энергии. Поэтому они оказались в особо благоприятном положении, когда был изобретен двигатель внутреннего сгорания и когда во многих областях электромотор стал успешно конкурировать с паровым двигателем¹.

К этому следует добавить расширение в США внутреннего рынка, происходившее в течение всего XIX в. в связи с продвижением границ страны на запад, к побережью Тихого океана, и с заселением новых территорий миллионами иммигрантов. С 1840 по 1880 г. в Соединенных Штатах обосновалось около 9,5 млн. иммигрантов, а с 1880 по 1914 г.— еще 22 млн. человек. Этот огромный приток населения создал для американской промышленности в конце XIX в. непрерывно растущий рынок.

Иммиграция происходила при наличии огромных незаселенных пространств, и многие иммигранты стали фермерами или торговцами; поэтому, за исключением

¹ В 1914 г. в США было 569 тыс. автомобилей; вложения в автомобильную промышленность составляли 407 млн. долл.

периодов экономического кризиса, американская промышленность испытывала хроническую нехватку рабочей силы. В результате американские рабочие получали сравнительно более высокую заработную плату, чем в Европе, а это также создавало более емкий рынок для американской продукции и одновременно побуждало предпринимателей вводить машины, чтобы компенсировать недостаток рабочей силы.

Эти два обстоятельства привели к широкому использованию машин в промышленности и к ускорению механизации сельского хозяйства. Американская промышленность имела, следовательно, такие стимулы для своего развития, каких не знала Европа. Кроме того, громадные размеры заселяемых территорий требовали значительного развития железнодорожной сети. А развитие капитализма в XIX в. было в немалой степени связано со строительством железных дорог, которые составляли главный рынок сбыта для продукции угольной и металлургической промышленности.

Ни одна капиталистическая страна не создала такой огромной железнодорожной сети, как Соединенные Штаты. В 1913 г. общая протяженность железных дорог США достигла 413 тыс. км; столько же имели Россия, Германия, Франция и их колонии вместе взятые (417 тыс. км).

Развитие промышленности и в особенности строительство железных дорог не могли бы идти такими темпами, если бы для них использовались только капиталы, накопленные в самих Соединенных Штатах. Индустриализация США стала возможной только благодаря европейским капиталам.

«Само экономическое развитие Соединенных Штатов есть продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности»¹.

Многие предприятия, созданные при помощи европейских капиталов, в частности железнодорожные компании, обанкротились и были скуплены за бесценок американскими капиталистами. Это сыграло немалую роль в обогащении морганов, рокфеллеров и гарриманов.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949 г., примечание на стр. 457.

Наконец, благодаря тому, что США не приходилось вести такие войны, в каких участвовали страны Европы, их бюджетные расходы были намного ниже, чем в Европе. В 1913 г. они составляли всего 2,1% национального дохода против 7% в Германии, 8,8% в Англии и 14,1% во Франции. Платежи процентов по государственному долгу у США составляли 3,3% бюджета против 12,5% в Великобритании и 19% во Франции. «Паразитизм» в США был еще слабо развит и не лежал таким тяжелым бременем на экономике, как в Европе. Таковы основные причины абсолютного и относительного роста американской промышленности в период с 1870 по 1913 г. Здесь действовали исторические и географические факторы и обстоятельства временного характера, отнюдь не вытекавшие из природы американского капитализма.

Несмотря на промышленное первенство, США играли в международной политике лишь второстепенную роль, и в этом заключалось своеобразие их положения. Они еще не были «мировой» державой, как Англия, Германия, Франция или Россия. Это ненормальное положение было вызвано исключительно тем, что США отставали в экспорте капиталов и в приобретении рынков и колоний.

Преобладающее значение вывоза капитала по сравнению с вывозом товаров, как доказал Ленин, является одной из характерных черт капитализма в эпоху империализма.

В XIX в. Англия, Германия и Франция поместили за границей значительные капиталы, причем немалая часть их была вложена в США. Накануне первой мировой войны эти страны были кредиторами: капиталы, вложенные английскими, французскими и германскими капиталистами за границей, намного превосходили те суммы, которые поместили иностранные капиталисты в Англии, Франции и Германии. Таким путем европейские государства взимали дань с тех стран, которые были колонизированы при помощи их капиталов; они были государствами-рантье. В то же время финансовая мощь позволяла им играть ведущую роль в международной политике. Финансовыми центрами мира были в ту пору Лондон и Париж. Обладая величайшей в мире финансовой мощью, Англия сохраняла за собой первое место среди великих держав, несмотря на свое промышленное отставание по сравнению с США и

Германией, США в финансовом отношении были далеко позади Европы. Хотя их капиталовложения за границей с 1900 по 1912 г. возросли с 2,6 млрд. до 9,9 млрд. золотых франков, Англия, Франция и Германия ушли далеко вперед. Заграничные капиталовложения Англии оценивались в 1914 г. в 75—100 млрд. золотых франков, Франции — 60 млрд., Германии — 44 млрд. франков¹.

Больше того, Соединенные Штаты все еще оставались государством-должником как и в те времена, когда они были колонией².

В 1914 г. общая сумма американских долгосрочных капиталовложений за границей была на 3,2 млрд. долл. ниже сумм иностранных капиталовложений в США³.

В 1907 г. иностранным капиталистам принадлежало на 6 с лишним млрд. долл. акций и облигаций американских железных дорог (в том числе капиталистам Англии — на 4 млрд. долл., Германии — на 1 млрд. долл.), то есть свыше четверти общей стоимости всех железных дорог⁴. С 1896 по 1914 г. баланс поступлений и платежей по процентам и дивидендам сводился с отрицательным сальдо, так что Америке приходилось уплачивать в среднем 196 млн. долл. в год. Это происходило главным образом потому, что американские капиталисты интересовались больше внутренним рынком, чем внешним; так, США шли сразу же вслед за Англией по размерам эмиссий ценных бумаг⁵. Однако в иностранные ценные бумаги в США в 1914 г. было вложено всего 44 млн. золотых долларов, а в Англии и Франции в 1913 г., соответственно, — 781 и 684 млрд. долл.

Как бы то ни было, незначительное место, которое Соединенные Штаты занимали в международных финансах,

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 230.

² См. примечания Маркса и Энгельса к «Капиталу», т. I.

«Соединенные Штаты в их современном виде (1866 г.) все еще следует рассматривать как колонию Европы. {К 4-му изд. «С того времени они развились до положения второй промышленной страны мира, хотя еще не совсем утратили свой колониальный характер». — Ф. Э.}» (К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, примечание на стр. 457).

³ The US in the World Economy, p. 122 (вместе с краткосрочными кредитами общая задолженность США составляла 3,7 млрд. долл.).

⁴ Faulkner, Histoire de l'économie américaine, p. 492.

⁵ В 1910 г. эмиссия ценных бумаг в США составляла 132 млрд. франков, в Англии — 142 млрд. франков.

было одной из основных причин второстепенной роли, которую они играли в международной политике.

Отставание США в деле экспорта капитала в известной степени объясняет также их отставание в отношении участия в разделе мира.

И действительно, несмотря на свой высокий промышленный потенциал, США имели значительно меньше колоний, чем европейские державы. Накануне войны общая площадь американских колоний составляла всего 300 тыс. кв. км, а их население — 9,7 млн. человек, тогда как Англия владела колониями с территорией в 33,5 млн. кв. км с населением в 395,5 млн. человек, а колонии Франции занимали площадь в 10,6 млн. кв. км с населением в 55,5 млн. человек.

Это обстоятельство также используется проповедниками теории «исключительности» как основание для утверждений, будто американский империализм не похож на империализм других держав, будто он не стремится к захватам, к обладанию колониями, подобно империализму европейских стран. Люди слишком быстро забывают, как несколько штатов, расположенных на Атлантическом побережье, превратились в государство, протянувшееся до Тихого океана. Захват колоссальных территорий на Западе и на Юге осуществлялся путем истребления индейцев, приобретения земель с помощью угроз и путем войны, то есть всегда посредством применения силы.

Один американский историк пишет по поводу присоединения Флориды: «Это была победа права сильного, победа жестокости»¹.

Другой автор называет войну с Мексикой «одной из самых несправедливых войн, какие когда-либо сильная нация вела против слабой»².

В 1803 г., воспользовавшись конфликтом между Англией и Францией, Соединенные Штаты купили у французов Луизиану (2,3 млн. кв. км), в 1819 г. приобрели у испанцев Флориду.

В результате войны с Мексикой (1846—1848 гг.) США получили Техас, Калифорнию, территории Юты, Невады,

¹ Fuller H. B., The purchase of Florida, Cleveland, 1906.

² Personal Memoirs of US Grant, t. 1, p. 53.

Аризоны и Новой Мексики. Так, они отняли у Мексики больше половины ее территории! В 1853 г. они заставили Мексику отдать им еще 36 211 кв. км территории. В 1867 г. они купили у России Аляску. Территория Соединенных Штатов (без Аляски) увеличилась с 2 210 629 кв. км в 1790 г. до 7 839 383 кв. км в 1870 г.

Американская капиталистическая промышленность долго была сосредоточена в Северных и Северо-Восточных штатах страны. Нужно иметь в виду, что именно эти-то штаты и завоевали всю территорию, которую занимают теперь Соединенные Штаты Америки. Осуществить это завоевание они могли только в результате гражданской войны, которая позволила промышленному Северу и Северо-Востоку подавить сопротивление аграрного рабовладельческого Юга, распространить свое господство на всю территорию от Атлантического до Тихоокеанского побережья и эксплуатировать 31 млн. иммигрантов, которые заселили эти районы за время с 1840 по 1914 г.

Если до 1880 г. американская экспансия отличалась по форме от экспансии капиталистических стран Европы, то лишь потому, что поблизости от этих последних не было более или менее свободных территорий, юридически не принадлежавших другим странам. По существу же никакой разницы не было. Соединенные Штаты использовали XIX век для освоения территорий Запада и его заселения; этим и объясняется отставание США в деле захвата территорий и рынков за пределами Северной Америки.

Но как только закончилось завоевание Запада и все пригодные для земледелия земли были захвачены, Америка в своей экспансии перешагнула границы страны. Именно в десятилетие 1880—1890 гг., то есть в тот период, когда начал развиваться монополистический капитализм, все земли на Западе были заняты. С 1895 г. экспорт промышленных изделий начинает играть видную роль в балансе внешней торговли; с 1898 г. США ввозят больше сырья, чем фабрикатов, и вывозят больше фабрикатов, чем ввозят. К ужасу европейских промышленников, в конце XIX в. американские промышленные изделия начинают появляться на европейских рынках. В 1898 г. официальный орган «Ревью оф уорлдс коммерс» заявил: «Промышленность Соединенных Штатов достигла такого

уровня, при котором сравнительно легко снабжать своей продукцией не только национальный рынок, но и значительную часть мира».

Таким образом, с 1880—1890 гг. американская экспансия вступает в новую фазу. В 1898 г. председатель Американской ассоциации банкиров указал, в какой последовательности будет развиваться эта экспансия: «Мы уже обладаем тремя главными козырями в борьбе за экономическое превосходство,— торжественно заявил он, открывая ежегодный съезд своей ассоциации,— железом, сталью и углем. Мы долго были житницей мира; теперь мы хотим стать и его расчетной палатой»¹.

Это означало, что Нью-Йорк хотел занять место Лондона в качестве центра международных финансов. Американская печать подготовляла общественное мнение в этом направлении. «Психологически мы созрели для империалистических авантюр,— писал один американец об этом периоде,— и восприняли европейский образ мышления. Мы вдруг решили, что обладаем избытком капиталов и что нам необходимо найти рынки для их размещения и для сбыта нашей промышленной продукции». Газеты запестрели передовицами, содержащими те же доводы в пользу империалистической политики, какие уже набили оскомину в Европе. «Нельзя сопротивляться,— говорилось в них,— всеобщей тенденции к экономической экспансии»².

Американская империалистическая экспансия (1890—1914 гг.)

В течение этого периода империалистическая политика США по существу ничем не отличалась от политики европейских государств: захват внутреннего рынка монополиями; территориальные аннексии; создание финансовых протекторатов; государственное вмешательство в целях защиты интересов американских капиталистических компаний за границей.

Американский финансовый капитал проводил строго протекционистскую таможенную политику. Впрочем, в этом не было ничего нового. Уже в 1812 г. Соединенные

¹ A. Vialatte, *L'Impérialisme économique*, p. 71, Colin, Paris, 1923.

² Walter E. Weyle, *American World Policies*, 1917, p. 47.

Штаты ввели у себя высокие таможенные пошлины, которые повышались затем в 1816, 1824 и 1825 гг. Вначале эта политика проводилась в целях защиты от английской конкуренции нарождающейся американской промышленности и содействия ее развитию; благодаря таможенному барьеру Соединенные Штаты к 1850 г. стали промышленной страной. Именно за эту политику протекционистский промышленный Север воевал против Юга, стоявшего за свободу торговли.

Но если вначале протекционистская политика играла прогрессивную роль, помогая бороться против промышленной монополии Англии, то в эпоху империализма характер ее коренным образом изменился.

Американская промышленность была уже достаточно сильна, чтобы обходиться без защиты от английской конкуренции; но теперь американские тресты хотели устранить иностранную конкуренцию, чтобы иметь возможность заставить американского потребителя платить высокие монопольные цены за товары. Американские тресты проводили через конгресс все более высокие таможенные тарифы: в 1890 г.— тариф Мак-Кинли, в 1897 г.— тариф Дингли, в 1909 г.— закон Пэйна — Олдрича.

В своей внешней политике американское правительство целиком исходило из стремления защищать интересы американских монополий за границей. Эта политика получила наименование «дипломатии доллара».

«Может оказаться полезным,— без стеснения заявил президент Тафт, пытаясь ее оправдать,— проводить политику активного вмешательства, чтобы создать возможности выгодного размещения наших товаров и наших капиталов в интересах как США, так и тех стран, с которыми они имеют дело».

В зависимости от соотношения сил эта политика вмешательства принимала одну из трех форм. Всякий раз, когда это было практически возможно, американское правительство либо аннексировало территорию, которой оно добивалось, либо устанавливало над ней «финансовый протекторат», либо, наконец, открыто вмешивалось в ее внутренние дела и заставляло ее проводить угодные ему мероприятия. В иных же случаях, когда у правительства США возникали противоречия с европейскими правительствами, оно защищало принцип «открытых дверей».

Именно в рассматриваемый период Соединенные Штаты и стали колониальной державой. В 1892 г. они поделили с Германией острова Самоа, расположенные на прямом торговом пути из Сан-Франциско в Сидней. В 1893 г. они установили протекторат над Гавайскими островами, а в 1898 г. аннексировали их окончательно. В том же 1898 г. в результате недолгой войны с Испанией они захватили Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. В 1903 г., организовав переворот в Колумбии, они оторвали от нее Панаму, получили в полную собственность полосу земли шириною 16 км и право вмешательства во внутренние дела «для поддержания порядка» на всей территории новой республики (по договору Хэй — Бюно Варилья). Наконец, в 1917 г. они купили у Дании Антильские острова.

Из этого видно, что американские империалисты ограничили свои территориальные захваты колониями, которые принадлежали захиревшим европейским государствам, вроде Испании, а также важными в стратегическом отношении островами.

Что же касается номинально независимых, но экономически отсталых американских и азиатских стран, являющихся полуколониями иностранного капитала, то американские империалисты стремились прежде всего помешать захвату этих стран европейскими империалистами, а затем — обеспечить там господствующее положение для самих себя.

Уже в этот период вырисовываются те методы американского господства, которые впоследствии были применены в мировом масштабе в форме плана Маршалла: американский империализм оставляет полуколониальным странам фиктивную независимость, обеспечивает свою гегемонию над ними, создавая из них политические блоки, находящиеся под его господством, осуществляет вмешательство в их внутренние дела с помощью подкупа, политического, экономического или военного давления, захватывая национальные богатства этих стран.

Правительство США с грубым цинизмом присвоило себе право вмешиваться во внутреннюю политику иностранных государств всякий раз, когда эта политика не отвечает интересам американского капитализма.

«Всякая страна, население которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу сердечную дружбу,— заявил президент Теодор Рузвельт в своем послании в декабре 1904 г.— Если какое-либо государство проявляет способность разумно и благопристойно разрешать политические и социальные вопросы, если оно поддерживает на своей территории порядок и выполняет свои обязательства, ему нечего опасаться вмешательства Соединенных Штатов... Однако состояние хронической революции или бессилия, которое ведет к общему ослаблению общественных связей, может потребовать в Америке, как и в других частях света, вмешательства цивилизованных стран; что же касается западного полушария, то принятая Соединенными Штатами доктрина Монро может вынудить их выполнять в таких случаях, помимо своей воли, функции международной полиции»¹.

Такую политику — оба ее этапа — американские империалисты проводили преимущественно в двух районах земного шара: в Латинской Америке и в Китае.

В период 1880—1890 гг. пресловутая доктрина Монро, регулировавшая взаимоотношения между Соединенными Штатами и другими американскими странами, претерпела коренное изменение. Пока существовал капитализм, допускавший свободу конкуренции, вашингтонское правительство придерживалось декларации, обнародованной 2 декабря 1823 г. президентом Соединенных Штатов Монро.

В это время латиноамериканские республики освободились от испанского господства. Правительство США опасалось, как бы крупные европейские державы, объединившиеся в Священный союз, не предприняли интервенции в странах Южной Америки, чтобы там закрепиться, подобно тому, как закрепилась Франция в Испании. Поэтому, признав в 1822 г. латиноамериканские республики, Монро заявил в 1823 г. в послании к конгрессу, что эра колонизации Америки закончилась и что Соединенные Штаты будут выступать против всякого политического вмешательства европейских держав в дела Нового Света. В ту эпоху это заявление носило прогрессивный характер, так как оно содействовало освобождению народов

¹ *Vialatte, L'Impérialisme économique, p. 126—127.*

Америки и препятствовало осуществлению колонизаторских замыслов реакционных европейских правительств.

В период монополистического капитализма на смену доктрине Монро пришел панамериканизм, то есть перегруппировка американских государств под опекой Вашингтона. Формула «Америка для американцев», служившая выражением доктрины Монро, превратилась в новую формулу: «Америка для янки». Стремление США к гегемонии особенно ярко выразилось в известной ноте государственного секретаря Ольни, направленной Великобритании 20 июня 1895 г. В этой ноте содержалось приказание передать на арбитраж Соединенных Штатов конфликт по поводу границы между Венецуэлой и Британской Гвианой. «Соединенные Штаты,— говорилось в ноте,— в настоящее время осуществляют фактический суверенитет над этим континентом». Если в 1850 г. Соединенные Штаты заключили с Англией договор, известный под названием договора Клейтона — Бульвера, предусматривавший международную гарантию для канала, который предполагалось прорыть через территорию Никарагуа, то в 1898 г. президент Мак-Кинли в своем послании заявил: «Теперь наша национальная политика настоятельнее, чем когда-либо раньше, требует, чтобы этот канал находился под властью нашего правительства».

В 1901 г. договор Клейтона — Бульвера был заменен договором Хэя — Паунсфота, который фактически ставил Панамский канал под единоличный контроль Соединенных Штатов. Государственный секретарь Блейн, поборник панамериканизма, пытался создать под опекой Соединенных Штатов конфедерацию всех стран американского континента. «Он стремился обеспечить прочность этого союза,— пишет Виалат,— положив в его основу множество общих интересов и создав таможенный союз, в рамках которого Соединенные Штаты превратились бы в поставщика промышленных товаров для аграрных стран Латинской Америки, вытеснив оттуда европейских поставщиков»¹.

В 1884 г. была создана комиссия, которой было поручено изыскать «наилучший путь к обеспечению более тесных политических и торговых отношений между США и странами Южной и Центральной Америки».

¹ *Vialatte, L'Impérialisme économique, p. 65.*

В октябре 1889 г. под председательством Блейна в Вашингтоне открылась конференция представителей всех американских стран, за которой последовал целый ряд панамериканских конгрессов — в Мексико (1901—1902 гг.), в Рио-де-Жанейро (1906 г.), в Буэнос-Айресе (1910 г.) и в Вашингтоне (1915 г.).

Одновременно Соединенные Штаты воспользовались финансовыми затруднениями государств Центральной Америки, чтобы установить над ними подлинный финансовый протекторат. Когда какое-либо из этих государств оказывалось не в силах производить платежи по своему внешнему долгу — все равно, задолжало ли оно Соединенным Штатам или какому-нибудь европейскому государству, — правительство США заключало с ним «соглашение», по которому управление его таможнями и финансами поручалось гражданам США. Эта политика финансового протектора была впервые осуществлена в 1905 г. в республике Сан-Доминго, а затем в Гондурасе, в Никарагуа (1914 г.), в Гаити (1915 г.).

Внимание американских монополий привлекал к себе и огромный китайский рынок. Захват Гавайских островов, а затем Филиппин, и постройка Панамского канала, открытого для судоходства в 1914 г., служат вехами, отмечающими этапы экспансии американского империализма, продвигавшегося к Дальнему Востоку.

«Филиппинские острова навсегда наши, — заявил 9 января 1900 г. сенатор Беверидж. — Непосредственно за Филиппинами лежит Китай с его необъятными рынками. Мы не откажемся ни от того, ни от другого».

Американцы намеревались превратить Манилу в соперницу Гонконга. В декабре 1898 г. президент Мак-Кинли доказывал необходимость постройки Панамского канала.

«Постройка канала, соединяющего два океана, нужна как никогда, чтобы ускорить сообщение между нашими восточным и западным побережьями; она необходима в связи с аннексией Гавайских островов и с *перспективой распространения* нашего влияния и нашей торговли в Тихом океане».

И действительно, канал значительно сократил расстояние между Дальним Востоком и портами восточного побережья США, через которые вывозятся промышленные

товары. Теперь Нью-Йорк лежит ближе к Иокогаме, чем Ливерпуль, а раньше он был на 2 тыс. миль дальше.

Американских финансистов стала особенно интересовать Маньчжурия. В 1907 г. генеральный консул США в Мукдене добился от китайского правительства разрешения открыть в Маньчжурии банк с американским капиталом. Крупнейший соперник Моргана финансист Гарриман одновременно завязал переговоры о покупке Китайско-Восточной железной дороги в Южной Маньчжурии. Он собирался затем приобрести право перевозок по Транссибирской дороге и таким образом создать кругосветную транспортную систему под своим неограниченным контролем.

Теперь для правительства США стало важнее всего не дать европейским державам и Японии произвести раздел Китая, где в конце XIX в. были уже установлены «сферы влияния». В сентябре 1899 г. государственный секретарь Джон Хэй направил державам, уже обосновавшимся в Китае, ноту, в которой требовал «открытых дверей» для ввоза в Китай товаров и сохранения территориальной целостности Китая. В 1900 г. Соединенные Штаты приняли участие в подавлении боксерского восстания и в том же году заставили другие державы считаться с американской политикой. В 1909 г., в момент когда французские, английские и немецкие финансовые группировки готовились заключить соглашение о строительстве важных железных дорог (Кантон — Ханькоу и Ханькоу — Сычуань), Соединенные Штаты вмешались и потребовали участия в этом проекте американских банков, на что было получено согласие. В мае 1911 г. консорциум этих четырех групп заключил «соглашение» с китайским правительством. К нему присоединились также русские и японские финансисты. Новый консорциум подготовил проект «реорганизации финансов Китая», который ставил китайские финансы и торговлю целиком под его власть.

Неизбежность мировой войны

Нельзя сказать, чтобы до первой мировой войны молодой американский империализм не стремился к захватам, не лелеял широких замыслов на этот счет. В то

время Соединенные Штаты, по словам одного американского историка, участвовали «в широком соперничестве за мировое господство в торговле и в международных делах... Они уже не вольны решать, нужно ли им играть какую-нибудь роль в мировой политике; теперь, по выражению Теодора Рузвельта, речь идет о том, хорошо или плохо они будут играть эту роль»¹.

Но для того чтобы играть видную роль, молодому американскому империализму нужно было преодолеть некоторые недочеты. Он не имел ни крупных вооруженных сил, ни военных традиций. Обрабатывающая промышленность, которая работала на экспорт, была еще слабо развита; американский торговый флот обслуживал преимущественно каботажные перевозки и судоходство на Великих озерах; в международном плане Соединенные Штаты еще не были великой морской державой; наконец — и это самое главное, — они еще оставались страной-должником. В этом отношении их значительно обогнали Англия и другие страны, давно уже занимавшиеся экспортом капитала и прочно обосновавшиеся в Южной Америке и в Азии. Всеми этими причинами и объясняются неудачи и нерешительная политика Соединенных Штатов, когда дело доходило до вмешательства в дела неамериканских стран. Завоевание южноамериканского рынка и установление опеки США над странами Латинской Америки не дали ожидаемых результатов из-за финансовых и торговых связей, которые существовали между этими странами и Англией. В Северном Китае противодействие Японии, которая была союзницей Англии, помешало созданию Маньчжурского банка и сорвало планы Гарримана. Еще при Тафте Соединенные Штаты потребовали участия американского капитала в консорциуме четырех держав, созданном в Китае, а когда в марте 1913 г. президентом стал Вудро Вильсон, они от этого отказались. Лишившись поддержки правительства, американская финансовая группировка была вынуждена отступить, и договор о финансовом протекторате над Китаем был подписан в апреле 1913 г. без ее участия.

Факты говорят о том, что в 1914 г. в интересах дальнейших успехов американского капитализма нужно было

¹ D. S. Mizzy, Histoire des États-Unis, p. 608, Paris, 1921.

ослабить экономически и политически империалистические державы Европы. А ослабить их можно было только с помощью войны.

В самом деле, чтобы США могли стать страной-кредитором, нужно было, чтобы капиталистические страны Европы сделались их должниками, а для этого одного лишь действия экономических законов было недостаточно. Нельзя было представить себе такой финансовый кризис, который разорил бы Европу, но пощадил Соединенные Штаты. Экономика капиталистического мира представляет собой единое целое; когда задет один ее участок, оказываются задетыми и другие. США извели кризисы наряду с другими капиталистическими державами — за двадцать лет они пережили четыре кризиса: в 1893, 1904, 1907 и 1914 гг. Положение могло измениться только в том случае, если бы европейские страны пошли на крупные расходы на нужды войны и обратились за деньгами к США. Одно время, с 1900 по 1905 г., Соединенным Штатам казалось, что они станут страной-кредитором. С 1900 по 1902 г. Англия получила у американских банков займы на сумму 200 млн. долл. В 1900 г. германское правительство получило в Нью-Йорке заем в 20 млн. долл., в 1905 г. Япония разместила большую часть своих займов в Соединенных Штатах. В США все это вызывало ликование: Нью-Йорк считал, что он занял место Лондона и Парижа в качестве международного финансового центра.

«Страна-должник стала главным кредитором, — заявил государственный секретарь Джон Хэй 27 февраля 1902 г. — Понадобились тысячелетия, чтобы финансовый центр мира переместился с берегов Евфрата на берега Темзы и Сены, а теперь, видимо, хватит и одного дня, чтобы он передвинулся на берега Гудзона»¹.

Но радость Хэя была преждевременной. Чем объяснялся на деле этот поток займов? Тем, что Англия ввязалась в дорогостоящую войну в Трансваале, Япония воевала с Россией, а Германия начала гонку морских вооружений.

«Такое положение, обусловленное случайными причинами, счастливым стечением обстоятельств, не могло

¹ *Vialatte, L'Impérialisme économique, p. 79.*

сохраниться надолго,— пишет Виалат.— Финансовый кризис 1907 г. был для американцев горьким пробуждением. Они не сумели сохранить у себя облигации иностранных займов, заключенных в Нью-Йорке в годы процветания... и были снова вынуждены искать иностранных капиталов»¹.

Единственный вывод, который можно из этого сделать, состоит в том, что Соединенные Штаты могли превратиться в кредитора, а Нью-Йорк мог занять место Лондона и Парижа только в том случае, если бы «случайные причины» и «счастливое стечение обстоятельств» возникли вновь и в большем масштабе. Для того чтобы финансовый центр мира смог переместиться с берегов Сены и Темзы на берега Гудзона, необходимо было, чтобы страны Европы затеяли между собой опустошительную войну.

То же самое нужно было и для дальнейшего роста американской промышленности. Из статистических данных видно, что в последние предвоенные годы темпы ее подъема значительно замедлились по сравнению с другими странами. В 1913 г. доля промышленной продукции США в мировом производстве была всего на 0,5% выше, чем в период 1906—1910 гг., между тем как до этого времени она неуклонно повышалась. Что же касается доли США в мировой продукции чугуна и стали, то она даже снизилась. Почему? Потому что отпала одна из важнейших причин развития тяжелой промышленности в Соединенных Штатах, а именно — строительство железных дорог. С 1914 по 1916 г. в стране было построено всего 4534 км железных дорог. В дальнейшем железнодорожная сеть не только не росла, но даже сокращалась. Протяженность используемых железных дорог уменьшилась с 426 210 км в 1916 г. до 396 864 км в 1939 г. и 388 390 км в 1942 г. Так исчезла важнейшая основа промышленного развития Соединенных Штатов, существовавшая до 1910 г.

Промышленность США была бы обречена на застой, даже на относительное снижение производства, если бы она не нашла новых рынков сбыта. Такие рынки она могла найти, лишь получив военные заказы, а также путем за-

¹ *Vialatte, L'Impérialisme économique, p. 79—80.*

воевания рынков в странах Америки и Азии, где европейские государства благодаря своим капиталовложениям занимали ведущее место.

И то и другое требовало войны; изгнать европейских капиталистов с внешних рынков можно было только в том случае, если бы их финансовые позиции оказались ослабленными в результате военных долгов, а для того чтобы их промышленность перестала работать на экспорт, требовалось перевести ее с производства для гражданских нужд на производство вооружений.

Таким образом, в 1914 г. Соединенные Штаты, как и все другие капиталистические государства, были заинтересованы в мировой войне, которая уже подготовлялась.

В отличие от всех остальных стран, если не считать империалистической Японии, Соединенные Штаты сумели нажиться на войне: они сыграли роль вора, воспользовавшегося дракой двух других воров, чтобы похитить их добычу.

Это удалось им по двум совершенно определенным причинам, а именно — вследствие того положения, которое они занимали в 1914 г. в мировой политике, и в силу тогдашнего состояния военной техники.

Относительная изоляция Соединенных Штатов, второстепенная роль, которую они играли на международной арене, противоречия между странами Европы, в особенности между Англией и Германией, превосходившие по своей остроте противоречия между Соединенными Штатами и европейскими странами, — все это исключало возможность образования коалиции европейских стран против США и позволило последним, когда началась мировая война и в Европе развернулись военные действия, оставаться некоторое время в стороне от драки, выбрать себе лагерь и дожидаться благоприятного момента для вмешательства.

С другой стороны, вследствие небольшого радиуса действия тогдашнего оружия и своих ограниченных военных возможностей, Германия не могла ни бомбить территорию США, ни нападать на нее; американские заводы и города не страдали от войны, и Соединенные Штаты могли увеличивать свою промышленную мощь, в то время как Европа подвергалась опустошению.

Таким образом, американский империализм — единственный из всех, если не считать японский империа-

лизм,— вступил в новый период истории капитализма, который открылся первой мировой войной, при наиболее благоприятных для себя условиях.

И совершенно ясно, что в последующие годы развитие американского империализма не было ни в какой мере связано с внутренними причинами, с присущими ему самому качествами, с его якобы «прирожденным» превосходством над его соперниками; оно объяснялось внешними причинами, не зависящими от него историческими условиями, которые, надо сразу же это отметить, не могут повторяться без конца.

Глава II

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО КРИЗИСА 1929 г.

Война 1914 г. и ее последствия

«Европейский конфликт,— писал в 1923 г. буржуазный экономист Виалат о США,— дал им возможность чуть ли не внезапно осуществить мечту, которая возникла у них уже лет 15 тому назад. Они стали великой державой».

Действительно, в результате войны промышленное и сельскохозяйственное производство США начало вновь увеличиваться, их доля в мировом производстве возросла, они стали богаче, тогда как европейские страны обнищали; из государства-должника США быстро превратились в кредитора.

Благодаря механизации земледелия и освоению 32 млн. акров * новых земель производство продуктов питания в 1918—1919 гг. возросло на 9—10% по сравнению со средней цифрой за 1910—1914 гг. Еще значительнее выросла промышленность. Если за период с 1870 по 1939 г. средний годовой прирост промышленной продукции составлял 4%, то за время войны 1914—1918 гг. он увеличился до 7%. Выпуск стали, например, возрос с 32 млн. т в 1913 г. до 45 млн. т в 1917 г., производство автомобилей расширилось с 461 тыс. до 1873 тыс.; тоннаж спущенных на воду судов увеличился с 276 тыс. т в 1913 г. до 4075 тыс. т в 1919 г. Удельный вес США в мировом промышленном производстве за время с 1913 по 1920 г. возрос: по углю с 42,6 до 50%, по чугуну с 30,8 до 59,7%, по стали в слитках с 41 до 59,8%. Если сравнить период 1910—1914 и 1915—1919 гг., то окажется, что удельный вес США в мировом производстве основных видов промышленного сырья вырос следующим образом (в %):

* Акр равен 0,4 га. (Прим. ред.)

Т а б л и ц а 2

	1910— 1914 гг.	1915— 1919 гг.
Уголь	38,6	43,0
Чугун	39,8	55,6
Сталь	41,6	54,3
Медь	56,3	60,6
Свинец	32,9	43,7
Цинк	31,8	59,7
Нефть	64,2	67,4

Что касается обрабатывающей промышленности, то с 1913 по 1920 г. ее продукция в США увеличилась на 22%, тогда как в Германии она снизилась на 41, во Франции — на 29,6, в Англии — на 7,4, а в Италии — на 4,8%. Наряду с ростом производственной мощности существовавших ранее отраслей промышленности в США возникли и новые отрасли. Так, США ликвидировали свое отставание в области химической промышленности: в 1913 г. производство красителей покрывало только 13% потребности страны, а после войны — 94%. Из импортера химических продуктов США превратились в их экспортера. Таким образом, война позволила им не только ускорить развитие своей промышленности, но и заполнить некоторые пробелы: они стали крупной морской державой и крупным экспортером и значительно улучшили свои позиции на внешних рынках. Их океанский торговый флот вырос в десять раз; в 1914 г. его тоннаж составлял 1066 тыс. т, а в 1921 г. — 11 077 тыс. т, и он занял второе место после английского. В 1914 г. доля импортных и экспортных товаров, перевозимых на американских судах, составляла только 9,7%, а в 1921 г. она достигла 35,1%¹. Экспорт сделал большой скачок: с 2300 млн. долл. в 1914 г. он возрос до 8 млрд. долл. в 1920 г. США вывозили в Европу огромное количество продуктов и в то же время вытесняли европейские страны с рынков сбыта. Так, на рын-

¹ Production trends in the U. S. since 1870, National Bureau of Economic Research, p. 147, New York, 1934.

ках Латинской Америки США удалось далеко опередить Англию, Германию и Францию. Приведем данные об удельном весе этих стран в импорте двадцати американских республик за 1913 и 1918 гг. (в %) ¹:

Год	США	Англия	Германия	Франция
1913	24,7	24,3	16,4	8,3
1918	53,1	16,8	—	3,7

Итак, США неслыханно разбогатели, а Европа обнищала. Стоимость средств производства и средств потребления, составляющих национальное богатство страны, по оценкам министерства торговли, выросла со 192 млрд. долл. в 1914 г. до 488,7 млрд. долл. в 1920 г. ², тогда как национальное богатство Германии сократилось с 310 млрд. марок в 1913 г. до 150 млрд. марок в 1924 г. ³, а Франция потеряла от 20 до 30% своего капитала ⁴. Европейские страны пострадали не только от огромных разрушений на их территориях, понесли не только колоссальные людские потери, но потеряли и часть своих капиталов, размещенных за границей.

Для финансирования войны Англия продала 25% своих заграничных капиталовложений — около 25 млрд. золотых франков. По данным Маультона, Франция потеряла 23 млрд. золотых франков, которые были помещены в России, Турции, странах Центральной Европы и т. д., и продала иностранных ценных бумаг на 3,5 млрд. франков. Германия потеряла все свои заграничные капиталовложения — около 44 млрд. золотых франков ⁵. Сумма иностранных долгосрочных капиталовложений в США с 1914 по 1919 г. уменьшилась на 4300 млн. долл. ⁶ В то же время американские капиталисты воспользовались войной для размещения своих капиталов, в частности в Южной Америке. В мае 1915 г. министр финансов США Макаду заявил на панамериканской конференции:

¹ *Mordecai Ezekiel, Economic relations between the America, February, 1941.*

² *Estimated value of national wealth, Department of Commerce, 1922.*

³ *Karl Koettgen, l'Amérique économique, p. 130, Paris, 1927.*

⁴ *L'Évolution de la fortune française de 1789 à nos jours.*

⁵ Новые материалы к работе В. И. Ленина, Империализм, как высшая стадия капитализма, М., 1935, стр. 133.

⁶ *The U. S. in the World economy, p. 123.*

«Нынешняя обстановка благоприятствует установлению более тесных финансовых связей между США и странами Центральной и Южной Америки».

Общая сумма частных капиталовложений американцев за границей за время войны удвоилась: с 3,5 млрд. долл. в 1914 г. она возросла до 6,5 млрд. в 1919 г. В 1919 г. сумма долгосрочных американских капиталовложений за границей превысила на 4 млрд. долл. иностранные капиталовложения в США. Кроме того, федеральное правительство предоставило в распоряжение союзных правительств 10,5 млрд. долл., а частные банки — еще 1,5 млрд. долл. Таким образом, в течение трех лет Европа и США поменялись местами: Европа из кредитора стала должником, а США из должника — кредитором.

Война и монополии

Формулировка «обогащение США» требует уточнения. Война уничтожает богатства и потому не может обогащать народы. Она ведет к абсолютному обнищанию масс, даже если территория данной страны не превращается в театр военных действий. Это верно и для США. Война представляет собой «бизнес» только для трестов. Заказы правительства США и союзных стран принесли выгоду только крупному американскому капиталу: он получил возможность расширять свои заводы и продавать товары по взвинченным ценам. Для американских монополий война послужила, с одной стороны, средством усиления эксплуатации американских рабочих, на плечи которых было переложено бремя военных расходов, достигших 25 млрд. долл., с другой стороны, помогла монополиям США обогатиться в Европе, завладев активами союзников за границей и ограбив побежденные страны. Американские фабриканты продали Франции товаров на 3,34 млрд. золотых франков, но, по оценке французского военного интенданта Дьедерика, эти товары в действительности стоили всего 1,5 млрд. франков. Таким образом, американские монополии получили 1,84 млрд. франков сверхприбыли.

Затем американцы присвоили 4,5 тыс. германских и австрийских патентов, которые послужили основой для развития в США химической промышленности, и, в частности, заводов фирмы Дюпон де Немур, прибыли кото-

рой выросли с 5 млн. долл. в 1913 г. до 43 млн. долл. в 1918 г.

«Нынешняя американская химическая промышленность,— говорит Денни,— возникла отчасти благодаря краже германских и австрийских патентов, учиненной ва-шингтонским правительством, которое впоследствии про-дало эти патенты по дешевке частным американским пред-принимателям»¹.

Таким образом, война принесла выгоды только приви-легированному слою населения. К концу войны в США прибавилось 17 тыс. новых миллионеров. За время войны прибыли капиталистов (за вычетом налогов) сначала удвоились, а затем утроились², причем они увеличились значительно больше, чем доходы всех прочих групп насе-ления. Прибыли, полученные американскими компаниями (после вычета налогов) в 1917 г., превысили прибыли 1914 г. на 203%, тогда как весь национальный доход уве-личился только на 43%. Война одновременно способство-вала концентрации производства и образованию крупных предприятий. Процент рабочих, занятых в промышленных предприятиях с числом работающих свыше 1000, увели-чился с 15% в 1909 г. до 26% в 1919 г. Три крупнейшие автомобильные компании, которые уже в 1915 г. выпу-скали 51% всех производимых в США автомобилей, в 1920 г. стали выпускать 71% автомашин.

Политика американского империализма (1919—1929 гг.)

В результате вызванных войной перемен США логи-чески должны были бы выдвинуться на первое место в мировой политике. Именно так и рассуждал Вильсон, на-вязывая мирной конференции решение о создании Лиги наций. Эта организация могла стать орудием проведения во всем мире империалистической политики США. Но аме-риканский сенат отклонил инициативу Вильсона. США от-казались вступить в Лигу наций и ратифицировать

¹ L. Denny, L'Amérique conquiert l'Angleterre.

² Чистая прибыль всех американских компаний (в млн. долл.) по данным The income in the U. S., its amount and distribution (1909—1919), p. 324, составляла: в 1914 г.— 2684; 1915 — 4230; 1916 — 7937; 1917 — 7958; 1918 — 4513; 1919 г.— 6240.

Версальский договор; они предпочли относительную изоляцию. Эта позиция объясняется несколькими причинами.

1. Часто после события должно пройти некоторое время, чтобы его значение стало ясным. Люди редко замечают перемены в то самое время, когда они происходят. Коренное изменение положения США совершилось так внезапно и в таких исключительных условиях, что американские капиталисты вполне естественно не сразу осмыслили это изменение настолько, чтобы сделать из него логические выводы. Руководящие круги Уолл-стрита и в 1920 г. смотрели на мир глазами 1914 г.

2. С другой стороны, США были не единственной великой державой. Хотя британский империализм переживал относительный упадок, он все еще представлял собой внушительную силу. Политику мировой гегемонии нельзя проводить без всякой подготовки. В 1919 г. США не имели ни кадров, ни опыта Великобритании, чтобы проводить такую политику с успехом. Они боялись, как бы внутри Лиги наций Англия не подчинила их себе и не вовлекла их в Европе в такие предприятия, от которых они не получили бы никакой выгоды. Сохранившаяся с довоенных времен некоторая робость перед вступлением на новый путь, боязнь понести издержки вследствие политики, которую, быть может, станет диктовать кто-то другой, желание хранить выжидательную позицию, принесшую им такую удачу во время войны,— все это и побуждало США держаться подалеже от европейского «осинового гнезда» и предоставить Англии и Франции руководящую роль в Лиге наций, созданной по инициативе самих же американцев.

3. К этим причинам следует добавить свойственное капиталистическим выскочкам ложное представление, будто положение кредитора автоматически обеспечивает им господство над миром. США считали, что гегемония Англии перейдет к ним только потому, что они вышли на первое место в мире по финансовому могуществу. Они думали, что промышленное и финансовое превосходство позволит им завоевать рынки и подчинить себе страны, которые будут нуждаться в их капиталах, и что, таким образом, в политической и военной победе они не нуждаются.

«Наше первенствующее положение,— писала «Нью-Йорк уорлд телеграм»,— обусловлено не превосходством

вооружений, а нашей экономической мощью. Государство, контролирующее торговлю и кредит, контролирует весь мир, кто бы там ни распоряжался пушками»¹.

США рассчитывали, что именно путем экономических и финансовых мероприятий они смогут оттеснить Англию на задний план, заставить ее отступить. Поэтому с 1918 по 1929 г. американская экспансия носила в основном экономический характер.

В одной области, однако, американский капитализм, казалось бы, должен был играть руководящую роль; речь идет о борьбе против революционного движения в Европе. Существование и развитие пролетарского государства в России создавало серьезную угрозу экспансии американских монополий.

Нельзя сказать, что руководящие круги Уолл-стрита не видели этой угрозы и не пытались совместно с другими империалистическими государствами разгромить первое государство пролетариата. Гувер писал: «Вся американская политика в период перемирия состояла в том, чтобы всеми средствами препятствовать большевизации Европы»². Тот же Гувер заявил на мирной конференции: «Большевизм хуже войны». США предоставили Керенскому кредит в 188 млн. долл.; закупленные на эти средства военные материалы прибыли после Октябрьской революции и были переданы Колчаку. В начале 1920 г. США направили военные материалы и продовольствие реакционному польскому правительству, выступившему против России. С согласия государственного департамента был выпущен польский заем на сумму в 50 млн. долл.

Под предлогом снабжения населения и борьбы с голодом Гувер попытался шантажировать советское правительство, чтобы остановить наступление Красной Армии и создать «правительство порядка». С 1921 по 1923 г. он послал в Россию на 60 млн. долл. продовольствия, а вместе с ним и множество военных и шпионов вроде капитана Грегори, который хвастался тем, что готовил свержение советской власти в Венгрии. Наконец, США были последней из великих капиталистических держав, которая признала советское правительство.

¹ Приводится у *Dzelepy, La Guerre du dollar, Paris, 1932.*

² Письмо Освальду Г. Уилларду, редактору нью-йоркского журнала «Nation», 17 августа 1921 г.

Государственный департамент поставил себе задачей сохранить соотношение вооруженных сил, создавшееся в результате войны. Для этого в августе 1921 г. США созвали в Вашингтоне своих бывших союзников.

Во время Вашингтонской конференции (она продолжалась с 11 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г.) США заставили Англию принять принцип равенства военно-морских флотов; так был положен конец морскому господству Англии и политике, проводившейся до 1914 г. и состоявшей в том, что английский флот должен был превосходить по своей мощи объединенные флоты двух наиболее мощных держав после Англии. В то же время США обязали Англию расторгнуть союзный договор с Японией, военный флот которой, в силу Вашингтонского договора, должен был уступать по размерам американскому. Эти два мероприятия обеспечили Соединенным Штатам господство на Тихом океане.

Помимо этого, США приняли меры к устранению препятствий для экспорта американских капиталов и товаров. На мирной конференции Вильсон настойчиво требовал равенства условий торговли и отмены таможенных барьеров.

Однако самую серьезную угрозу для США создавала империалистическая политика Японии на Дальнем Востоке.

В январе 1915 г. Япония предъявила Китаю настоящий ультиматум, который состоял из 21 пункта («21 требование»). Она требовала, чтобы китайское правительство, с одной стороны, признало захват ею тех районов, где она уже обосновалась в результате русско-японской войны и овладения германскими концессиями, а с другой — чтобы оно подчинилось настоящей опеке, позволив японским советникам руководить его политическими, финансовыми и военными делами¹. США немедленно запротестовали и заставили Японию отказаться от второй группы требований и изменить все остальные. США вернулись к этому вопросу на Вашингтонской конференции 1921 г.: они заставили Японию и империалистические государства Европы принять так называемый «договор девяти держав» (США, Великобритании, Японии, Китая, Франции, Бельгии, Португалии, Италии и Голландии),

¹ Vialatte, L'Impérialisme économique, p. 249.

который, в представлении американцев, должен был обуздать японскую экспансию в Китае и подготовить завоевание китайского рынка американским капиталом. На основе этого договора 4 февраля и 22 марта 1922 г. Япония возвратила Китаю Цзяочжоу и отказалась от привилегий, полученных в соответствии с «21 требованием». Япония и европейские державы приняли на себя следующие обязательства в отношении Китая (ст. 1 договора): «Уважать суверенитет, независимость и национальную и административную целостность Китая», «употреблять свое влияние в целях фактического установления и сохранения принципа равных возможностей в области торговли и промышленности для всех государств на всей территории Китая», «воздерживаться от использования политической обстановки в Китае в целях приобретения особых прав и привилегий»¹. Так принцип «открытых дверей», означавший, по мнению Вашингтона, «открытые двери для американских товаров и капиталов», был снова признан официально, а отступление европейских империалистов в Азии, как полагали американцы, было окончательно закреплено договором.

Наконец, американское правительство добивалось, чтобы вся тяжесть расходов на войну легла на плечи народов Европы. В основе деятельности государственного департамента за период между 1918 и 1929 гг. лежали попытки заставить бывших союзников платить по займам, полученным во время войны.

США воспрепятствовали заключению соглашения между Англией и СССР по вопросу о компенсации английским капиталистам за экспроприированное у них имущество, так как это соглашение было основано на принципе аннулирования царских долгов.

«На этой основе,— говорит И. В. Сталин,— нам удалось сговориться с Макдональдом. Подпочвой этих переговоров являлась идея фактического аннулирования военных долгов. Именно поэтому этот договор был сорван. Кем? Несомненно, Америкой. Хотя Америка в переговорах Раковского с Макдональдом не участвовала, хотя Макдональд и Раковский пришли к известному проекту соглашения, хотя этот проект соглашения давал выход и

¹ *Vialatte, L'Impérialisme économique, p. 303.*

той и другой стороне, и интересы обеих сторон более или менее удовлетворялись этим проектом, тем не менее, так как этот проект исходил из идеи аннулирования военных долгов, а Америка не хотела создавать такого прецедента, ибо она потеряла бы тогда миллиарды, которые имеет за Европой, то она, т. е. Америка, «посоветовала», и договора не стало»¹.

США не уступали ни цента. К моменту подписания соглашений о платежах признанная европейскими государствами общая сумма их задолженности США (включая проценты) составляла 11 704 млн. долл. (Англия — 4604 млн. долл., Франция — 4025 млн. долл., Италия — 2204 млн. долл.). Несмотря на бурные протесты народов этих стран, США добились признания и обеспечения долгов Англией (1923 г.), Бельгией и Италией (1925 г.) и, наконец, Францией (1926 г.)².

По этим соглашениям уплата долгов была рассрочена на 60 лет. К 1987 г. государства-должники обязаны были выплатить 22 712 млн. долл. Таким образом, война принесла США значительную прибыль.

Домогаясь уплаты по этим долгам, американский крупный капитал рассчитывал еще больше усилить свою финансовую мощь за счет Европы, опекать европейские страны и затруднить им конкуренцию с США на мировых рынках. Не случайно самые тяжелые условия уплаты были навязаны Англии, сумма всех взносов которой в погашение долга в 4604 млн. долл. должна была составить 11 647 млн. долл.³ (см. табл. на стр. 47).

Впоследствии план Дауэса⁴ был заменен планом Юнга (19 мая 1930 г.), что также было сделано по инициативе американских банкиров, которые под давлением экономического кризиса боялись, как бы слишком большие платежи по репарациям не отразились на поступлении доходов от их собственных капиталовложений. В декабре

¹ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 290.

² Соглашение было ратифицировано французским парламентом лишь в июле 1929 г.

³ Помаре, Военные долги европейских стран США.

⁴ По плану Дауэса Германия уплатила всего 8120 млн. золотых марок. Ранее, по данным комиссии по репарациям, она уплатила уже 10 200 млн. марок.

1929 г. Паркер Гильберт потребовал от Пуанкарэ пересмотра плана Дауэса. Был создан новый комитет экспертов под председательством президента компании «Дженерал электрик» Юнга и при личном участии банкиров Ламонта и Моргана. Комитет заседал с января по июнь 1929 г. и разработал новый план, по которому сумма репараций была сокращена еще больше.

Страны	Сумма долга (в млн. долл.)	Сумма всех платежей в погашение долга (в млн. долл.)
Франция	4 025	6 847
Великобритания	4 604	11 647
Италия	2 204	2 405
Эстония	14	53
Финляндия	9	21
Венгрия	1,8	4,6
Латвия	5,6	13,8
Литва	6,0	14,2
Польша	178,8	435,6
Чехословакия	115	312
Румыния	44	122
Бельгия	417	723
Греция	18	19
Югославия	62	95

Американские капиталисты рассчитывали таким образом обеспечить себе при минимальных расходах благоприятные условия для усиления эксплуатации трудящихся не только в США, но и во всем мире. Для этого им надо было иметь в правительстве своих людей. Стремясь обеспечить такое положение, при котором политика правительства полностью отвечала бы их интересам, они не могли больше довольствоваться марионетками или наемными политиками, а взяли руководство государственным аппаратом в собственные руки. Их главным уполномоченным был Герберт Гувер, который, как мы уже видели, активно выступал против Советского Союза, провел восемь лет на посту министра торговли, а с 1929 по 1933 г. был президентом США. Гувер — не профессиональный политический деятель: он очень богатый делец. Придя в 1921 г. в министерство торговли, он стал превра-

щать это учреждение, не имевшее ранее особого значения, в прекрасно работающую организацию по сбору коммерческой информации для нужд трестов; он создал кадры, которых так нехватало американскому империализму для обеспечения его мировой гегемонии; наконец, он добился «сотрудничества» между экономическим и политическим руководством страны, которое становилось все теснее.

Американский писатель Л. Денни писал:

«Идея разумной и интенсивной деятельности американцев на внешних рынках принадлежит не Гуверу. Некоторые крупные компании с большим успехом претворяют эту идею в жизнь уже лет двадцать. Но Гувер превратил ее в идею государственной важности; он хотел обеспечить за послевоенной Америкой господствующее положение, которого она раньше не имела... В 1921 г. он стал членом кабинета. С этого времени вашингтонское правительство начинает сознательно обслуживать нужды американской экономической экспансии»¹.

Вот как тот же автор описывает деятельность Гувера:

«Он отбирал в университетах и технических институтах молодежь и пополнял ею свою организацию, созданную во время войны; эту организацию он превратил в ударную силу внешнего экономического наступления США.

Когда молодые люди заканчивали свою подготовку, он размещал их в качестве экономических экспертов по американским банкам и крупным фирмам. Одновременно он готовил новые кадры работников для государственной службы. Так он создал аппарат для обслуживания вновь созданной американской экономической империи.

Внутри страны Гувер обратил в свою веру многих крупных дельцов и политических деятелей... Закон Померена санкционировал организацию больших промышленных объединений для борьбы с иностранными монополиями на внешних рынках. В то же время Гувер организовал конкурирующих американских фабрикантов в сотрудничающие между собой группы, стараясь привлечь их на свою сторону личными беседами, печатной пропагандой и правительственным давлением. Он проповедовал им новые лозунги борьбы с потерями, серийного производства, спе-

¹ *L. Denny, L'Amérique conquiert l'Angleterre.* Цитируется по французскому изданию 1933 г., стр. 53—54.

циализации, стандартизации, калькуляции, научных исследований, изучения рынков, массовой продукции и капиталистической рентабельности. Короче говоря, Гувер осуществил американизацию Америки, которая раньше существовала главным образом в мечтах многих американцев и была кошмаром для многих европейцев»¹.

Наряду с Гувером и другие виднейшие американские капиталисты стали принимать участие в правительстве и выполнять его поручения. Кабинет Кулиджа состоял наполовину из представителей крупного капитала, кабинет Гувера — на две трети. Министр финансов Меллон был магнатом нефтяной, алюминиевой, сталелитейной, угольной промышленности и банкиром, одним из самых богатых людей в США. Один из компаньонов Моргана, Ламонт, был министром торговли; его послали в Японию для заключения финансовых соглашений и урегулирования японо-американских отношений. Банкир Дауэс и президент компании «Дженерал электрик» Юнг руководили переговорами о двух планах, названных их именами. Большинство американских дипломатов — видные деятели Уолл-стрита. Американские посольства за границей стали поистине посольствами трестов. Другой компаньон Моргана, Дуайт Морроу, был назначен послом в Мексику; он заставил мексиканское правительство отменить законы, направленные против американских нефтяных компаний, и урегулировал спор о кредитах, предоставленных его банком Мексике. Банкир Дауэс был послом США в Лондоне. Люди переходят с государственной службы в тресты, и наоборот. Денни пишет:

«Чарльз Эванс Юз на посту государственного секретаря вел дипломатическую борьбу за интересы нефтяных компаний; уйдя в отставку, он сделался их же юрисконсультантом».

Экспансия монополий

а) в Соединенных Штатах

Американские монополии стали присваивать более крупную долю национального дохода; для этого они усилили эксплуатацию всех потребителей, проводя еще

¹ *L. Denny, L'Amérique conquiert l'Angleterre.* Цитируется по французскому изданию 1933 г., стр. 53—54.

более жесткую протекционистскую политику; эксплуатацию фермеров — путем снижения цен на сельскохозяйственные продукты и эксплуатацию рабочих — с помощью рационализации производства. Прибыли трестов выросли, что позволило им еще крепче забрать в свои руки все хозяйство страны путем концентрации производства.

Протекционистские мероприятия, введенные 27 мая 1922 г. законом о «чрезвычайном тарифе», были вскоре дополнены тарифным законом Фордни — Мак Кэмбера (который прошел в сенате 21 сентября 1922 г.). Ввозные пошлины на все промышленные изделия были повышены, а ввоз химических товаров и красителей фактически запрещен. Таким образом, новые отрасли промышленности, созданные в военное время, получили возможность развиваться дальше. Но и этого оказалось недостаточно. 7 мая 1929 г. в палату представителей был внесен законопроект Хоули — Смутса, который через год стал законом; таможенный тариф был снова значительно повышен.

Во время войны цены на сельскохозяйственные продукты выросли больше, чем цены на промышленные изделия. В период с 1917 по 1920 г. благодаря спросу Европы соотношение цен благоприятствовало сельскому хозяйству. Американские капиталисты позволили фермерам воспользоваться небольшой частью золотого потока, направлявшегося из Европы в США; но кризис 1920—1921 гг. помог промышленным монополиям вернуть себе значительную часть прибавочной стоимости, доставшейся земельным собственникам. А начиная с 1921 г. соотношение цен все время не благоприятствовало фермерам; по сравнению с довоенным временем их положение ухудшилось (см. табл. 3).

Американские предприниматели приложили огромные усилия, чтобы снизить издержки производства, увеличить прибыли и обогнать промышленность Европы. Так называемая «рационализация» американской промышленности заключалась в повышении производительности труда путем использования технических изобретений и открытий; в уменьшении затраты труда на единицу продукции путем нормализации и стандартизации, позволяющих сокращать число типов товаров и, следовательно, необходимое рабочее время, не применяя технических усовершенствований; в борьбе с потерями всех видов (потери сырья,

Таблица 3

ИНДЕКСЫ ЦЕН, ПОЛУЧАЕМЫХ ФЕРМЕРАМИ ЗА СВОИ ПРОДУКТЫ
И УПЛАЧИВАЕМЫХ ЗА ПОКУПАЕМЫЕ ИМИ ТОВАРЫ
(1910—1914 гг. = 100)

Год	На сельскохозяйственные продукты	На промышленные товары	Годы	На сельскохозяйственные продукты	На промышленные товары
1915	98	105	1920	211	201
1916	118	124	1921	125	152
1917	175	149	1922—1924	139	151
1918	202	176	1925	156	157
1919	213	202	1926—1929	144	157

излишние перевозки и т. д.); в усилении эксплуатации рабочей силы при помощи конвейера, который, с одной стороны, автоматически регулирует производительность труда и делает излишним аппарат надзора, необходимый при применявшейся ранее системе Тэйлора, а с другой — навязывает рабочему определенные темпы, темпы движения самого конвейера.

Итак, рационализация привела к дальнейшему усилению эксплуатации американского рабочего класса и увеличению доли относительной прибавочной стоимости, которую капитал выколачивает из рабочих. Благодаря рационализации американским предпринимателям удалось повысить норму прибавочной стоимости; в 1925 г. она значительно превысила довоенную.

Поскольку капиталисты занимались абсолютным и относительным сокращением числа рабочих, а рабочие, остававшиеся на предприятиях, должны были трудиться интенсивнее, то есть затрачивать больше энергии, американские промышленники несколько повысили заработную плату отдельных категорий рабочих, получая вместе с тем более высокую прибыль. С точки зрения классовой борьбы, такая сверхэксплуатация американского рабочего класса имела в глазах предпринимателей то преимущество, что она вызывала в рабочей среде раскол из-за неравенства заработной платы и помогала поддерживать реформистское движение. Таким образом, рационализация стала

в США одной из основ временной «стабилизации» отношений между капиталом и трудом в период между 1922 и 1929 гг., после волны стачек 1918—1921 гг.

Массовое производство стандартных изделий, ставшее отличительной чертой американской промышленности и повергшее европейских предпринимателей в ужас, не было новостью, так как оно уже раньше применялось в крупном производстве основных товаров (хлопчатобумажная пряжа и ткани, металлы и т. п.); новым было, как указывает Варга, распространение методов серийного производства на промышленность, выпускающую средства производства, равно как и на производство средств непосредственного потребления (автомобили, жилые дома, обувь, одежда)¹. Массовое производство требовало громадных рынков и крупных капиталовложений. Рационализация стала возможной благодаря наличию в США огромного внутреннего рынка. Она потребовала крупных капиталовложений. «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» затратила за 4 года 115 млн. долл. на расширение своих предприятий. Для всех отраслей промышленности затраты на оборудование достигли в 1929 г. 9 млрд. долл. Рационализация благоприятствовала также концентрации производства и образованию монополий. С 1909 по 1929 г. число предприятий обрабатывающей промышленности, выпускавших более чем на 1 млн. долл. в год продукции, увеличилось с 1,4 до 5,6% их общего числа; процент рабочих, занятых на этих предприятиях, повысился с 35,7 до 58%, а стоимость продукции увеличилась с 43,8 до 69,3%².

Точно так же обстояло дело и с банками. В 1929 г. их осталось всего 25 110 вместо 30 560, существовавших в 1921 г. За период с 1920 по 1931 г. шесть гигантских банков (Моргана, Диллона—Рида, «Чэйз нейшнл», «Гаранти траст», «Эквитебл траст» и Шпейра) реализовали 57,7% всех иностранных займов. По данным комиссии Гувера, за время с 1919 по 1927 г. прекратили существование 5000 горнорудных и промышленных компаний. Но концен-

¹ Е. Варга, Экономика капитализма в период заката после стабилизации, Госиздат, 1928.

² Новые материалы к работе В. И. Ленина, Империализм, как высшая стадия капитализма, М., 1935, стр. 251.

трация особенно усилилась в период 1926—1929 гг., когда она достигла уровня 1880—1900 гг. и даже превзошла его¹.

б) за границей

В период 1919—1929 гг. значительно вырос экспорт капитала.

С 1919 по 1930 г. частные капиталовложения за границей (займы и прямые инвестиции) достигли 11 600 млн. долл., то есть в среднем 965 млн. долл. в год². В огромной степени повысилась роль США как кредитора. В 1930 г. общая сумма американских долгосрочных капиталовложений (не считая военных долгов) достигла 15,2 млрд. долл., а сумма иностранных капиталовложений в США — 5,7 млрд. долл. Другими словами, кредиторский портфель США достиг 9,5 млрд. долл. В 1930 г. по общей сумме капиталовложений за границей — 81 млрд. золотых франков — США вышли на второе место после Англии (94 млрд. золотых франков). По сумме доходов от зарубежных капиталовложений в 1929 г. (982 млн. долл.) США начали обгонять Англию.

США превратились в государство-рантье. С 1922 по 1932 г. они получили 9223 млн. долл. в виде процентов и платежей по военным долгам; с 1919 г. США заняли первое место в мире по экспорту капитала. Сумма предоставленных Соединенными Штатами займов за время с 1919 по 1929 г. (7500 млн. долл.) превзошла общую сумму займов, предоставленных всеми остальными капиталистическими странами (Англия, Франция, Голландия и др.)³.

¹ В водоснабжении, в производстве газа и электроэнергии в 1920 г. имело место свыше 1 000 случаев поглощений. В том же году был создан крупный химический трест «Эллайд кемикл энд дай» в результате слияния пяти крупных компаний («Баррет», «Дженерал кемикл», «Нейшл энилайн энд кемикл», «Сейн энд солвей» и «Солвей просесс»). Концентрация отмечалась также в текстильной и химической промышленности, в металлургии, на транспорте, в пищевой промышленности, коммунальных предприятиях и банках. В 1929 г. 1400 компаний воздушных сообщений слились в четыре крупных объединения и несколько независимых групп. В 1928 г. состоялось 68 слияний, объединивших предприятия с капиталом в 1551 млн. долл.; 1611 предприятий с капиталом 700 млн. долл. были поглощены различными объединениями (*Pomaret, op. cit., p. 242*).

² The U. S. in the World economy, Department of Commerce, p. 89.

³ Там же.

Нью-Йорк далеко обогнал Лондон и Париж в отношении эмиссии иностранных ценных бумаг. Приведем цифры:

Таблица 4

ЭМИССИЯ ИНОСТРАННЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ
(в млн. золотых долл.)

	1913 г.	1920— 1923 гг.	1924— 1928 гг.	1929 г.	1930 г.
Англия	781	446	530	424	473
Франция	684	86	60	140	303
США	44	576	1 152	671	905

США не только обогнали Европу, но и поменялись с нею местами. До 1914 г. Европа поставляла капиталы всему остальному миру и финансировала американские предприятия. Теперь США не только вкладывают свои капиталы в странах, которые раньше финансировала Европа, но и сами финансируют европейские страны. Капиталовложения ведут к завоеванию рынков и источников сырья, к поглощению местной промышленности. США покушаются на традиционные сферы европейских капиталовложений — Южную Америку и Канаду.

В десяти южноамериканских странах капиталовложения США выросли со 173 млн. в 1913 г. до 2294 млн. долл. в 1929 г. Доля США в общей сумме инвестиций в этих странах повысилась с 4,3 до 33,8%. В Центральной Америке и на Антильских островах американские капиталовложения возросли с 1069 млн. до 3293 млн. долл. По Америке в целом капиталовложения США увеличились на 4345 млн. долл., тогда как англичане разместили там за рассматриваемый период всего 907 млн. долл. В Канаде капиталовложения США в 1929 г. достигли 3300,5 млн. долл. В общей сумме иностранных капиталовложений в Канаде доля Англии снизилась с 77 до 39%, а доля США увеличилась со времени войны с 17 до 57%. В 1928 г. из 220 млн. долл., полученных Канадой в виде займов, 191 млн. долл. предоставлены Уолл-стритом.

Одновременно происходил захват американскими монополиями в этих странах источников сырья и промышленных предприятий. Три американские компании—«Чили коппер», «Бродден коппер» и «Эндиз коппер» — контролировали 97% добычи меди в Чили, которая уступает по размеру добычи только США; компания «Серра де Паско коппер» контролировала 65% добычи меди в Перу; компания «Патино мин э антреприз» захватила добычу олова в Боливии; одна американская компания поглотила британскую компанию «Англо-чилиэн нитратико», добывающую чилийскую селитру; компания «Бетлехем стил» арендовала предприятия чилийской сталелитейной компании. В Аргентине в руки американцев перешло 70% хладобойной промышленности; на долю «Стандард ойл» приходилось $\frac{2}{5}$ всей добычи аргентинской нефти; в Центральной Америке производство бананов целиком перешло в руки компании «Юнайтед фрут». Банк «Нейшнл сити бэнк» фактически владел всей республикой Гаити и управлял финансами Доминиканской республики.

Второе место после Южной Америки по сумме американских капиталовложений заняла Европа — 4200 млн. долл. на 31 декабря 1928 г.

Создание финансовых протекторатов являлось одним из основных методов проникновения американского капитала. В Польше, например, государственный долг США достиг в 1929 г. 283 млн. долл.¹, то есть 65% общей внешней задолженности Польши. К этой сумме следует прибавить по меньшей мере 50 млн. долл., полученных польскими городами и провинциями в виде займов. «Стабилизационный» заем позволил США навязать Польскому эмиссионному банку американского наблюдателя, который контролировал все банковские операции и государственные финансы. Французское правительство получило займы 320 млн. долл.; французские города и коммунальные предприятия — 181 млн. долл.; Италия с 1925 г. по

1 «Военный» долг	172 810	тыс. долл.
6%-ный заем 1920 г.	19 574	» »
8%-ный заем 1925 г.	30 100	» »
Стабилизационный заем . .	60 760	» »

Итого 283 244 тыс. долл.

август 1928 г.— 7 млрд. лир¹. К 1930 г. полученные ею в США займы составили в общей сложности 10 млрд. лир². Излюбленный метод нью-йоркских банков заключался в предоставлении правительствам, находившимся в затруднительном финансовом положении, краткосрочных ссуд. Например, 10 марта 1924 г. банк Моргана предоставил правительству Пуанкарэ 100 млн. долл. при условии, что оно откажется от снижения налогов и сборов и примет план Дауэса, который оно до тех пор отвергало. Все германские правительства, сменявшиеся в течение 1924—1929 гг., находились во власти американских банков.

«Предоставляя европейским странам краткосрочные кредиты,— писал буржуазный экономист Помаре,— американские финансисты тем самым обеспечивают за собой право не возобновлять этих кредитов и часто ставят в тяжелое положение правительство, терпящее крайнюю нужду. Несомненно, у всех еще свежи в памяти события конца 1929 г., когда германский кабинет с нетерпением ждал, будет ли объявлено о предоставлении ему банком Диллона кредита в 400 млн. марок, или он получит отказ, иными словами, судьба кабинета зависела от результатов соперничества, так как банк Моргана всеми средствами стремился провалить операцию, задуманную германским правительством, поскольку эта операция была выгодна его конкуренту — банку Диллона»³.

Особенно яркой иллюстрацией применения метода финансового протектората может служить план Дауэса. 22 августа 1924 г. Марсель Кашен заявил в палате депутатов следующее:

«Никогда еще вмешательство финансистов в международную политику не носило такого неприкрытого, такого грубого, такого насильственного характера, как теперь... Они говорят: «Мы одолжим Германии несколько сот миллионов золотых марок и создадим для нее банк, руководство которым возьмем на себя. Мы будем контролировать ее бюджет, ее промышленность, будем управлять ее транс-

¹ Journal of Commerce, New York (специальный номер, декабрь 1928 г.).

² Pomaret, l'Amérique à la conquête de l'Europe, p. 125.

³ Там же, стр. 188.

портом; короче говоря, мы отнимем у германской нации политическую независимость, поскольку мы будем держать ее бюджет под своим контролем, и ее экономическую независимость, поскольку мы заберем в свои руки нервную систему этой большой и передовой страны — ее железные дороги».

В то же время американские банки и промышленные компании открывали в Европе свои филиалы, поглощали европейские компании или устанавливали над ними свой контроль. Во Франции американский капитал захватил ключевые позиции в производстве электрического и телефонного оборудования, в нефтяной промышленности, в кинематографии. В Италии американские банки («Морган», «Блэйр», «Интернейшнл пауэр», «Секюритиз корпорейшн») прибрали к рукам крупнейшие электрические предприятия: «Италиан суперпауэр», «Эдисон», «Дженерал италиан электрик», «Меридионел электрик», «Терни» и другие. В Польше магнаты Уолл-стрита предприняли настоящий поход, имевший целью захват рынка и всех богатств страны: американские нефтяные тресты «Вакуум ойл» и «Стандард ойл» вложили в польские предприятия свыше 30 млн. долл.; компании «Дженерал моторс» и «Форд» вступили в борьбу за рынок сбыта автомобилей; американо-шведская компания получила спичечную монополию; наибольшую же активность американский капитал проявил в Польской Силезии. Речь шла об овладении наследством германского капитализма. Группа Гарримана купила на 7 млн. долл. акций польско-германской компании Гише, капитал которой составлял 12 млн. долл., а затем вложила в это предприятие 7,5 млн. долл. Компания Гише держала в руках всю добычу цинка в Силезии, занимавшую до 1914 г. первое место в мире по добыче цинка; в результате войны на первое место вышли Соединенные Штаты, и таким образом мировая монополия на производство цинка перешла от Германии к США. Далее, группа Гарримана наложила лапу на польское железо, сталь, уголь, электричество. Она захватила управление горнорудной и металлургической компанией в Катовицах с капиталом, превышавшим 100 млн. долл., которая образовалась в результате слияния металлургических заводов и угольных шахт; затем она установила свой контроль над предприятиями Кёнигсхютте и Лаурахютте.

Доля группы Гарримана в промышленном производстве Силезии и всей Польши выражалась в следующих цифрах (в %):

Т а б л и ц а 5

	Польская Силезия	Вся Польша
Чугун	59	40
Сталь	59	50
Добыча руды	60	39
Производство труб	88	56

Но это еще не все. Группа Гарримана представила варшавскому правительству план электрификации южной и восточной Польши, требовавший вложения не меньше 100 млн. долл., и заставила его принять этот план.

«Компания, обладающая концессией,— пишет Помаре,— и монополизировавшая распределение энергии, будет диктовать цены, и, поскольку она вольна продавать или не продавать электроэнергию, она сможет навязывать любые условия предприятиям, с которыми она будет договариваться. Кроме того, старые электрические компании будут вынуждены либо закрыться, либо пойти с молотка.

Таким образом, американский капитал одержал в Польше подлинную победу».

Польский народ, считавший, что он освободился и от германского и от царского ига, на самом деле только сменил хозяина: на смену германским капиталистам пришли американские, а также их английские и французские коллеги. А через два десятка лет тот же Гарриман получил задание проводить план Маршалла в Европе.

Германия в еще большей мере, чем Польша, стала «обетованной землей» для американских капиталистов. Как только в результате победы реакционных элементов и прекращения инфляции политическое и экономическое положение Германии «стабилизировалось», в страну потекли американские капиталы. По данным министерства торговли США, за период с 1925 по 1929 г. Германия получила в порядке долгосрочных займов 6 млрд. марок,

причем 67,5% этой суммы были предоставлены ей США¹. По статистическим данным Лиги наций и газеты «Франкфуртер цейтунг» (от 5 января 1930 г.), общая сумма внешних займов Германии за период 1924—1929 гг. составила 7700 млн. марок, из них 5300 млн. марок, или 68%, поступило из США. Как всегда, здесь идет речь об официальных цифрах, отражающих только «явные» операции. К этому следует добавить еще так называемые операции, «не поддающиеся определению», а также краткосрочные займы. На основе официальных данных, экономист Помаре приходит к выводу, что с 1924 по 1927 г. Германия получила в порядке долгосрочных и краткосрочных займов и по операциям, «не поддающимся определению», 11 622 млн. марок, причем на долю Америки пришлось не менее 70% этой суммы². Американский финансовый капитал постепенно захватил важнейшие германские предприятия всех отраслей промышленности. За один только 1929 г. компания «Дженерал моторс»³ сосредоточила в своих руках 80% акций фирмы «Опель», присоединила к себе компанию «Делько» (электрооборудование) и завод Фишера по производству автомобильных кузовов; шведско-американский трест «Свенска» приобрел 50% акций компании «Кугельлагер»; компания «Дженерал америкен тэнк» приобрела 54% акций акционерного общества «Транспортмиттель»; компания «Филипс», филиал американских электрических трестов, скупила 50% акций обществ «Кэргер» и «Штуц» и почти все акции компании «Штуцваген»; в электропромышленности компания «Дженерал электрик» обеспечила себе 16% акций фирмы «Осрам» и 30% акций «АЭГ»; компания «Филипс» — 50% акций «Филэлектра» и 22% акций компании «Лоренц»; в текстильной промышленности компания «Ганзэатик корпорейшн» приобрела 25% акций «Механише Веберей Линден»; швейцарско-американская компания отелей скупила 91% акций общества «Кайзер-Келлер». Наконец, «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» совместно учредили фирму «Стандард И. Г.», передав ей право на применение новых методов гидрогенизации угля. Нужно

¹ The U. S. in the World economy, p. 99.

² Pomaret, L'Amérique à la conquête de l'Europe, p. 127—132.

³ Там же, стр. 132.

прибавить сюда еще данные о контроле над крупными германскими пароходными компаниями «Гапаг» (Гамбург, Америка) и «Норддейчер Ллойд». Использував американский капитал, компания «Гапаг» в 1926 г. купила судоходную фирму Гуго Стиннеса. Компания «Гапаг» владела 182 пароходами, общий тоннаж которых превышал миллион тонн. По имеющимся подсчетам, в компании «Норддейчер Ллойд», американцам принадлежало 30 млн. долл. из общей суммы акционерного капитала в 42 млн. долл. Эта компания владела 142 пароходами общим тоннажем 827 тыс. т. В кинопромышленности компании «Парамаунт» и «Метро-Голдвин» приобрели германское общество УФА, а компания «Уорнер бразерс» поглотила общество «Фебус».

Англо-американское соперничество

В своей экспансии американский капитализм сталкивается главным образом с английским. Поэтому весь рассматриваемый период был отмечен ожесточенной борьбой между США и Англией за рынки, источники сырья и финансовое превосходство. Дельцы Сити стремились любой ценой вернуть себе финансовые позиции, принадлежавшие им до 1914 г. Как только окончилась война, началась борьба между фунтом и долларом, в которой отразилась вся острота англо-американских противоречий. В начале 1919 г. США денонсировали финансовое соглашение о паритете валют союзных государств. Английская валюта была сразу же девальвирована на 10%. Чтобы восстановить ее престиж и сохранить за собой финансовую гегемонию, британский капитал предпринял «отчаянные усилия». В 1925 г. был принят Закон о золотом стандарте, восстановивший паритет фунта; был снова введен золотой стандарт. «Нужно,— заявил Ллойд Джордж,— чтобы отныне фунт стерлингов мог смотреть доллару в лицо». Но ради престижа своей валюты Лондон пожертвовал возможностью конкурировать с американскими товарами на внешних рынках.

Американская промышленность стала вытеснять английскую. В 1914 г. Англия и США имели одинаковый удельный вес в японском импорте (16,8%). В 1927 г. доля Англии снизилась до 7%, а доля США увеличилась до

30%. В 1913 г. доля Англии в китайском импорте составляла 16,3%, а доля США — 6%. В 1926 г. доля Англии снизилась до 10,2%, а доля США возросла до 16,4%. В Латинской Америке успехи США были еще значительнее. С 1913 по 1927 г. доля Англии в импорте двадцати республик Центральной и Южной Америки снизилась с 25 до 16%, а доля США увеличилась с 24 до 38%¹.

США не только преуспевали в полуколониях, но покушались и на британские колонии и доминионы, надеясь оторвать их от метрополии с помощью одной лишь экономической конкуренции. Особенно разителен в этом отношении пример Канады: в 1927 г. она ввезла из США 65% своего импорта. Во всех других странах США также завоевывали новые позиции, а Англия отступала.

Таблица 6
доля Англии и США в импорте отдельных стран
(в %)

	Англия		США	
	1913 г.	1927 г.	1913 г.	1927 г.
Индия	64,2	47,7	2,6	7,9
Канада	21,3	16,8	64,0	64,9
Австралия	51,8	43,4	13,7	24,7
Новая Зеландия	59,7	47,9	9,5	17,0
Южная Африка	50,1	42,8	8,8	15,3

Борьба за источники сырья приобрела небывалую остроту. Английский капитал боролся с монополиями США

¹ Приведем таблицу, показывающую роль Англии и США в обороте внешней торговли трех крупнейших стран Южной Америки (в %):

	Аргентина		Бразилия		Чили	
	1913 г.	1931 г.	1913 г.	1931 г.	1913 г.	1931 г.
Англия	31,0	20,1	24,5	17,5	30,0	16,0
США	14,7	16,0	15,7	25,0	16,7	34,3

в добывающих отраслях промышленности, развивая, в частности, добычу меди в Канаде и особенно в Родезии. Кроме того, он создал компанию «Империэл смелтинг корпорейшн», которая должна была обеспечить независимость Британской империи в отношении цинка, свинца и металлов, применяемых в химической промышленности. Со своей стороны, американские капиталисты выступили в поход против британской монополии в добыче олова; в 1924 г. они приобрели дополнительное количество акций боливийской компании «Патино», а также других компаний по добыче олова.

Но объектом особенно яростной и ожесточенной борьбы были производство каучука и добыча нефти.

Английские компании контролировали 77% мирового производства каучука, крупнейшим потребителем которого были США. Эти компании хотели использовать свое монопольное положение для того, чтобы заставить американскую промышленность платить высокие цены. Чтобы повысить цены, в 1922 г. был принят закон Стивенсона, ограничивавший экспорт каучука. В 1921 г. цена на каучук снизилась до 12 центов за фунт, а в 1925 г. фунт каучука стоил уже 1,25 долл. Это послужило сигналом для ожесточенной антианглийской кампании, которой руководил Гувер. В ответ на закон Стивенсона американцы стали применять новые методы регенерации каучука и создали каучуковые плантации на Филиппинах, в Бразилии (Форд) и в Либерии (Файрстон). В конце концов, англичанам пришлось уступить. В 1927 г. закон Стивенсона был отменен, и в 1928 г. цена на каучук снизилась до 16 центов за фунт.

Что касается нефти, то между английскими («Роял Датч-Шелл» и «Англо-першиэн») и американскими («Стандард ойл», «Синклер ойл» и т. п.) компаниями на всех континентах шла борьба за нефтеносные земли и за монополию сбыта. Англичане вели наступление в самой Америке и пытались помешать американцам обосноваться в Румынии, на Ближнем Востоке и в Азии, которые они считали как бы своими заповедниками.

В Центральной Америке, в Перу, Боливии, Бразилии, Аргентине борьба велась с переменным успехом: особенно ожесточенный характер она приняла в Венесуэле, которая заняла по добыче нефти второе место в мире.

В Венецуэле решающую роль играла компания «Роял Датч-Шелл». Ее филиал — «Венецуэлен ойл консешенс» (ВОК) — приступил к добыче нефти в 1917 г.; за ним последовали «Бритиш контроллед ойлфилдс» и «Англо-першиэн». Вначале английский капитал занимал господствующее положение, но затем он вынужден был отступить перед американским. В 1929 г. доля американцев в добыче нефти в Венецуэле составляла 60%, доля англичан — 40%. Два филиала «Роял Датч-Шелл» (ВОК и «Каррибизн») добывали несколько меньше 4,5 млн. баррелей* нефти в месяц, а американские компании «Лаго» («Стандард ойл оф Индиана»), «Галф ойл» и «Креол петролеум» («Стандард ойл оф Нью-Джерси») — 6,3 млн. баррелей.

В Румынии «Роял Датч-Шелл» и «Англо-першиэн» сохранили господствующее положение, хотя им и не удалось устранить американскую компанию «Стандард ойл», которая контролировала компанию «Романа-американа».

Такая же неудача постигла англичан и на Ближнем Востоке. Перед войной 1914 г. им удалось вытеснить американцев из Моссула, учредив совместно с немцами компанию «Тэркиш петролеум», $\frac{3}{4}$ акций которой принадлежали англичанам. После поражения Германии, по соглашению, заключенному в Сан-Ремо (24 апреля 1920 г.), англичане передали германскую долю в этой компании (25%) Франции. Государственный департамент заявил резкий протест. В конце концов, англичане были вынуждены уступить 21,25% акций американской группе «Нир ист девелопмент», в которую входили «Стандард ойл оф Нью-Йорк», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Пан-Американ петролеум энд транспорт», «Атлантик рифайнинг» и «Галф ойл». Наконец, несмотря на сопротивление «Роял Датч-Шелл», компании «Стандард ойл» удалось обосноваться и в Голландской Индии.

Детердинг взял реванш непосредственно в США, увеличив там свою ежедневную добычу нефти с 45 тыс. баррелей в 1922 г. до 135 тыс. в 1929 г. По данным доклада Детердинга за 1928 г., из 22 млн. т нефти, добытых компанией за год, 35,5% поступило из США.

* Баррель — мера жидкости; для нефти равна 42 галлонам или 158,98 л. (Прим. ред.)

Борьба распространилась и на производство синтетического каучука. Английский капитал первым заинтересовался предложенным Бергиусом методом сжижения угля; он учредил компанию «Интернейшнл Бергиус», проник в германскую компанию «Бергиус». Однако последняя попала под контроль «И. Г. Фарбениндустри». В 1927 г. компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» заключила с «И. Г. Фарбениндустри» первое соглашение, отодвинувшее «Роял Датч-Шелл» на задний план, а затем, в 1929 г., — второе, более широкое соглашение, в результате которого была создана компания «Америкен И. Г.». Компания «Стандард ойл» получила монополию на использование патентов за пределами Германии.

Положение в 1929 г.

Таким образом, за период с 1920 по 1929 г. американский капитал чрезвычайно укрепил свои монополистические позиции во всем мире. Особенно наглядно это видно на примере электропромышленности. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин показал, как в 1914 г., по соглашению между американским трестом «Дженерал электрик» и германским трестом АЭГ, был поделен мировой рынок. В то время эти два треста обладали примерно одинаковой мощностью, хотя с 1907 по 1911 г. соотношение сил изменялось в пользу АЭГ: оборот последнего увеличился с 216 млн. до 362 млн. марок, а число служащих — с 30,7 тыс. до 60,8 тыс. человек, тогда как оборот «Дженерал электрик» возрос с 252 млн. только до 298 млн. марок, а число служащих — с 28 тыс. до 32 тыс. человек. Поражение Германии совершенно изменило ход событий. К 1929 г. число рабочих «Дженерал электрик» достигло 78 тыс. человек, а число рабочих АЭГ (60 тыс. человек) не изменилось; оборот же «Дженерал электрик» втрое превысил оборот АЭГ (1744 млн. против 580 млн. марок)¹. Вызванное войной изменение в соотношении сил позволило компании «Дженерал электрик» наложить лапу на АЭГ путем приобретения в 1925 г. 25% его акций. К 1930 г., скупив еще некоторое количество

¹ Новые материалы к работе В. И. Ленина, Империализм, как высшая стадия капитализма, М., 1935, стр. 147.

акций АЭГ, компания «Дженерал электрик» стала контролировать 30% его капитала. В наблюдательный совет АЭГ вошли 5 директоров «Дженерал электрик», в том числе президент компании Оуэн Д. Юнг.

Таким образом, из двух мировых трестов остался только один. Американский финансовый капитал установил безраздельное господство над рынком, причем он был представлен только одной финансовой группой — группой Моргана. Она контролировала «Дженерал электрик» и второй крупный электрический трест «Интернейшнл телеграф энд телефон К^о» (ИТТ), колоссально выросший с 1920 г.

За период с 1920 по 1929 г. американский империализм в целом добился крупных успехов. В 1929 г. США бесспорно занимали первое место среди мировых держав. Их промышленное производство в 1925—1929 гг. составляло 46—48% мирового производства (без СССР). В 1926—1929 гг. оно превышало на 8,8% производство Германии, Англии, Франции, Италии и Японии вместе взятых, то есть уже не трех крупнейших капиталистических держав, как было в 1913 г., а пяти. Таким образом, промышленное превосходство США усилилось, хотя темпы роста и замедлились по сравнению с довоенным периодом. Национальный доход США был равен национальному доходу 23 наиболее крупных стран¹. Они заняли первое место в мире по экспорту товаров (в 1929 г. на долю США приходилось 15,6% мирового экспорта), оттеснив Англию на второе место (12,2%). США стали финансовым центром мира, обогнав Англию и по размерам экспорта капитала. Они заняли второе место — сразу же после Англии — по общей сумме капиталовложений и по морским вооружениям. Казалось, ничто не могло остановить американские монополии, выступившие на завоевание всего мира. Внутренняя и внешняя экспансия 1922—1929 гг. породила иллюзию двух видов: американские правящие круги уверились в том, что «процветание» никогда не окончится и что американский капитал завоюет мировое господство путем обычной конкуренции в сфере экспорта товаров и капитала.

¹ The U. S. in the World Economy, p. 31.

Форд и Гувер, а вместе с ними экономисты, политики и журналисты, прославляли «американскую систему», якобы обеспечивающую людям постоянный рост благосостояния. Гувер возвестил миру, что вскоре наступит окончательная победа над нищетой.

Форд считал, что его теория «высокой заработной платы» несет победу и над экономическими кризисами и над марксистской теорией. И этот взгляд разделяла капиталистическая Америка.

«Многие еще не понимают,— заявил президент нью-йоркской фондовой биржи в сентябре 1929 г.¹,— что циклическим кризисам в той форме, в какой они нам были известны донныне, очевидно, пришел конец. Я лично убежден в том, что процветание Америки носит устойчивый и прочный характер, и это мнение разделяет огромное большинство деловых людей в США и, несомненно, во всем мире».

Представители этой точки зрения убеждены, что американские доллары, товары, нравы и «образ жизни» беспрепятственно завоюют весь мир. В лирических тонах они воспевают американизацию земного шара.

«Жители Токио,— пишет «Бюллетень географического общества США»,— хрустят американскими вафлями. Берлинцы осаждают первый в городе «содовый фонтан»... Наши автомобили, наши пишущие машинки, наши зубные врачи привлекают на нашу сторону тысячи людей. Наши граммофонные пластинки знакомят восточные народы с музыкой Запада... Лавры боксеров Демпси и Тенни не дают спать тысячам юношей, и те обзаводятся спортивной обувью и боксерскими перчатками, сделанными в «стране чемпионов».

Пока США производили только сырье, мир шел своей дорогой: французы задавали тон по части женских мод, ювелирных изделий и духов, англичане — по части методов торговли, а немцы — в науке и музыке. Но мы все это переделали... Рассказывают, что парадная лестница во дворце премьер-министра Непала украшена американскими автоматами. Один из туземных царьков на острове Борнео имеет несколько прекрасных американских авто-

¹ L. Pommeroy, *Aperçu d'histoire économique contemporaine*, Paris, 1945.

мобилей; чтобы кататься в них, ему пришлось построить в джунглях специальную асфальтированную дорогу длиной в 1¹/₂ мили...

Американский джаз вытесняет Вагнера из Германии. Американская архитектура превосходит архитектуру античной Греции. Американский коктейль завоевал парижские кафе. Гордость английского флота линкор «Нельсон» имеет на борту американский «содовый фонтан»; английские боксеры переходят в американское подданство».

Американский писатель Людвелл Денни, который приводит в своей книге эту цитату, пишет далее:

«Америка чувствует себя победительницей; настал «ее день»... В этом убеждены и другие народы... Нас не терзают никакие сомнения. Мы уверены, что нас избрал сам бог. Свою страну мы называем «божьей»... Для нас «бизнес» — религия, наши правители — ее жрецы. Базар становится в наших глазах храмом... Но ведь, в конце концов, наша гегемония вряд ли будет хуже гегемоний, которые существовали до нас. Наше оружие — деньги и машины, именно то, что нужно прочим нациям. Они такие же материалисты, как и мы... Вот почему наша победа так неизбежна, вот почему она достается нам так легко»¹.

В октябре 1929 г. Уолл-стрит поразил удар грома: началась экономическая гроза, которая безжалостно развеяла все эти мечты.

¹ L. Denny, L'Amérique conquiert l'Angleterre, p. 263—265.

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Обострение противоречий (1919—1929 гг.)

Причины относительных успехов
американского капитализма

Экономический кризис 1929 г. был обусловлен теми же причинами, которые породили экспансию американского капитализма и благодаря которым в 1919—1929 гг. он одерживал победы над европейским капитализмом. Каковы эти причины?

1. Прежде всего, к концу войны и в результате войны США располагали огромными свободными капиталами, которые они могли инвестировать; это с самого начала давало им громадное преимущество над их европейскими конкурентами. Было целесообразно вкладывать эти капиталы в американскую промышленность, используя возможности сбыта, обусловленные восстановлением Европы; как мы уже видели, эти вложения привели к глубоким изменениям в технике производства в США.

2. Европейские конкуренты США находились в неблагоприятном положении, так как они имели огромную внешнюю и внутреннюю задолженность, а их империалистическая политика требовала больших накладных расходов. Американское правительство усиленно старалось не облегчать им этого бремени. Самые жесткие условия выплаты военных долгов были навязаны Англии — главному конкуренту США. Ее долг был сокращен только на 30%, тогда как Италии США сделали скидку в 75%; кроме того, Англии пришлось произвести самые крупные платежи в течение первых послевоенных лет. Разумеется, США не получили всего того, что они требовали; тем не менее за время с 1926 по 1930 г. они получили миллиард долларов; $\frac{4}{5}$ этой суммы внесла Англия.

Кроме того, Франция, Англия и Италия были вынуждены нести непосильные расходы по финансированию

своей империалистической политики и борьбы против Советского Союза. В США доля этих расходов в национальном доходе была относительно ниже. В 1929 г. бюджетные расходы США составляли всего 4,7% национального дохода, тогда как в Германии они достигали 10,6%, во Франции — 21,1%, а в Англии — 21,6%.

3. В Европе массовое промышленное производство сталкивалось с ограниченностью внутренних рынков. Это неблагоприятное для европейских стран обстоятельство проявилось особенно резко, когда Германия, в свою очередь, стала проводить «рационализацию».

«После стабилизации,— писал журнал «Стэйтист» 10 марта 1928 г.,— сбыт германских товаров на мировом рынке почти полностью прекратился. Казалось, что они вдруг утратили свою конкурентоспособность, тогда как американские товары проникали в Германию, хотя в Америке уровень заработной платы выше. В 1925 г. руководители германской промышленности отправились в США для изучения причин этого явления. После их возвращения «рационализация методов производства» стала в Германии лозунгом дня. Говорили, что заграничный спрос на германские товары можно довести до прежнего уровня, если только перенять американские методы, если уничтожить все устарелые машины и перейти к массовому выпуску стандартизованных изделий. Но цель рационализации не была достигнута: сбыт германских товаров на мировом рынке не увеличился. Казалось, что единственным результатом рационализации явилось чрезмерное расширение производственной мощности германской промышленности и огромный рост внешней задолженности Германии. Эта неудача была вызвана слепым подражанием американским методам без всякого учета того обстоятельства, что промышленность США располагает значительно более емким внутренним рынком, чем рынок Германии, и что в отличие от германской промышленности она не наталкивается в своем непосредственном соседстве на непреодолимые таможенные барьеры».

4. Революционная волна, прокатившаяся по Европе в 1917—1923 гг., не затронула США. Правда, после войны там широко развернулось стачечное движение. В одном только 1919 г. было не менее 3630 забастовок, в которых

участвовало 4160 тыс. рабочих; в период 1918—1921 гг. ежегодно бастовало свыше миллиона человек¹. Но в США классовая борьба не носила такого революционного характера, как в Европе.

5. Наконец, экономическая экспансия и «процветание» США в период с 1924 по 1929 г. были возможны только благодаря политической и экономической «стабилизации» европейского капитализма. Совершив под давлением масс в Германии, Финляндии и Венгрии стратегическое отступление и передав власть реформистским рабочим лидерам, европейская буржуазия с помощью последних сумела предотвратить социальную революцию и использовала время для реорганизации государственного аппарата подавления и для организации боевых отрядов фашистского типа. В то же время буржуазия организовала инфляцию и таким образом свела на нет те уступки рабочему классу, на которые ей раньше пришлось пойти (инфляция означала снижение реальной заработной платы), и завладела достоянием средних классов (рантье, мелкой буржуазии, крестьян). Таким путем она восстановила прибыльность капиталовложений и стабилизировала валюту. Эти мероприятия расчистили путь для американских капиталовложений, которые начали притекать в Италию после прихода к власти Муссолини, а в Германию — после стабилизации марки и укрепления власти буржуазии.

Приток долларов в Европу и восстановление международного кредита были следствием стабилизации в период 1924—1929 гг. и в то же время способствовали этой стабилизации. Без американских кредитов и капиталовложе-

1

Год	Число забастовок	Количество бастующих (в тыс.)
1918	3 353	1 240
1919	3 630	4 160
1920	3 411	1 460
1921	2 385	1 100
Всего . .	12 779	7 960

Источник: Министерство труда США.

ний капиталистическое хозяйство Германии вскоре потерпело бы крах и увлекло бы за собой остальную Европу, а затем и США.

Из этого беглого анализа можно сделать два вывода. Во-первых, подъем американского империализма в период 1920—1929 гг. не был обусловлен «исключительностью» капиталистической системы США, а объяснялся определенными историческими причинами. Во-вторых, стабилизация 1924—1929 гг. была преходящей и непрочной; подтачиваемая противоречиями, она рано или поздно должна была потерпеть крах. Чтобы вскрыть эти противоречия, надо рассмотреть поближе ход развития американской экономики после кризиса 1914 г.

Экономический кризис 1914 г. и война

К моменту начала европейской войны в США свирепствовал экономический кризис. В прежние времена выход американской экономики из кризисов был связан с новыми капиталовложениями в железные дороги.

«Периоды подъема американского хозяйства,— писал французский профессор права Ж. Лескюр по поводу кризиса 1907 г.,— по существу связаны с периодами подъема железнодорожного строительства... таков был подъем, предшествовавший кризису 1893 г., а также подъем, предвещавший и подготовивший кризис 1903—1904 гг. Именно строительство железных дорог определяет развитие американской промышленности. В 1905 г. их было построено 15 520, в 1906 г.— 16 480 и в 1907 г.— 16 000 км... Именно этой строительной горячкой объясняется быстрое развитие металлургической промышленности США. Производство рельсов, вагонов, локомотивов росло почти в той же пропорции, что и сама железнодорожная сеть»¹.

Но мы знаем, что рост железнодорожной сети в США прекратился накануне первой мировой войны. В 1914—1915 гг. американская экономика впервые вышла из кризиса не с помощью строительства новых железных дорог, а иным путем. Впервые решающим фактором экономического оживления явилась война.

¹ J. Lescure, Des crises générales et périodiques de surproduction, p. 203—205, Domat — Montchrétien, 1938.

«В США,— говорится в одном обзоре Экономического отдела Лиги наций¹,— первое полугодие 1914 г. было периодом кризиса, усугубленного финансовой паникой и внезапным прекращением экспорта в Европу, когда вспыхнула мировая война. В 1915 г. наметилось оживление, а 1916 год стал годом процветания благодаря военным поставкам для союзников. В первом квартале 1917 г., в предвидении вступления США в войну, спекулянты проявляли огромную активность, а производственные мощности использовались в максимальной степени».

Высокий уровень деловой активности сохранился и после вступления США в войну, несмотря на то, что 4 млн. человек, то есть около 10% самодеятельного населения, было призвано в армию.

С окончанием военных действий производство сократилось, однако ненадолго. В течение шести месяцев (с сентября 1918 г. по март 1919 г.) сокращение достигло 20%; но с марта 1919 г. по январь 1920 г. производство снова расширилось. Бум 1919 г. не отделим от бума 1915—1918 гг., так как он был обусловлен в основном огромным ростом экспорта, составившего в 1919 г. 16% всей товарной продукции США. Этот рост был вызван громадным фактическим или предполагаемым спросом европейских стран на средства производства и потребительские товары и отсутствием конкуренции американским промышленным товарам на мировом рынке. Это привело к новому повышению цен, которые и так уже непрерывно росли с осени 1915 г. Однако покупательная способность Европы переоценивалась. Многие американские товары не находили сбыта. Американский экспорт сократился, цены стали падать, наступил кризис, который был прямым следствием расширения производства в США во время войны.

Кризис 1920—1921 гг. и период «процветания»

Действительно, война открыла перед американской промышленностью и сельским хозяйством почти неограниченные рынки сбыта и тем самым дала им возможность

¹ SDN, Les Fluctuations économiques aux États-Unis et dans le Royaume Uni 1918—1922.

увеличить свою производственную мощь; но в то же время она создала такие условия, при которых прекращение государственных заказов и возобновление конкуренции на мировом рынке должны были немедленно привести к краху. Война, таким образом, углубила диспропорцию между производственными возможностями промышленности и сельского хозяйства и емкостью американского рынка. Эта избыточная мощь при ограниченной емкости капиталистического рынка превратилась в коренной порок американской экономики.

Кризис 1920—1921 гг. (который вызвал сокращение производства и падение цен, поднявшихся в период 1915—1919 гг. намного выше стоимости товаров) был следствием этой диспропорции. Но он быстро окончился. Падение производства продолжалось один год, с января 1920 г. по март 1921 г. За это время производство сократилось на одну треть по сравнению с достигнутым ранее максимальным уровнем. 1921 год был годом депрессии; производство перестало сокращаться, но и не возрастало сколько-нибудь ощутительно. Оживление наступило в 1922 г. В ноябре 1922 г., то есть через восемнадцать месяцев после того, как падение достигло низшей точки, промышленное производство превысило максимальный уровень, достигнутый во время оживления 1919 г. Кризис окончился. С 1922 по 1929 г. американская экономика, несмотря на несколько спадов, переживала в общем период подъема, достигшего своего максимума в 1929 г. и позволившего ей намного превысить все то, чего она достигла в прошлом.

Какими путями американская экономика вышла из кризиса 1920—1921 гг.?

1. Путем значительных капиталовложений в промышленность и жилищное строительство:

а) материальной основой для капиталовложений в промышленность послужило развитие автомобильного транспорта, электрификации, химической промышленности (извлечение азота из воздуха, производство синтетического бензина, искусственного шелка, регенерация резины, производство синтетического каучука и т. д.); кроме того, технические изобретения; возникновение радиопромышленности, авиационной промышленности и других новых промышленных отраслей; наконец, огромные усилия в

деле «рационализации», введения поточной системы, о чем мы уже говорили выше. В частности, производство в широких масштабах легковых и грузовых автомашин и тракторов заполнило пустоту, образовавшуюся после прекращения железнодорожного строительства и заказов на вооружение¹.

Подсчитано, что с 1914 по 1920 г. автомобильную промышленность обслуживали прямо или косвенно 4 млн. человек и что она давала средства существования от 16 до 20 млн. человек; это приблизительно равно приросту населения США за период с 1920 по 1929 г.² С другой стороны, развитие автомобильного транспорта потребовало больших дорожных работ, на которые ежегодно расходовалось 2 млрд. долл.;

б) в то же время строительная промышленность, работавшая во время войны замедленными темпами, снова оживилась. Расходы на строительство в 120 крупнейших американских городах возросли с 373 млн. долл. в 1918 г. до 3398 млн. долл. в 1925 г.³ Повсюду в стране расходы на строительство росли непрерывно: в период с 1925 по 1928 г. они составляли свыше 10 млрд. долл. в год. В 1925 г. доля строительства в национальной продукции достигла 11,6%.

2. Выходу из кризиса способствовали также значительные капиталовложения, сделанные за границей. Материальной основой для этих вложений послужил спрос на машины и оборудование в Европе, особенно в Германии. В обзоре министерства торговли указывалось:

«Окончанию кризиса 1920—1921 гг. способствовали крупные работы, проводившиеся в порядке восстановления Европы... Эти работы создали большие возможности для капиталовложений и вызвали значительный спрос на американское оборудование и сырье»⁴.

Экспорт капитала дал возможность увеличить экспорт товаров, который с 3765 млн. долл. в 1922 г. вырос до

¹ «Место железных дорог, которые обуславливали в XIX в. и начале XX в. колебания деловой активности, теперь заняла автомобильная промышленность. Кривая продукция автомашин отражается на кривой всего промышленного производства». (Lescure, *op. cit.*, p. 306.)

² *Faulkner, Histoire de l'économie américaine*, p. 608.

³ Там же.

⁴ *The United States in the World Economy*, p. 3, 1943.

5157 млн. долл. в 1929 г., то есть более чем вдвое превысил цифру 1913 г. (2428 млн. долл.).

«В течение всего этого периода наш импорт, наши займы и другие наши расходы за границей,— отмечало министерство торговли,— несомненно благоприятствовали и помогали экономическому развитию и росту доходов других стран и таким образом поддерживали там спрос на наши товары и услуги»¹.

Однако самым наглядным свидетельством глубочайшей порочности экономики США было то, что эти капиталовложения не уничтожили существующего разрыва между производственной мощностью промышленности и сельского хозяйства США и емкостью американского рынка в мирное время. Они не восстановили равновесия, нарушенного войной. Выражением этого разрыва были: недогрузка производственного аппарата, которая отмечалась даже в периоды лихорадочной активности в таких «преуспевающих» отраслях промышленности, как электрическая, нефтяная, стальная, коксовая и цементная (в 1929 г., во время наивысшего производственного подъема, использовалось всего 80% производственной мощности промышленности США²); неспособность некоторых отраслей промышленности — угольной, кожевенной, станкостроительной, судостроительной — «вернуться к нормальному состоянию», то есть восстановить равновесие, существовавшее до 1914 г.³ (в 1929 г., когда внешняя торговля США достигла наивысшего уровня, общее водоизмещение бездействовавших судов составляло 3 млн. т); хроническая безработица, которая не рассосалась даже в период бума (в 1919 г., по данным министерства труда США, в стране насчитывалось 1550 тыс. безработных); и наконец, почти перманентный кризис сельского хозяйства. Аграрный кризис не окончился в 1921 г. вместе с промышленным кризисом; он продолжался и в последующие годы, лишь несколько ослабев в период с 1924 по 1927 г., и вновь обострился в 1928 г. В течение всего этого периода

¹ The United States in the World Economy, p. 3, 1943.

² E. G. Nourse, America's capacity to produce, 1934.

³ Faulkner, Histoire de l'économie américaine, p. 605. «Несмотря на свои старания «вернуться к нормальному состоянию», американцы не смогли восстановить довоенные экономические условия».

соотношение между сельскохозяйственными и промышленными ценами оставалось неблагоприятным для фермеров.

Число банкротств возросло с 0,21 на каждые 100 ферм в 1920 г. до более чем 1,2 в 1924—1926 гг.; задолженность по закладным — с 7857 млн. долл. в 1920 г. до 9468 млн. долл. в 1928 г. «Цена» всей земельной площади упала с 79 млрд. долл. в 1920 г. до 57 млрд. долл. в 1927 г.¹

Узость рынка сбыта находит отражение в возрастающем значении потребительского кредита и в сохранении более высокого уровня военных расходов, чем до войны. В 1926 г. 70% всех проданных автомашин были приобретены в рассрочку; в 1929 г. общая сумма потребительского кредита равнялась 7,6 млрд. долл., что составило 7,3% в отношении к валовой национальной продукции и 9,2% общей суммы расходов частных лиц. Военный бюджет увеличился больше чем вдвое по сравнению с довоенным периодом, достигнув в 1929 г. 790 млн. долл. против 343 млн. долл. в 1915 г.

Капиталовложения как внутри страны, так и за границей не только не восстановили нарушенного войной равновесия, но, наоборот, создавали еще более глубокие диспропорции и толкали американское хозяйство к небывалому по остроте кризису.

Прежде всего, рационализация промышленности и концентрация капитала в США имели два противоречивых последствия: они увеличили производственную мощь страны, но в то же время сократили число потенциальных потребителей, так как обрели часть рабочих и служащих на безработицу и урезали покупательную способность средних классов; они усугубили последствия мировой войны, способствуя превращению резервной армии безработных в постоянную армию. Такова характерная черта описываемого периода.

«В то время как Маркс,— указывает Варга,— наблюдал еще, несмотря на технический прогресс, увеличение числа рабочих, мы являемся сейчас свидетелями органической безработицы, растущей армии безработных, притом в наиболее передовых капиталистических странах. Уменьшившееся число производительных рабочих трудится с

¹ *Faulkner, Histoire de l'économie américaine, p. 34.*

убийственной интенсивностью, в то время как миллионы рабочих лишены работы»¹.

С другой стороны, норма прибыли, получаемой крупными монополиями, непрерывно растет, и это происходит за счет немонополизированного капитала и независимых производителей.

«Цены товаров, производимых монопольными организациями, не снижаются в соответствии с уменьшением производственных расходов. Монопольный капитал заграбывает, кроме средней нормы прибыли, еще и сверхприбыль. Это происходит за счет прибылей независимых производителей и неорганизованных капиталистов (фермеров, ремесленников и мелких капиталистов), покупательная сила которых соответственно уменьшается»².

С другой стороны, мы видели, как промышленные и торговые монополии начиная с 1920 г. выжимали соки из американских фермеров. В результате внутренний рынок в США, под двойным воздействием технического прогресса и политики монополий, имел тенденцию непрерывно сужаться, но масса выпускаемых потребительских товаров одновременно возрастала. Поэтому кризис «перепроизводства» стал неизбежен; острота этого кризиса должна была усугубляться тем, что за годы подъема усилились и диспропорции американской экономики.

Второй причиной углубления кризиса было нарушение механизма международного товарообмена и равновесия платежных балансов других стран в результате торговой политики США.

До 1914 г. платежные балансы уравнивались на многосторонней основе; например, Франция не достигала равновесия в своих расчетах с каждой в отдельности страной, с которой она вела торговлю, а покрывала дефицит по торговле с одной страной за счет активного сальдо с другой. Эта система позволяла производить закупки в тех странах, где товары были дешевле.

Но баланс внешней торговли был лишь одним из элементов этого равновесия. Государства-рантье (Англия,

¹ *Е. Варга, Экономика капитализма в период заката после стабилизации, Госиздат, 1928, стр. 50.*

² Там же, стр. 53.

Франция и Германия) ввозили больше товаров, чем вывозили; дефицит они с излишком покрывали доходами от своих капиталовложений в странах, производивших сырье (США, Южная Америка, Россия и т. д.). Последние, чтобы выплачивать эти дивиденды золотом, должны были иметь активный торговый баланс; ведь только превышение экспорта над импортом дает возможность уплачивать иностранному капиталу денежную дань. Обычно США — один из крупнейших производителей сырья и страна, в которую были вложены значительные европейские капиталы, — имели, как и все страны-должники, активный торговый баланс. Война коренным образом нарушила это «равновесие». С одной стороны, развитие промышленности в США и индустриализация некоторых аграрных стран Южной Америки и Азии частично нарушили сложившуюся систему обмена европейских промышленных товаров на сырье, идущее из Америки и Азии. С другой стороны, внезапное превращение США в страну-кредитора нарушило равновесие платежей между США и Европой.

Это привело сразу же после окончания войны к глубокой дезорганизации мирового рынка, денежного обращения и международной торговли, на что указывал Ленин.

«Этот факт (обесценение денег.— *Ред.*) показывает, что «механика» мирового капиталистического хозяйства распадается целиком. Тех торговых отношений, на которых держится при капитализме получение сырья и сбыт продуктов, нет возможности продолжать; нет возможности продолжать их именно на почве подчинения целого ряда стран одной стране — в силу изменения стоимости денег. Ни одна богатейшая страна не имеет возможности существовать и не имеет возможности торговать, потому что она не может продавать своих продуктов, не может получать сырье.

И, таким образом, получается, что та же Америка, богатейшая страна, которой подчинены все страны, не может покупать и продавать»¹.

Для установления нового «равновесия» нужно было, чтобы США изменили свой торговый баланс и стали покупать больше товаров, чем они продавали. Излишек дол-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 198.

ларов, полученный таким образом другими странами, позволил бы последним выплачивать дивиденды по американским капиталовложениям, поддерживая в то же время в равновесии свои платежные балансы. Но в результате войны в США образовался значительный избыток не только промышленной продукции, но также сырья и продовольствия. Поэтому с 1919 по 1929 г. баланс внешней торговли США, как и до войны, оставался активным, хотя США и стали кредитором. Неравномерное развитие США и других капиталистических стран во время войны привело к серьезнейшему нарушению международной торговли и бесповоротно положило конец устойчивости валют и развитию обмена. В период с 1922 по 1929 г. равновесие платежных балансов достигалось исключительно путем непрерывного перекачивания золотых запасов других стран в США и экспорта американского капитала в Южную Америку и Европу. Но оба эти средства, применявшиеся для того, чтобы отвратить кризис, способствовали еще большему его углублению.

За время с 1914 по 1929 г. золотая наличность в США увеличилась с 1526 млн. до 3997 млн. долл.¹ Такая концентрация золота в США не могла не вызвать тяжелых потрясений в международной торговле, так как она должна была рано или поздно привести к прекращению платежей золотом и, следовательно, к такому кризису международного обмена и валют, какого капиталистический мир еще не знал.

С другой стороны, если импорт американского капитала давал государствам-должникам возможность выплачивать дивиденды на ранее вложенные капиталы, даже при дефицитном балансе их торговли с США, это было лишь мнимым равновесием; оно неминуемо должно было рухнуть в момент прекращения импорта капитала либо в связи с началом кризиса в США, вызванного развитием самой американской экономики, либо в связи с наступлением кризиса в самой Европе, вызванного экспортом американского капитала. Американские капиталовложения за границей играли не только пассивную роль, заполняя бреши, образовавшиеся в торговых балансах других стран вследствие превышения американского экспорта над импортом;

¹ Цена одной унции чистого золота — 20 долл. 67 центов.

подобно капиталовложениям внутри США они содействовали вызреванию и дальнейшему обострению кризиса в странах, куда этот капитал направлялся. Если эти вложения и привели к относительной стабилизации капитализма в Европе, то это было достигнуто ценой финансового подчинения Европы Америке. Последствием этого подчинения явилось ухудшение положения трудящихся в странах Европы, что сказалось на развитии предпосылок экономического и социального кризиса. Таково было положение всех стран Европы, и в особенности Германии.

Заново переоборудованная при помощи американского капитала и «рационализированная» по американскому образцу германская промышленность, расширявшая начиная с 1925 г. свой производственный потенциал, должна была либо найти на базе капитализма внешние рынки, либо пережить экономический кризис еще небывалой силы. Эти рынки сбыта она надеялась найти в СССР. Фактически план Дауэса и был построен на предположении, что германская промышленность будет эксплуатировать советский рынок.

«Смысл плана Дауэса,— говорил И. В. Сталин в 1925 г.,— состоит в том, что Германия должна выплатить Антанте не более, не менее, как около 130 миллиардов золотых марок в разные сроки. Результаты плана Дауэса уже сказываются в смысле ухудшения экономического положения Германии, в смысле ряда крахов целой группы предприятий, в смысле нарастания безработицы и пр. План Дауэса, составленный в Америке, таков: Европа выплачивает долги Америке за счет Германии, которая обязана Европе выплатить репарации, но так как всю эту сумму Германия не может выкачать из пустого места, то Германия должна получить ряд свободных рынков, не занятых еще другими капиталистическими странами, откуда она могла бы черпать новые силы и новую кровь для выплачивания репарационных платежей. Кроме ряда незначительных рынков, тут Америка имеет в виду наши российские рынки. Они должны быть, по плану Дауэса, предоставлены Германии для того, чтобы она могла кое-что выжать и иметь из чего платить репарационные платежи Европе, которая, в свою очередь, должна выплачивать Америке по линии государственной задолженности.

Весь этот план хорошо построен, но построен он без хозяина, потому что он означает для германского народа двойной пресс — пресс немецкой буржуазии в отношении пролетариата Германии и пресс иностранного капитала в отношении всего германского народа. Сказать, что этот двойной пресс пройдет даром для германского народа, — значит допустить ошибку. Поэтому я полагаю, что в этой части план Дауэса чреват неизбежной революцией в Германии. Он создан для умиротворения Германии, но он, план Дауэса, неизбежно должен привести к революции в Германии. Вторая часть этого плана, говорящая о том, что Германия должна выкачивать копейки для Европы за счет российских рынков, тоже есть решение без хозяина. Почему? Потому, что мы вовсе не хотим превратиться в аграрную страну для какой-бы то ни было другой страны, в том числе для Германии. Мы сами будем производить машины и прочие средства производства»¹.

И действительно, первый из планов, которые должны были превратить СССР из страны аграрной в страну индустриальную, появился на свет в 1928 г. Все сооружение Дауэса сразу же рухнуло. Первый советский пятилетний план, таким образом, означал конец «стабилизации» капитализма в Европе и в США, как и «стабилизации» взаимоотношений между социалистической и капиталистической системами. Капиталистическая экономика Германии могла избежать кризиса только на путях подготовки к войне с целью насильственного захвата советского рынка.

Поскольку политических предпосылок для перевооружения Германии в 1929 г. не существовало, кризис был неизбежен. А кризис в Германии не мог не ускорить также кризиса и в США, поскольку он означал, что американские капиталисты не смогут получать доход на свои капиталы и даже вернуть себе вложенные деньги. Таким образом, американские капиталы в Германии оказались замороженными. Тогда американские капиталисты прекратили вывоз капитала; рухнул один из устоев американского «процветания» — экспорт капитала в Германию, а это углубило и кризис в США, начавшийся в результате сокращения внутренних капиталовложений.

¹ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 271—272.

Таким образом, двусторонняя экспансия американского финансового капитала — в США и за границей, которая породила и поддерживала «процветание» и «стабилизацию» периода 1922—1929 гг., — в конечном итоге ввергла США и весь капиталистический мир в небывало тяжелый экономический кризис. Это был кризис 1929 г. Начало кризиса и окончание периода «стабилизации» положило конец всяким иллюзиям насчет вечного процветания «американской системы» и «мирного» завоевания всего мира Уолл-стритом. Война вновь стала необходимостью для американского империализма.

II. Экономический кризис 1929—1933 гг.

Особенности кризиса 1929—1933 гг.

Экономический кризис, начавшийся в США в 1929 г., не имел себе равных в истории американского и мирового капитализма. И действительно, он отличался от всех прежних кризисов своим затяжным характером, глубиной, широким размахом, разрушительными действиями и своеобразным характером последующего оживления.

Затяжной характер кризиса. Сокращение производства началось в июле 1929 г. и продолжалось до июля 1932 г., причем самый низкий уровень производства был отмечен только через три года, но и это еще не было концом кризиса; банковская система испытывала самые глубокие потрясения в начале 1933 г., а кризис тянулся до конца 1933 г., то есть в общей сложности — четыре с половиной года. Такого затяжного кризиса капитализм еще не знал. Продолжительность периода падения производства не идет ни в какое сравнение с тем, что имело место до 1914 г. Во время кризиса 1907—1908 гг. спад производства продолжался три месяца в металлургической промышленности, шесть — в угольной и девять месяцев в строительстве; в 1929—1932 гг. период спада составлял в этих же отраслях, соответственно, 39, 41 и 57 месяцев¹.

¹ Varga, La Crise économique, sociale et politique, Paris, Bureau d'éditions, 1935.

Глубина кризиса. О глубине кризиса говорят размеры снижения производства, цен, прибылей и численности занятых рабочих. Промышленное производство никогда еще не испытывало такого падения, как во время этого кризиса. В эпоху промышленного капитализма и свободы конкуренции происходило не сокращение производства, а лишь «замедление темпов роста»¹. В эпоху монополий и финансового капитала, то есть в период 1880—1914 гг., производство сокращалось, но в 1929—1933 гг. это сокращение было вдвое больше, чем за время самого глубокого из прежних кризисов (1907—1908 гг.).

Приведем данные о размерах снижения производства в США в год наибольшего углубления кризиса по сравнению с годом подъема начиная с кризиса 1884 г. (в %).

Т а б л и ц а 7

Годы	Уголь	Чугун	Сталь	Потребление хлопка
1884—1885	7,5	12,5	10,7	15,4
1893—1894	6,4	27,3	18,4	19,8
1907—1908	13,4	38,2	40,0	8,9
1920—1921	27,5	54,8	53,0	20,0
1929—1933	41,7	79,4	76,3	31,0

Следует отметить, что в результате хронического переизводства, явившегося следствием войны 1914—1918 гг., снижение коснулось главным образом производства средств производства. В 1932 г. индекс производства для этого сектора составлял всего 48,2 (1928 г. = 100), а для сектора потребительских товаров — 81,3². К тому же наиболее значительное падение производства средств производства имело место в США; это объясняется проведенной там в предкризисные годы рационализацией.

Процент безработных составлял во время кризиса 1908 г. 6,3% общего числа рабочих, а в 1933 г. — 25,1%³.

¹ *Varga, La Crise économique, sociale et politique, Paris, Bureau d'éditions, 1935.*

² Там же.

³ Цифры Совета национальных промышленных съездов.

Во время прежних кризисов падение цен составляло около 10%, а в 1932 г. оно достигло 31% ¹.

Наконец, прибыли промышленников не только сократились, но балансы компаний были сведены со значительным дефицитом. В 1929 г. владельцы предприятий получили 8,42 млрд. долл. чистой прибыли (после уплаты налогов) ², в 1930 г.— 2,45 млрд. долл., а в последующие три года понесли убытки. Убытки составляли в 1931 г. 1,28 млрд. долл., в 1932 г.— 3,42 млрд., и в 1933 г.— 362 млн. долл.

Размах кризиса. Прежние кризисы не затрагивали все страны и все области хозяйства в одинаковой степени; они всегда щадили какие-нибудь страны или отрасли производства. На этот раз, вследствие экономического преобладания США, кризисом были охвачены все страны, за

Таблица 8

Год	Эмиссия ценных бумаг ^а (в млн. долл.)	Экспорт капитала ^б (в млн. долл.)
1928	—	1 597
1929	10 026,4	1 037
1930	5 473,3	1 089
1931	2 589	432
1932	643,9	87
1933	381,6	98
1944	—	49

^а Statistical Abstract.
^б Department of Commerce, The U. S. in the World Economy.

исключением СССР,— как индустриальные, так и аграрные, как империалистические, так и колониальные. Кризиса не избежала ни одна отрасль промышленности (за исключением отраслей, работавших непосредственно на

¹ Varga, La Crise économique, sociale et politique, Paris, Bureau d'éditions, 1935.

² Министерство торговли, июль 1949 г.

нужды войны); мало того, он поразил и все остальные сферы хозяйственной деятельности — биржу, кредит, торговлю, сельское хозяйство.

В течение одной лишь недели, с 22 по 29 октября 1929 г., сумма биржевых цен всех акций, котируемых на Уолл-стрите, упала на 87 млрд. долл. Курс акций «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» снизился с 261,75 долл. в 1929 г. до 22 долл. в 1932 г.

О глубине кредитного кризиса свидетельствует прекращение эмиссий ценных бумаг и экспорта капитала (см. табл. 8).

В отличие от аграрных кризисов XIX в., на этот раз аграрный кризис поразил не только Европу, но и все остальные страны.

С другой стороны, он задел не только производство зерновых, как бывало до 1914 г., но и скотоводство, производство технических культур (сахарная свекла, табак, хлопок, джут, конопля, производство каучука, шелка-сырца, копры, сои) и все прочие отрасли сельского хозяйства.

Разрушительное действие кризиса. Вследствие своего затажного характера, глубины и широкого размаха кризис произвел огромные опустошения. Безработица, банкротства, уничтожение товарных запасов, сокращение основного капитала (здания и машины) приняли совершенно небывалые размеры. По данным министерства торговли США, число безработных выросло с 1550 тыс. в 1929 г. до 12 830 тыс. в 1933 г. В действительности же их было еще больше.

«В настоящее время,— сообщал писатель Андре Моруа, отправившийся в Америку, чтобы ознакомиться с положением на месте,— в США имеется около 14 млн. безработных; у многих из них есть семья. Таким образом, можно считать, что от 20 до 30 млн. мужчин и женщин живут на помощь, оказываемую им частными лицами или государством»¹.

Фонд заработной платы в промышленности, по данным министерства торговли, сократился почти вдвое (с 45 206 млн. долл. в 1929 г. до 23 660 млн. долл. в 1933 г.).

¹ А. Maurois, Chantiers américains, 1933.

В 1932 г. число банкротств составило 31 882 против 23 676 во время предыдущего кризиса (1921—1922 гг.). За четыре года (1929—1933) обанкротилось 130 тыс. фирм с общей задолженностью в 3330 млн. долл.¹ Среди них были не только промышленные и торговые предприятия, но и банки. В период с июня 1929 г. по июнь 1933 г. обанкротилось 10 тыс. банков. К моменту прихода Рузвельта к власти (4 марта 1933 г.) вся «американская финансовая система рассыпалась в прах»: в тридцати двух штатах были закрыты все банки; во всех остальных штатах вкладчикам выдавалось только 5% их вкладов; 6 марта Рузвельт приостановил все банковские операции.

Доходы фермеров, и без того стоявшие на относительно низком уровне, упали с 223 долл. на душу в 1929 г. до 90 долл. в 1933 г.² Задолженность фермеров достигла 12,5 млрд. долл.

Систематическое уничтожение «избыточных» продуктов и машин приняло огромные размеры. В 1932 г. были выведены из строя мартеновские печи общей мощностью в 4 млн. т стали в год; были уничтожены 124 судна общим водоизмещением в 1 млн. т.

Из 40 млн. акров, засевавшихся ранее хлопком, в 1933 г. было обработано только 10 403 тыс. акров; сотни миллионов литров молока были вылиты в помойные ямы; выкорчевано 80 тыс. персиковых деревьев; зарезано 6400 тыс. свиней. Ничего подобного история человечества еще не знала.

Капиталовложения в промышленность сократились с 9165 млн. долл. в 1929 г. до 2137 млн. долл. в 1933 г.; этой суммы нехватало даже на содержание в порядке наличного оборудования; износившиеся машины не обновлялись. В хлопчатобумажной промышленности 1 февраля 1933 г. насчитывалось всего 31 млн. веретен, вместо 34,8 млн. на 1 августа 1929 г. Изношенные рельсы на железных дорогах не сменялись; вагоностроение почти вовсе приостановилось.

Таким образом, кризис 1929 г. прервал рост производственного потенциала США. За десятилетие (1929—1938), в которое входят и 1929 г., год наибольшего подъема,

¹ Statistikal Abstract, 1948.

² Truman, Rapport au Congrès, 1948.

и годы оживления и нового подъема (1936—1937), затраты на расширение производственных мощностей в отраслях, производящих средства производства, сократились впервые с 1869 г., а их общая сумма была ниже суммы, израсходованной на эти цели за десятилетие 1879—1888 гг.

Таблица 9

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ В ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,
ПРОИЗВОДИВШИХ ТОВАРЫ ДЛИТЕЛЬНОГО
ПОЛЬЗОВАНИЯ

(в млрд. долл., по ценам 1929 г.)

Период	Расход	В том числе	
		на возме- ние износив- шегося обо- рудования	на расшире- ние произ- водства
1869—1878	0,48	0,27	0,21
1879—1888	1,03	0,58	0,45
1889—1898	1,42	1,03	0,40
1899—1908	2,58	1,54	1,04
1909—1918	3,88	2,52	1,36
1919—1928	5,48	3,88	1,60
1929—1938	4,77	4,47	0,30

Источник: Truman, Rapport économique, janvier, 1948, p. 59.

Итак, по своей продолжительности, глубине, размаху и разрушительному действию кризис 1929—1933 гг. отличался от прежних кризисов, имевших место до 1914 г. Разница тут не только количественная, но и качественная — разница в самой природе кризисов. Кризис 1929—1933 гг. разразился в новую эпоху в развитии капитализма. Это первый мировой экономический кризис (поскольку кризис 1920—1921 гг. затронул только США, Англию и некоторые другие страны), разразившийся после 1914 г., то есть после того, как система капитализма была расшатана мировой войной, после того, как она перестала быть единственной экономической системой в мире

и рядом с ней возникла новая и притом антагонистическая система. В 1934 г. И. В. Сталин, перечислив несколько причин, объясняющих «небывало затяжной характер современного промышленного кризиса», указал на следующее:

«Объясняется это, наконец,— и это главное — тем, что промышленный кризис разыгрался в условиях **общего** кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистической войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться»¹.

Если кризисы, имевшие место до 1880 г., были в истории капитализма, так сказать, кризисами юности, а кризисы периода 1880—1914 гг.— кризисами зрелого возраста, то кризис 1929—1933 гг. оказался первым крупным кризисом его старости и умирания. Одни и те же болезни протекают несравненно тяжелее и значительно труднее излечиваются у старика, чем у мальчика или юноши. Отсюда исключительная острота кризиса 1929 г. (тут уж действительно можно говорить об «исключительности»!); поэтому мировому капитализму трудно было его преодолеть.

Распространение промышленного кризиса, в отличие от кризиса 1920—1921 гг., на все без исключения капиталистические страны не позволило американскому капитализму сманеврировать за счет других стран; распространение кризиса на все аграрные и полуаграрные страны привело к тем же последствиям для американского сельского хозяйства; переплетение промышленного кризиса с аграрным осложнило положение; промышленный кризис обусловил падение городского спроса на сельскохозяйственные продукты, а аграрный кризис сократил спрос на промышленные изделия в деревне.

Как капиталистические страны переходят от кризиса к периоду нового подъема? Тремя путями: обновляя свое оборудование, расширяя внутренний рынок и завоевывая

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 425.

внешние рынки. Но в 1933 г. все эти три «пути» были полностью или частично закрыты.

«Кризис всегда образует, — пишет Маркс, — исходный пункт для крупных новых вложений капитала»¹. Действительно, во время фазы, следующей за кризисом в узком смысле этого слова, то есть в период депрессии, промышленники начинают заменять свои изношенные и устаревшие машины, расширяют предприятия, строят новые. Именно эти вложения в основной капитал и выводят капиталистическую экономику из кризиса к подъему. Так будет до тех пор, пока существует капитализм. Но в 1933 г. капиталовложениям препятствовали многие обстоятельства. Зачем было промышленникам увеличивать свои производственные мощности, если даже в период оживления они не смогли полностью использовать имевшиеся мощности? Наличие избыточного производственного аппарата, полученного в наследство от войны 1914 г., препятствовало вложению капиталов в новые средства производства. А без таких капиталовложений не могло быть и подъема.

Добавим, что кризис, кроме того, благоприятствовал концентрации капитала. А когда образуется монополия, она сокращает свои расходы на оборудование, так как не заинтересована в покупке новых машин, если она не в состоянии полностью использовать старые и если ей не приходится опасаться, что какой-либо конкурент станет применять более усовершенствованное оборудование.

Кроме того, политика монополий ведет к сокращению потребления масс, тормозя снижение цен на товары, которые монополии сами производят или продают. Косвенные налоги, которыми государство облагает товары массового потребления, и политика торговых монополий приводят к тому, что розничные цены не понижаются в той же мере, в какой снижаются оптовые. Таким путем монополии перекладывают тяготы кризиса на рабочих, крестьян и средние классы. Но тем самым они сужают рынок сбыта предметов потребления и потому не ощущают необходимости расширять свой производственный аппарат.

Наконец, за время кризиса монополии изменили характер рационализации. В период подъема они требовали от

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, 1949 г., стр. 182.

своих инженеров снижения себестоимости производства, хотя бы путем увеличения количества продукции; массовое производство снижает издержки производства на единицу продукции. Но, как отмечал Варга¹ в 1935 г., кризис показал капиталистам, что в ряде случаев именно предприятия, полностью «рационализированные», основанные на автоматически действующей конвейерной системе и рассчитанные на массовое производство, дают самую высокую себестоимость в результате свертывания производства.

«Таким образом, во время кризиса капитал поставил перед своими учеными, техническими специалистами и организаторами следующую задачу: вы должны снизить издержки производства на единицу продукции, но при одном условии — не увеличивать количества товаров, так как перспектив увеличения сбыта нет. Или, точнее, вы должны суметь снизить издержки производства, используя, как и сейчас, ваш производственный аппарат в ограниченных размерах»².

Для того чтобы добиться этого, капиталисты сконцентрировали производство на самых современных предприятиях, использовали только часть машин, а главное, добились повышения интенсивности труда. Они отобрали самых сильных и самых покорных рабочих, потребовали от них еще более напряженной работы, а остальных выставили за ворота; они использовали рабочих только частично, даже когда предприятия работали непрерывно. Так, в металлургической, угольной, сталелитейной и автомобильной промышленности каждый рабочий был занят всего два-три дня в неделю, причем от частично занятого рабочего можно было требовать такой интенсивности труда, на какую он не был бы способен, если бы работал всю неделю. Таким образом, производительность труда во время кризиса возросла: индекс почасовой выработки повысился со 117 в 1929 г. до 145 в 1933 г. (1923—1925 гг. = 100)³. Таким образом американская промышленность смогла увеличить продукцию, используя

¹ *Varga, La Crise économique, sociale et politique, Paris, p. 126 et 127.*

² Там же, стр. 127.

³ National Industrial Conference Board, p. 10, February 20, 1934.

меньше рабочих и сократив фонд заработной платы. С мая 1932 г. по май 1933 г. индекс объема промышленной продукции повысился с 61 до 80 (1923—1925 гг. = 100), но индекс занятости упал с 61 до 60, а индекс фонда заработной платы — с 46 до 42. Совершенно ясно, что в этих условиях большинство безработных не могло уже, как бывало прежде, найти работу после окончания кризиса. Армии безработных суждено было остаться постоянной армией. Поэтому в период оживления спрос на потребительские товары не мог расти так, как он рос прежде. Поскольку оборудование, машины и весь инвентарь предназначены в конечном итоге только для потребления, застойность потребления сдерживала как спрос на оборудование, так и рост вложений в основной капитал, а это в свою очередь тормозило выход из кризиса и подъем.

В ходе прежних циклов капитализму удавалось расширить свой внутренний рынок, вовлекая в товарообмен крестьян, производивших до того только для себя. Капитализм как бы разлагал крестьянское хозяйство, внося в деревню специализацию и разделение труда. Например, крестьянин, производящий для своих нужд продукты питания и коноплю, из которой он делает для себя одежду, начинает специализироваться на производстве конопли и продает всю свою продукцию промышленности. Тогда этот крестьянин начинает покупать себе одежду у промышленников, а продовольствие — у других крестьян, которые специализируются на производстве зерновых, скотоводстве и т. д. Проникновение в деревню капиталистического способа производства и механизация сельского хозяйства усиливают процесс социальной дифференциации, создавая, с одной стороны, сельскую буржуазию, с другой — сельский пролетариат. Буржуазия покупает машины, а пролетариат — одежду и предметы домашнего обихода. Таким путем расширяется капиталистический рынок.

«Превращение крестьянства в сельский пролетариат, — пишет Ленин, — создает рынок главным образом на предметы потребления, а превращение его в сельскую буржуазию — создает рынок главным образом на средства производства»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 135.

Но в США этот процесс «раскрестьянивания», как выразился Ленин, в общем закончен; кризис 1929—1933 гг. сопровождался деградацией сельского хозяйства, то есть падением производства и ухудшением техники: происходила замена машин рабочим скотом, сокращалось применение удобрений и т. д. Вместо расширения это порождало сужение капиталистического рынка, так как сельская буржуазия переставала покупать тракторы и удобрения, а сельский пролетариат, не находя работы, пополнял собой армию безработных и, следовательно, не мог предъявлять спрос на предметы потребления, производимые промышленностью.

Таким образом, аграрный кризис препятствовал новому подъему американской экономики после 1933 г.

Во время прежних кризисов, до 1914 г., капитализм расширял свой рынок путем непрерывных захватов новых территорий. Но с тех пор земной шар был полностью поделен, а в 1917 г. с возникновением Советского Союза сфера капитализма сузилась.

Как мы уже видели, это не препятствовало экономическому подъему и экспансии США в период с 1922 по 1929 г. Политическая разобщенность мира не помешала американскому капиталу проникнуть в полуколониальные страны Южной Америки, во владения европейских империалистических стран и даже в Европу. Но после 1933 г. это уже не могло продолжаться, так как экономический кризис окончательно расшатал международную торговлю и нанес смертельный удар «стабилизации».

Кризис вызвал во всем мире усиление протекционизма. Первыми на путь усиления протекционизма вступили США, введя в действие в 1930 г. тариф Хоули — Смутса. Но Англия и другие капиталистические страны приняли подобные же меры для того, чтобы оградить свои колониальные владения.

В 1932 г. Англия и ее доминионы подписали Оттавское соглашение, в результате которого имперская торговля, то есть товарооборот между метрополией и ее колониями, стала расширяться, несмотря на сокращение мировой торговли. В 1929 г. на имперскую торговлю приходилось 10,7% всей мировой торговли; в 1932 г. ее доля составляла 13,7%, а в 1936 г. достигла 17,7%. Эти новые барьеры должны были препятствовать вывозу аме-

риканских промышленных изделий в колониальные владения европейских стран.

Кроме того, в борьбе против доллара фунт стерлингов в конце концов потерпел поражение. В 1931 г. Англия была вынуждена провести девальвацию. Но для США это оказалось пирровой победой. Если Лондон и потерял свой финансовый престиж, зато английским промышленникам стало легче конкурировать с американской промышленностью; даже с отменой золотого стандарта, фунт стерлингов все же сохранил свои функции международной денежной единицы, так как многие страны, не входящие в число доминионов, «привязали» свои денежные единицы к фунту стерлингов. Так возникла стерлинговая зона, внутри которой английские банки, промышленность и торговля укрепили свои позиции.

Но пострадала не только американская промышленность. Европейские промышленные страны охраняли от иностранной конкуренции свое сельское хозяйство. В период 1928—1934 гг. производство зерновых в европейских странах, импортирующих хлеб, увеличилось на 20%. Импорт зерновых Германии, Франции, Италии, Польши, Швеции и Чехословакии составил в 1933 г. всего $\frac{1}{7}$ среднего годового импорта за период 1924—1928 гг.¹ Сельское же хозяйство США могло развиваться только за счет разорения европейского сельского хозяйства. Стало быть, подъем сельскохозяйственного производства в Европе способствовал продлению аграрного кризиса в США на неопределенное время.

Еще более тяжелые последствия имели распад торговых связей, нарушение денежной системы и международного кредита. Кроме того, кризис разрушил каналы международной торговли, существовавшие до 1914 г. Падение цен ударило особенно тяжело по аграрным и полуаграрным странам (в частности, по странам Южной Америки), на которые промышленные державы старались частично переложить бремя кризиса. «Аграризация» Европы создавала для этих стран еще более затруднительное положение. Они не могли больше поддерживать равновесие своих

¹ SDN, Situation économique, p. 208, 1933—1934.

торговых балансов и, израсходовав свои золотые запасы¹, были вынуждены прибегнуть к контролю над валютой и ограничить закупки промышленных товаров в Европе и Америке. В попытке найти выход из тупика и ликвидировать свою зависимость от Европы эти страны стали индустриализироваться. Все это затрудняло обмен сырья аграрных стран на промышленные изделия Европы. Такое положение сильно сказывалось и на торговле США, так как раньше аграрные страны использовали средства, полученные от торговли с Европой, для закупки американских промышленных товаров и для выплаты процентов и очередных взносов по займам. Но вследствие сильного падения цен на продукты сельского хозяйства торговый баланс аграрных стран сделался пассивным и они были уже не в состоянии выплачивать свою задолженность.

Прекращение экспорта капитала из США и сокращение американского туризма также нанесло ущерб европейским странам-должникам, и, в частности, Германии. Поступление долларов из США в другие государства (экспорт капитала, оплата импорта, фрахт, туризм и др.) сократилось с 7400 млн. долл. в год в период 1927—1929 гг. до 2400 млн. в 1932—1933 гг., то есть на 68%. А между тем эти государства, и прежде всего Германия, выплачивали проценты по своим долгам за счет притока американских капиталов.

В результате европейские государства-должники (Германия, Австрия, Венгрия, Балканские государства) объявили мораторий по государственным и частным долгам. Гувер попытался спасти американские вложения за счет Франции и Англии, для чего отсрочил платежи по репарациям, но это не помешало прекращению платежей по частным долгам. Не получая больше репараций, американские союзники по первой мировой войне отказались платить свои военные долги США.

Отказ аграрных и индустриальных стран-должников платить свои долги, разумеется, не поощрял американских капиталистов к новым капиталовложениям за границей. В этих условиях проблема экспорта капитала стала нераз-

¹ Золотой запас южноамериканских стран сократился с 927 млн. долл. в декабре 1928 г. до 353 млн. долл. в 1931 г.; за тот же период золотой запас стран Центральной Америки снизился со 180 млн. до 10 млн. долл.

решимой, так как сокращение американских капиталовложений вынуждало государства-должников принимать экономические и финансовые меры, в результате которых капиталовложения сокращались еще больше.

Большинство этих стран пошло на отчаянные, с точки зрения капиталистических государств, меры. Они стали проводить политику «автаркии», то есть строго регламентировали свою внешнюю торговлю, ограничили ввоз товаров, установили контроль над денежным обращением и запретили вывоз банкнот. Так капиталистический мир разбился на ряд замкнутых валютных зон, из которых невозможно было получить дивиденды на вложенные капиталы.

К экономическим трудностям прибавлялись и политические: было очевидно, что с началом мирового кризиса капиталистический мир вступил во второй тур войн. Вкладывая доллары за границей, американские капиталисты рисковали потерять их.

Таким образом, в результате кризиса возможность экспорта капиталов из США была практически сведена на нет.

После 1933 г. американские капиталовложения за границей снизились до нуля.

Т а б л и ц а 10
ВЫВОЗ КАПИТАЛА
(в млн. долл.)

Год	Займы	Прямые капиталовложения
1932	51	16
1933	83	0
1934	17	0
1935	53	0
1936	47	12
1937	13	0
1938	53	0
1939	53	0

Источник: Министерство торговли США, The U. S. in the World Economy (table II).

Препятствия, мешавшие увеличению производственной мощности США, а также расширению их внутреннего и внешнего рынков, говорили о том, что американскому капитализму будет несравненно труднее преодолеть кризис 1929—1933 гг., чем прежние кризисы, и что ему не удастся преодолеть его старыми способами.

Неизбежность второй мировой войны (1933—1939 гг.)

В наши дни нередко забывают, как экономический кризис сбил спесь с американских капиталистов и подорвал веру в капиталистическую систему США.

«Я знал Америку эпохи «процветания»,— писал Андре Моруа в 1933 г. в очерке о положении в Соединенных Штатах,— мне была знакома самоуверенность американцев, их апломб, их надменность. Я знал этот народ, совершенно искренне веривший, что ему суждена райская жизнь... Я знал времена, когда каждого крупного банкира считали мудрецом... когда губернатор Смит мог заявить: «Американцы никогда не носят зонтиков, потому что они хотят жить под вечным солнцем». Кульминационным пунктом той эпохи было избрание Гувера президентом в 1928 г. Он был инженером, символом новой техники, символом процветания. Целая страна объявила себя «гуверократией»¹.

А в 1933 г. в США уже не было ни одного гуверократа. Гувер был изгнан с позором из Белого дома, и его место занял Рузвельт. При каких обстоятельствах это произошло?

«Ни один президент еще не вступал в должность в такой тяжелой обстановке,— пишет Моруа.— В стране 14 млн. безработных, и их число растет с каждым днем; фермеры бунтуют, банки закрываются, все устои социального строя рушатся один за другим со страшной быстротой... Европа никогда не могла представить себе, какую грустную картину представляют Соединенные Штаты, пораженные страшным бедствием.

... В продолжение нескольких недель Америка думала, что близится гибель всей системы, всей цивилизации.

¹ A. Maurois, Chantiers américains.

В самом деле, экономический кризис грозил перерасти в кризис социальный и политический. Безработные устраивали голодные походы; фермеры шли на революционные акты: они сжигали урожай на городских площадях, оказывали сопротивление арестам имущества по исполнительным листам, устраивали походы на Вашингтон.

Помешать превращению экономического кризиса в кризис революционный — вот что стало главной целью монополий. Ради этого они позволили Рузвельту провести некоторые либеральные мероприятия в интересах рабочих (40-часовая рабочая неделя, установление минимума заработной платы, признание профсоюзов по закону Вагнера), в интересах фермеров (восстановление уровня сельскохозяйственных цен, пособия) и в интересах должников. Монополии воспользовались отсутствием в США массовой революционной рабочей партии, устойчивостью реформистской идеологии среди американских рабочих и предательством профсоюзных бонз. Они использовали главное оружие эксплуататоров — оружие раскола, противопоставляя занятых рабочих безработным, белых рабочих — чернокожим.

Позднее, когда монополии снова почувствовали себя достаточно сильными и когда угроза социальных потрясений, казалось, была уже устранена, они снова подняли свой голос. Они заставили Верховный суд осудить мероприятия «нового курса» как нарушающие конституцию, а 28 апреля 1937 г. шестнадцать виднейших промышленников и банкиров, в том числе зять Рокфеллера и президент «Чэйз нейшнл бэнк» Олдрич, президент «Дженерал электрик» Юнг и Мак-Алистер из «Интернэйшнл харвестер» позволили себе публично предьявить Рузвельту ультиматум и провозгласить программу, которая перекладывала бремя вновь наступившего кризиса на плечи трудящихся. Но если монополиям удалось без особого труда преодолеть социальный кризис, то этого нельзя сказать о кризисе экономическом.

Вмешательство государства

Характерной чертой положения в 1933 г. было то, что помешать всеобщему банкротству могло только государственное вмешательство. Банки, поддерживая промыш-

ленные компании, с которыми они были связаны, в свою очередь были втянуты в кризис и закрыли двери. Рушились самые основы системы. Первой задачей Рузвельта было остановить это крушение. Правительство стало выдавать банкам, как функционировавшим, так и временно закрытым, ссуды, скупать акции банков, испытывавших затруднения, выдавать авансы железнодорожным компаниям, пароходствам, авиационным компаниям, страховым обществам, промышленности, переживавшим трудности фермерам.

19 апреля 1933 г. оно проводит девальвацию доллара на 40%.

В июне 1936 г. корпорация кредитования домовладельцев, созданная для того, чтобы спасти домовладельцев, которым угрожала продажа имущества с молотка, выдала более миллиона ссуд на сумму, превышавшую 3093 млн. долл. С 1929 по 1933 г. федеральное управление по сельскому хозяйству ссудило фермерам 580 млн. долл.; его преемник — администрация кредитования фермеров — ассигновал на это дело до конца 1934 г. 3 млрд. долл. К концу 1933 г. в руках американского правительства находилась примерно $\frac{1}{7}$ всех ипотек США, составлявших сумму в 9 млрд. долл., и $\frac{1}{7}$ всей сельскохозяйственной задолженности, составлявшей около 13 млрд. долл. Сумма ссуд, выданных реконструктивной финансовой корпорацией — основной ссудной организацией — за время с 2 февраля 1932 г. по 31 декабря 1935 г., составила 10 617 млн. долл. Ей принадлежала четверть всего банковского капитала США¹.

Правительство старалось искусственными средствами поднять цены на сельскохозяйственные продукты; оно закупало огромные количества скота и продовольствия, которые затем большей частью уничтожались (в 1934 г. правительство закупало около 700 тыс. голов скота в неделю, а к концу года изъяло с рынка 7815 тыс. голов). Оно также регламентировало производство хлопка, маиса, табака, риса, молока и молочных продуктов, сахара, рогатого скота, свиней, ржи, льна, ячменя, земляного ореха и картофеля. Государство предоставляло субсидии (ссуды

¹ *Baster, Le crépuscule du capitalisme américain*, p. 89—92.

под урожай и т. д.) только тем фермерам, которые сокращали обрабатываемую площадь.

Чтобы положить конец падению цен в промышленности, Национальная администрация восстановления, как руководящая организация «нового курса», ввела «кодексы», которые фактически привели к принудительному картелированию.

Наконец, государство пыталось оживить хозяйственную деятельность и уменьшить безработицу, сократив рабочую неделю и введя принудительный труд (закон от 31 марта 1933 г. предусматривал организацию некоторого количества трудовых лагерей под наблюдением «Корпуса гражданского сохранения»; в августе 1934 г. Гражданской службе труда было предоставлено право содержать в лагерях 370 тыс. рабочих), фиксируя в «кодексах» минимальную заработную плату и, главное, давая промышленности заказы для общественных работ и на изготовление предметов вооружения. 16 июня 1933 г. конгресс принял закон о национальном восстановлении, содержащий широкую программу работ на общую сумму 3700 млн. долл. За время с 1931/32 г. по 31 октября 1935 г. общая сумма ассигнований на расходы по «оздоровлению» и «помощи» достигла 17 359 млн. долл. Доля указанных расходов в общей сумме бюджета выросла с 15% в 1931/32 до 60% в 1933/34 бюджетном году. Что государственные расходы (на крупные общественные работы и вооружения) содействовали промышленному подъему, не подлежит сомнению. Параллельно с ростом государственных расходов шло повышение экономической активности, которая достигла высшей точки именно тогда, когда государственные расходы поднялись до максимального уровня, а именно, в течение второй половины 1936 г. и первой половины 1937 г. И, напротив, сокращение этих затрат было предвестником кризиса 1938 г., который прекратился лишь с возобновлением роста государственных расходов (см. табл. 11).

Было бы, однако, ошибкой объяснять рост экономической активности исключительно государственными затратами, как справедливо указывал И. В. Сталин на XVII съезде Всесоюзной коммунистической партии:

«Было бы грубой ошибкой объяснять все военно-инфляционной конъюнктурой... Очевидно, что наряду с

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ

Бюджетный год	Млрд. долл.	Бюджетный год	Млрд. долл.
1929/30	3,9	1934/35	7,5
1930/31	4,1	1935/36	9,0
1931/32	4,9	1936/37	8,2
1932/33	4,3	1937/38	7,3
1933/34	6,3	1938/39	8,7

военно-инфляционной конъюнктурой здесь имеет место также действие внутренних экономических сил капитализма»¹.

Именно эти силы и сыграли важнейшую роль, как показывает увеличение расходов на обновление основного капитала, а также на строительство².

Рузвельтовские «лекарства» носили инфляционный характер (девальвация, бюджетные дефициты). Они отчасти и привели к быстрому возврату кризиса.

Несмотря на беспрецедентное для мирного времени вмешательство государства, американскому капитализму не удалось выйти из кризиса так, как он выходил прежде. Конечно, и на этот раз, как и раньше, после фазы кризиса в собственном смысле слова (1929—1933 гг.) последовала фаза депрессии (1934—1935 гг.), после которой наступил период оживления (1936 г.), затем подъема (1937 г.), но теперь фазы «депрессии» и «подъема» носили иной характер, чем во время предыдущих экономических циклов.

«Значит ли это,— говорил И. В. Сталин, анализируя положение в начале 1934 г.,— что мы имеем дело с переходом от кризиса к обычной депрессии, влекущей за собой новый подъем и расцвет промышленности? Нет...

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 428.

² Рост вложений в основной капитал:

Год	Млн. долл.	Год	Млн. долл.
1932	2,608	1935	3,738
1933	2,137	1936	5,077
1934	3,080	1937	6,730

Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка»¹.

В самом деле, за этой депрессией «особого рода» следует не настоящее, а только «некоторое» оживление, «некоторый» подъем.

«Экономический кризис, начавшийся в капиталистических странах во второй половине 1929 года, продолжался до конца 1933 года. После этого кризис перешел в депрессию, а потом началось некоторое оживление промышленности, некоторый ее подъем. Но это оживление промышленности не перешло в процветание, как это бывает обычно в период оживления. Наоборот, начиная со второй половины 1937 года начался новый экономический кризис, захвативший прежде всего США, а вслед за ними — Англию, Францию и ряд других стран.

Таким образом, не успев еще оправиться от ударов недавнего экономического кризиса, капиталистические страны очутились перед лицом нового экономического кризиса»².

Индекс промышленного производства (1929 г. = 100) повышается до 63,9 в 1933 г., 66,4 — в 1934 г., 75,6 — в 1935 г., 92,2 — в 1937 г., но в следующем году он падает до 72,3. В 1938 г. кризис начинается снова.

Эти цифры ясно говорят о наличии трудностей, о непрочности оживления. Примерно до 80-х годов прошлого столетия, в период, когда капитализм был на подъеме, требовалось всего несколько месяцев для того, чтобы производство и вся деловая активность поднялись с самой низкой кризисной точки до самой высокой точки предыдущей фазы подъема; бывали случаи, когда даже во время кризиса наблюдалось не падение производства, а лишь замедление темпов роста. В период империализма после 1880 г. вплоть до кризиса 1929 г. обычно бывало достаточно одного-двух лет подъема, чтобы достигнуть преды-

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 428.

² Там же, стр. 565.

дущего максимума, а теперь, чтобы достигнуть этого, понадобилось не менее пяти лет.

Кроме того — и это главное, — оживление 1936—1937 гг. не перешло в подлинный подъем, поскольку производство не превысило уровень 1929 г. Подъем носил судорожный характер; американская экономика, казалось, выбивалась из сил, пытаясь достигнуть уровня 1929 г., но, не достигнув его, словно обессилев от огромного напряжения, она рухнула. Знаменательно, что индекс промышленного производства в 1937 г. был на 7,5% ниже, чем в 1929 г.¹ Еще знаменательнее то, что количество безработных, по данным министерства труда, возросло в 1937 г. до 7700 тыс. человек, то есть приблизилось к уровню 1931 г. и в пять раз превысило цифру 1929 г.

О непрочности оживления 1937 г. свидетельствовало резкое падение производства в 1938 г. За девять месяцев индекс физического объема промышленной продукции снизился на 33%, то есть больше, чем за первые восемнадцать месяцев кризиса 1929 г.

Таким образом, кризис 1938 г. разразился, когда американская экономика еще не успела вернуться к уровню, достигнутому в период предыдущего подъема. В этих условиях, поскольку кризису не предшествовал подлинный подъем, падение 1938 г. было гораздо серьезнее, чем предыдущее.

«Новый кризис начался не после процветания промышленности, как это имело место в 1929 году, а после депрессии и некоторого оживления, которое, однако, не перешло в процветание. Это означает, что нынешний кризис будет более тяжелым и с ним будет труднее бороться, чем с предыдущим кризисом»².

¹ Индексы промышленного производства:

Год	Индекс	Год	Индекс
1929	100	1934	66,4
1930	80,7	1935	75,6
1931	68,7	1936	88,1
1932	53,8	1937	92,2
1933	63,9	1938	72,3

Источник: SDN Annuaire Statistique.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 565.

И действительно, если американскому капитализму, тем не менее, удалось быстро оправиться (положение в промышленности улучшилось в 1939 г. и после нескольких срывов окончательно выправилось во второй половине 1940 г.), то только потому, что вторая мировая война, начавшаяся фактически войнами в Эфиопии, в Испании и вторжением в Китай, вступила в решающую стадию. Таким образом, после кризиса 1938 г. американской экономике потребовалось всего два года, чтобы подняться до уровня 1937 г., достигнуть уровня 1929 г., превзойти его и вступить в полосу настоящего подъема. «Процветание»

Т а б л и ц а 12

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ
(данные федерального резервного
управления)

Год	Индекс про- мышленного производства (1935—1939 гг. = =100)	Федеральные расхо- ды ^а (в млрд. долл.)	
		общие	военные
1929	110	3,84	0,79
1938	89	7,3	1,24
1939	109	8,7	1,36
1940	125	9,1	1,79
1941	162	12,7	6,3
1942	199	32,5	22,9
1943	239	78,1	63,5
1944	235	93,7	76,0
1945	203	100,4	80,5

^а Данные относятся к бюджетным годам — с 1 июля по 30 июня. При сопоставлении с данными о промышленном производстве получается разрыв на 6 месяцев. Например, в 1941 бюджетный год входят второе полугодие 1940 г. и первое полугодие 1941 г. Это значит, что на производство 1941 г. оказали влияние как бюджет 1941 г., так и гораздо больший бюджет 1942 г.

длилось пять лет, причем производство сделало новый скачок по сравнению с предыдущим подъемом. Но это быстрое оживление и подъем были обусловлены войной: период оживления, отмечавшийся в прежних циклах, совпал с периодом активной подготовки к войне и растущей помощи Англии, а период подъема начался со вступлением США в войну (декабрь 1941 г.).

Данные о промышленном производстве и о правительственных расходах наглядно подтверждают сказанное (табл. 12).

Итак, мировая война — и только она — позволила американскому капитализму выйти из кризиса 1938 г. и даже из кризиса 1929—1933 гг.

Т а б л и ц а 13

Год	Национальный доход (в млрд. долл.)	Прибыли корпораций (за вычетом налогов) (в млрд. долл.)	Экспорт (в млрд. долл.)	Безработные (в тыс.)
1929	87,355	8,420	5,157	1 550
1930	75,003	2,355	3,781	4 300
1931	58,873	— 1,283	2,377	8 020
1932	41,690	— 3,424	1,576	12 060
1933	39,584	— 0,362	1,647	12 830
1934	48,613	0,977	2,100	11 340
1935	56,789	2,259	2,243	10 610
1936	64,719	4,273	2,418	9 030
1937	73,627	4,685	3,298	7 700
1938	67,375	2,289	3,056	10 390
1939	72,532	5,005	3,177	9 480
1940	81,347	6,447	4,021	8 120
1941	103,834	9,386	5,147	5 560
1942	137,119	9,433	8,080	2 600
1943	169,686	10,646	12,964	1 070
1944	183,838	10,803	14,258	670
1945	182,691	8,502	10,539 ^a	1 040

^a Включая поставки армии в оккупированных странах.

«После периода 1929—1941 гг.,— признает экономический обзор Лиги наций,— когда производство, за исключением 1937 г., не достигало уровня 1929 г., программа американских вооружений в сочетании с растущей помощью Англии и другим нациям, борющимся против агрессии, вызвала быстрый и всеобщий промышленный подъем».

В самом деле, только начиная с 1940—1941 гг., через 12 лет после 1929 г., объем промышленного производства, прибыли капиталистических компаний, национальный доход и экспорт превысили уровень 1929 г.; только во время войны армия безработных смогла получить работу. И все-таки, даже когда военная экономика достигла наибольшего развития, в США еще оставалось 670 тыс. безработных (табл. 13).

Борьба за мировые рынки и американская экспансия

Положив конец экономической и политической «стабилизации» 1922—1929 гг., экономический кризис разрушил основы «мирной» экспансии американского капитализма. Кризис по-новому поставил проблему завоевания США иностранных рынков для своих товаров и капиталов, а также захвата естественных богатств других стран. Для магнатов Уолл-стрита война снова стала необходимою.

Девальвация фунта стерлингов, Оттавское соглашение и образование стерлинговой зоны показали, что США уже не могут захватить «мирным» путем богатства доминионов и экономически зависимых от Англии стран. Нужно было еще больше ослабить английский империализм в финансовом и политическом отношении, чтобы США могли добиться согласия Англии на свободный ввоз американских товаров и капиталов. К моменту кризиса английский капитализм сохранял очень сильные позиции в странах, на которые претендовал американский капитал; об этом свидетельствуют приводимые ниже данные об экспорте капитала (табл. 14).

В то же время Уолл-стриту приходилось считаться с экспансией германского и японского империализма, которая представляла для него серьезную угрозу. Германия и Япония смело атаковали США в основных районах их

Таблица 14

ЭКСПОРТ КАПИТАЛА ИЗ США И АНГЛИИ
(1924—1931 гг., в млн. долл.)

	США	Англия
Южная Америка и Антильские о-ва	1 758,4	655
Английские колонии и доминионы (исключая Канаду)	1 855,3	3 474,4
Австралия	252,4	1 011,3
Индия	—	373,2
Канада и Ньюфаундленд	1 632,9	349,2
Африка	—	603,2

экспансии — Латинской Америке и Китае, — и там им удалось создать сильную конкуренцию американской торговле.

Нацистская Германия использовала трудности, испытываемые аграрными и полуграрными странами Центральной и Восточной Европы и Южной Америки, чтобы сбывать туда свою продукцию. Там же она скупала в огромных количествах сельскохозяйственные продукты и сырье. Так как эти страны не находили рынков сбыта, а д-р Шахт не колебался платить цены, которые были выше мировых, они продавали Германии все, в чем та нуждалась. Так эти страны попадали в западню, расставленную германскими монополиями, потому что Германия соглашалась расплачиваться только промышленными товарами. Стремясь получить свой долг и не имея возможности оказать на Германию давление, они вынуждены были брать товары, в сбыте которых были заинтересованы германские промышленники. Аграрные и полуграрные страны оказывались в безвыходном положении; в дальнейшем, чтобы спастись от нового снижения цен, они были вынуждены попрежнему продавать свое сырье Германии и, следовательно, покупать и впредь исключительно германские промышленные товары. Так они все больше становились экономически зависимыми от германского финансового ка-

питала, который навязывал им свои цены и нещадно эксплуатировал их народы. Немецкие капиталисты вытесняли капиталистов Англии и США. Двусторонняя торговля и соглашения о товарообмене, которые Германия заключала с аграрными странами, не только вели к вытеснению торговли других стран, но и препятствовали уплате процентов, причитавшихся странам-кредиторам. Не получая от такого обмена никакой валюты, аграрные страны не могли ни покупать промышленные товары вне Германии, ни выплачивать свои долги третьим странам. Все более частое применение этих методов подрывало торговые и финансовые позиции США, оказавшихся в невыгодном положении. Им действительно было трудно бороться с Германией в условиях «двусторонней» системы торговли, так как они вывозили одновременно и промышленные товары, и сырье, и сельскохозяйственные продукты. Они не могли, следовательно, развивать торговлю на этой основе, за исключением, разве, немногих сделок с какими-нибудь тропическими странами. США нуждались в «трехсторонней» или многосторонней системе торговли, которая позволяла бы им продавать свои промышленные товары аграрным странам, а свои сельскохозяйственные товары — промышленным странам. Германская двусторонняя система торговли мешала им и в том и в другом.

Так, за период с 1932 по 1938 г. доля США в китайском импорте упала с 25,3 до 16,9%, тогда как доля Японии увеличилась с 14,2 до 23,7%, а доля Германии — с 6,8 до 12,6%.

Еще больше тревожило американцев систематическое проникновение Германии, а также и Японии в Латинскую Америку. Во-первых, это проникновение достигало значительных размеров: в крупнейшей из этих стран, Бразилии, Германия с 1936 г. заняла место США как главного поставщика промышленных товаров; почти во всех остальных странах наблюдалось сокращение импорта из Америки и рост импорта из Германии и Японии (табл. 15).

Германское наступление на Латинскую Америку не носило случайного характера: германский финансовый капитал рассматривал ее как экономическое дополнение к Германии, подобно аграрным странам Восточной и Юго-Восточной Европы.

ИМПОРТ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН ИЗ ГЕРМАНИИ,
ЯПОНИИ И США; ИЗМЕНЕНИЕ (+ ИЛИ —) в 1938 г.
В СРАВНЕНИИ С 1929 г.
(в %)

	Германия	Япония	США
Боливия	+ 4,3	+ 6,5	— 8,2
Бразилия	+12,3	+ 1,1	— 5,9
Аргентина	— 1,4	+ 2,6	— 8,8
Чили	+10,3	+ 1,7	— 4,5
Колумбия	+ 2,9	— 0,8	+ 5,3
Парагвай	+ 2,0	+12,6	— 9,3
Перу	+10,3	—	— 7,5
Сальвадор	+12,5	— 1,1	— 5,0
Уругвай	+ 7,1	+ 3,6	—18,1
Венецуэла	+ 2,2	+ 1,8	+ 3,7
Гаити	+ 2,0	+ 5,2	—17,5
Гвандурас	+ 6,7	+ 8,8	—15,8
Мексика	+10,8	+ 1,4	—11,4
Никарагуа	+ 0,8	+ 0,2	— 2,9
Панама	+ 0,9	+ 8,6	—10,9
Коста-Рика	+ 2,3	+ 5,7	+ 1,1
Доминиканская респуб- лика	+ 2,4	+10,2	— 5,8
Эквадор	+11,6	+ 7,2	— 6,2
Гватемала	+20,9	— 0,8	—12,3

«Государства Центральной и Южной Америки играют в наших отношениях с заокеанскими странами ту же роль, какую играют государства Юго-Восточной Европы в наших торговых отношениях с европейскими странами», — заявил глава германского статистического управления д-р Гревель.

Эта борьба за рынки могла разрешиться лишь с помощью оружия. Только политическое господство могло закрепить экономический захват Восточной Европы на-

цистской Германией и Китая Японией. Кризис 1929 г. положил начало борьбе за новый территориальный передел мира. Показателен в этом отношении пример Японии. В 1931 г. японская армия захватила Маньчжурию, в 1932 г. — Жэхэ и, присоединив эту провинцию к Маньчжурии, создала Маньчжоу-го. Затем Япония установила контроль над восточной Монголией; в 1935 г. она отняла у Китая провинции Хэбей и Чахар; наконец, в 1937 г. она начала войну, в результате которой рассчитывала овладеть всем Китаем; в 1937 г. она захватила Пекин, Шанхай и Нанкин, в 1938 г. — Кантон и Ханькоу. Системе «открытых дверей» в Китае пришел конец. Началось осуществление пресловутого плана Танака, который должен был обеспечить господство Японии на всем Дальнем Востоке, включая Индию; эпоха чисто экономической конкуренции окончилась.

В то же время происходили глубокие изменения — как количественные, так и качественные — в соотношении сил между социалистическим сектором мира и сектором империалистическим. В основе этих изменений лежало успешное выполнение трех первых советских пятилетних планов (1928—1932, 1933—1937, 1938—1941 гг.), превративших Советский Союз из страны аграрной в индустриальную, из страны отсталой в передовую. Успехи, одержанные советской промышленностью в то самое время, когда в капиталистических странах свирепствовал экономический кризис, нанесли тяжелый удар самой системе капиталистической эксплуатации: они доказали возможность существования строя, в котором уничтожена эксплуатация человека человеком, нет ни безработицы, ни кризисов. Эти успехи доказали, что при социалистическом строе промышленное производство растет гораздо быстрее, чем в капиталистических странах, что оно растет непрерывно, тогда как при капитализме рост производства прерывается кризисами.

Уже в период до 1929 г., то есть еще до коллективизации сельского хозяйства, рост промышленной продукции в СССР происходил намного быстрее, чем в США, несмотря на расширение американской промышленности во время войны и рационализации. В дальнейшем, в результате кризиса, контраст между развитием производства в СССР и США стал еще резче.

**ОБЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПРОДУКЦИИ СССР И США
(в % к довоенному уровню)¹**

Год	СССР	США
1913	100	100
1929	194,3	170,2
1930	252,1	137,3
1931	314,7	115,9
1932	359,0	91,4
1933	391,9	110,2

После 1933 г. этот разрыв не только не уменьшился, а, наоборот, увеличился. Если в США производство после некоторого подъема снова снизилось, то в СССР оно росло непрерывно.

**РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СССР И США²**

Год	СССР	США
1913	100	100
1934	457,0	112,9
1935	562,6	128,6
1936	732,7	149,8
1937	816,4	156,9
1938	908,8	120,0

Доля СССР в мировом производстве возростала чрезвычайно быстрыми темпами, а доля США сокращалась сильнее, чем доля других капиталистических стран; об этом свидетельствуют данные о распределении продукции обрабатывающей промышленности (табл. 16).

Опыт показал, что экономическое развитие Советского Союза остановить невозможно; если оно не будет прервано войной, то СССР сможет быстро преодолеть свое отставание от США и превратиться в самую индустриальную

¹ См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 427.

² См. там же, стр. 577.

Т а б л и ц а 16

ДОЛЯ США, ГЕРМАНИИ, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И СССР
В МИРОВОЙ ПРОДУКЦИИ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ¹

(в %)

Годы	США	Германия	Англия	Франция	СССР
1926—1929	42,2	11,6	9,4	6,6	4,3
1936—1938	32,2	10,7	9,2	4,5	18,5

державу мира. Такая перспектива ставила под угрозу не только развитие, но и самое существование американского империализма.

Итак, в интересах борьбы против социалистического сектора и борьбы за рынки сбыта требовалась новая мировая война. Чтобы обеспечить возможность внешней и внутренней экспансии американского империализма, нужно было разгромить Советский Союз, нанести военное поражение агрессивному империализму Германии и Японии и одновременно ослабить колониальные державы (Англию, Францию). Однако всего этого можно было достигнуть только в результате всемирного военного пожара.

Так экономический кризис обострял междоусобную борьбу буржуазии различных стран за раздел прибавочной стоимости, борьбу между капиталом и трудом, борьбу между империалистическими государствами и колониальными народами и, наконец, борьбу между социалистическим сектором и сектором капиталистическим — важнейшую борьбу современности — и тем самым безудержно толкал все капиталистические страны ко второй мировой войне.

Агрессивный «изоляционизм»

Общая политическая линия американских капиталистов состояла в том, что они пытались использовать, как

¹ SDN, Industrialisation et commerce extérieur, 1945, p. 14—15. «Самым замечательным изменением за период с 1926—1929 гг. по 1936—1938 гг. был рост доли Советского Союза, увеличившейся с 4,3 до 18,5% в основном за счет США».

и в 1914 г., выгодное положение США. Разумеется, в годы кризиса и депрессии внимание правительства США было сосредоточено на внутренних трудностях, а вопросы внешней политики отошли на задний план. В этот период изоляционизм США носил вынужденный характер; на правительство давили неотложные внутренние проблемы. В дальнейшем, начиная с 1936 г., изоляционистская политика стала проводиться сознательно. Она преследовала цель — ввергнуть мир в войну, с тем чтобы плоды ее пожинал только американский капитал. Изоляционизм периода 1936—1940 гг. выражал уже не политику мира, как изоляционизм первой половины XIX в., а политику агрессивного империализма. Это был, как мы увидим дальше, изоляционизм, ведущий к войне и проводившийся в двух направлениях — экономическом и политическом.

Экономическая борьба. В предвидении новой мировой войны борьба за рынки приняла новые формы. Американские капиталисты не только прекратили экспорт капитала, но и вернули в США часть ранее экспортированного капитала. Общая сумма долгосрочных частных капиталовложений, которая снизилась во время кризиса с 1526 млн. в 1930 г. до 13,8 тыс. долл. в 1933 г., увеличилась всего до 10,8 млн. долл. в 1939 г. В то же время приток европейских капиталов в США принял такие размеры, что за период с 1933 по 1939 г. ввоз капитала в США превысил вывоз на 6 млрд. долл.

В связи с тем, что баланс внешней торговли США продолжал оставаться активным, они все больше перекачивали к себе золотые запасы других стран. Золото текло непрерывным потоком со всех концов земного шара в бронированные подвалы форта Нокс. С 1934 (после девальвации) до 1941 г. золотой запас США возрос с 8200 млн. до 22 700 млн. долл.¹ В 1929 г. на долю США приходилось 39,5% мирового запаса золота (без СССР), в 1939 г.— 63, а в 1941 г.— 76%.

Американские капиталисты перекладывали на государство все заботы и риск, связанные с финансированием

¹ Унция чистого золота стоила 35 долл. Historical statistics of the U. S., 1789—1945, p. 276.

экспорта. Созданный в 1934 г. Экспортно-Импортный банк снабжал покупателей американских товаров долларами. Его фонды, предназначенные для кредитования, были увеличены в начале 1939 г. до 100 млн. долл., позднее, в том же году, — до 500 млн. и в 1940 г. — до 700 млн. долл.

Американское правительство предоставляло кредиты полуколонизальным странам, для того чтобы устранить в них экономическое засилие Японии и Германии. Этим объясняется предоставление кредитов Чан Кай-ши (на 25 млн. и 12,8 млн. долл. зимой 1938/39 г.), Бразилии (три соглашения на общую сумму 120 млн. долл. — 9 марта 1939 г.), Парагваю, Аргентине, Никарагуа, Португалии, Испании и Польше (6 млн. долл. в мае 1939 г.). В некоторых странах, как, например, в Бразилии, американцам удалось нанести удар торговле с Германией, основанной на безналичных расчетах¹.

В то же время США пытались развивать свою торговлю, заключая торговые соглашения на «либеральной» основе. С 1934 по 1939 г. министр Кордэл Хэлл подписал два десятка договоров, в том числе очень важный договор 1938 г. с Англией. Весной 1939 г. около 60% общего оборота внешней торговли США приходилось на страны, подписавшие подобные договоры, причем за период с 1934—1935 гг. по 1936—1937 гг. экспорт из США в эти страны увеличился на 41%.

Наконец, США попытались «привязать» валютную политику европейских стран к своей валютной политике. В 1936 г. они подписали валютное соглашение с Англией и Францией, к которому в дальнейшем присоединились Бельгия и Швейцария. Впоследствии это соглашение оказало влияние и на внутреннюю политику французского правительства. Подписал его правый социалист Венсан Ориоль, а Леон Блюм (в бытность свою председателем совета министров) использовал его как аргумент против введения контроля над валютой. «Это противоречило бы трехстороннему соглашению», — сказал он. Между тем,

¹ Вскоре после соглашения 9 марта 1939 г. Бразилия сократила свою торговлю с Германией и отменила контроль над валютой. 22 марта был прекращен экспорт хлопка, за который немцы платили компенсационными марками; 29 мая Бразильский банк отказался принимать эти марки в уплату за какао.

учитывая утечку золота, от которой страдала Франция¹, контроль над валютой был необходимым условием сохранения национальной независимости Франции.

Политика «невмешательства». Ведя в экономике ожесточенную борьбу против своих конкурентов, американский империализм проявлял в политике такое пассивное и терпимое отношение к самым агрессивным империалистическим странам, которое можно понять, только учитывая классовые причины такой позиции. Фактически основной целью американских монополий было отвлечь Германию и Японию от борьбы за американские и азиатские рынки и толкнуть их на завоевание советских территорий. Все действия американского империализма были проникнуты стремлением сделать войну против Советского Союза неизбежной и взвалить бремя этой войны на другие империалистические страны.

Эта политика носила особенно наглядный характер на Дальнем Востоке, где японская агрессия прямо была по империалистическим интересам Америки. Вследствие этого, а также потому, что американская промышленность рассчитывала найти в СССР рынки, которые она теряла в капиталистическом секторе, Рузвельт в 1933 г. признал Советский Союз. Однако государственный департамент не хотел брать на себя инициативу объединения СССР, Китая, Англии и Франции против японской агрессии с целью обеспечения на Дальнем Востоке коллективной безопасности, поскольку такой союз фактически воспрепятствовал бы войне. Поэтому при каждом агрессивном акте со стороны Японии государственный департамент ограничивался нотами протеста и выступлениями, не имевшими никакого практического значения². Он не реагировал даже тогда, когда японские войска, захватив Шанхай и Нанкин, атаковали и потопили американскую канонерку на реке Янцзы.

¹ Золотой запас французского банка снизился с 6 тыс. т в 1931 г. до 2407 т в 1938 г.

² В январе 1932 г. после аннексии Маньчжурии государственный секретарь Стимсон лишь уведомил Японию, что он не будет признавать территориальных изменений в результате этой войны. В январе 1938 г. американцы проводили большие маневры на Филиппинах; в июле 1939 г. они денонсировали договор о дружбе и торговле, заключенный с Японией в 1911 г.

Чем объясняется такая политика невмешательства? Тем, что американцы хотели войны, но добивались, чтобы бремя ее несли СССР, Англия и Китай. Если бы США и сами приняли участие в войне против Японии или если бы они выступили против нее в одиночку, это потребовало бы, прежде всего, значительных расходов. Их победа помешала бы Японии захватить Китай, но эту «выгоду» Соединенным Штатам пришлось бы поделить со своими капиталистическими конкурентами — Англией, Францией и Германией, — которые, таким образом, воспользовались бы благами режима «открытых дверей», не сделав для этого ни малейшего усилия. Таким образом, США таскали бы каштаны из огня для других, а СССР в это время мирно продолжал бы свой путь к коммунизму.

Напротив, предоставляя Японии свободу действий в Маньчжоу-го, а затем и в Китае, американские капиталисты, с одной стороны, наживались бы на продаже оружия японскому правительству через свои филиалы в Японии или на экспорте других товаров, а с другой стороны, могли рассчитывать, что Япония нападет на СССР с целью захвата Восточной Сибири; об этом свидетельствует беседа тогдашнего посла США в Москве Буллита с послом в Берлине Уильямом Доддом¹. Если чаяния американских капиталистов не сбылись, то это произошло отнюдь не по вине японских милитаристов, которые уже начали нападать с оружием в руках на СССР, а потому, что в результате сурового урока, полученного от Красной Армии на озере Хасан, они очень скоро убедились, что имеют дело со слишком сильным противником и предпочли повернуть оружие против Китая. Но и тут государственный департамент ограничился финансовой поддержкой Чан Кай-ши и выдвинул на авансцену Англию, которая, по настоянию США, выступила с демаршами перед японским правительством. Однако и Англия ограничивалась дипломатическими протестами, так как она не хотела служить

¹ «Будучи проездом в Берлине весной или летом 1935 г., он (Буллит) сообщил мне, что Япония безусловно в течение ближайшего полугодия нападет на восточную Россию и что, по его мнению, весь Дальневосточный край России отойдет к Японии». *М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России*, Госиноиздат, М., 1947, стр. 427.

брудием США и тоже предпочитала «оказывать поддержку».

В отношении Европы США вели в общем такую же политику. Американские монополии были рады приходу к власти Гитлера, который обеспечивал целостность их капиталовложений в Германии. Филиалы американских компаний «Форд», «Дженерал моторс» и др. напряженно работали, осуществляя программу вооружения «третьей империи». Таким образом, благодаря «рационализации» германской промышленности, проведенной на американские деньги в течение 1924—1929 гг., а также благодаря техническому сотрудничеству американских и германских монополий после 1933 г. Гитлеру удалось создать за несколько лет гигантскую военную машину. Нацистская Германия не могла бы развязать агрессию, не располагая собственными запасами горючего. Необходимо было наладить производство синтетической нефти. В 1935 г. компания «Этил газолин корпорейшн», контролируемая совместно «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Дженерал моторс» и обладавшая в США монополией на производство тетраэтилсвинца, уступила свой патент «И. Г. Фарбениндустри». Как видно из одного отчета, захваченного после войны, химики фирмы «И. Г. Фарбениндустри» заявляли, что без тетраэтилсвинца «современные методы ведения войны были бы невозможны» и что «И. Г. Фарбениндустри» «удалось избежать трудностей, связанных с производством этого вещества, так как мы имели возможность использовать опыт, накопленный американцами на протяжении многих лет».

В феврале 1938 г., когда Гитлер официально объявил о своих намерениях в отношении Австрии и Чехословакии, «Стандард ойл» вручила «И. Г. Фарбениндустри» всю техническую информацию о производстве бутилового каучука¹. Через месяц (12 марта), после оккупации Австрии, американская ассоциация по экспорту стали, объединяющая «Юнайтед Стейтс стил» (группа Моргана), «Бетлехем стил» (группа Кун-Леб) и компании кливлендской группы («Рипаблик стил корпорейшн» и «Виллинг стил корпорейшн»), завершила переговоры с европейским стальным картелем, руководимым Германией.

¹ См. «Новое время», № 32, 3 августа 1949 г., стр. 10.

«Картельный договор предусматривал «бонусы» за неиспользование квот экспорта стали, а Германия резко сокращала, а затем и прекратила вывоз стали. Таким образом, американские концерны в 1938 и 1939 годах выплачивали ей солидные премии за ускорившийся темп вооружений»¹.

На другой же день после Мюнхена «Стандард ойл» и «Роял Датч-Шелл» закончили переговоры с «И. Г. Фарбениндустри» о создании нового картеля — «Каталитик рифайнинг ассошиэйшн». Эту прогитлеровскую и антисоветскую политику открыто поддерживали представители американского финансового капитала: зять Рокфеллера и президент «Чэйз нейшнл бэнк» (банк, входящий в группу Рокфеллера) Уинтроп Олдрич; Состенес Бен (группа Моргана); управляющий «Дженерал моторс» Альфред Слоан; Джеймс Муни, Уильям Нудсен (директор «Дженерал моторс»); Виктор Эмманюэл из кливлендской группы, связанный с германо-англо-американским банком Шредера и являющийся в данное время директором двух американских филиалов «И. Г. Фарбениндустри» («Дженерал анилайн энд фильм корпорейшн» и «Дженерал дайс корпорейшн»); представитель нефтяной промышленности, личный друг Геринга, Уильям Родс Дэвис; президент крупной компании «Сирс Робак» генерал Роберт Вуд; директор железной дороги «Иллинойс сентрал», друг Гитлера Генри Форд, оказывавший покровительство главе германо-американского союза — чисто гитлеровской массовой организации — Куну. Впоследствии Форд пригласил к себе в качестве технического советника гитлеровского агента летчика Чарльза Линдберга. Самыми активными представителями этой клики были: бывший президент США Герберт Гувер и его друг У. Касл; сенатор Артур Ванденберг, представлявший группу Дюпон де Немур; Дж. П. Кеннеди, представитель банковских кругов и посол США в Лондоне; У. Буллит, посол США в Москве, а затем в Париже; братья Джон и Аллен Даллесы, принадлежащие к группе Рокфеллера, а также связанные с банком Шредера (во время войны Аллен Даллес стал одним из руководителей американского шпионажа); газетный магнат Рандольф Херст; сенаторы Уилер, Холт,

¹ «Новое время», № 32, 3 августа 1949 г., стр. 10.

Нил и Рейнолд; члены палаты представителей Гамильтон Фиш и Дэй. 23 ноября 1937 г., вскоре после совещания 5 ноября, на котором Гитлер ознакомил своих военачальников с планами агрессии против Австрии и Чехословакии (подлинный протокол этого совещания был представлен Нюрнбергскому трибуналу), в Сан-Франциско состоялось тайное совещание двух эмиссаров Гитлера — немецкого генерального консула в Бостоне фон Типельскирха и генерального консула в Сан-Франциско фон Киллингера — с семью представителями крупнейших предпринимателей США, среди которых были Артур Ванденберг и Альфред Слоан. На этом совещании, сообщение о котором опубликовано в отчетах американского конгресса от 20 августа 1942 г., представители германских и американских трестов обсуждали вопрос о своей совместной деятельности, направленной против СССР.

26 октября 1938 г. Герберт Гувер заявил на страницах «Нью-Йорк гералд трибюн»:

«Я убежден, что ни Германия, ни другие фашистские страны не хотят воевать против западных демократий, при условии, что последние не будут препятствовать продвижению фашизма на Восток».

На другой день после Мюнхена директор «Дженерал моторс» Нудсен послал Гитлеру поздравительную телеграмму. После разгрома Франции, в момент, когда Гитлер готовился напасть на СССР, в США был создан комитет («Америка прежде всего»), куда вошли те же лица — промышленник Форд, богач Маккормик и другие. Комитет этот был создан с целью поддержать германскую интервенцию в СССР. После нападения Германии на СССР орган комитета «Гералд» напечатал крупным шрифтом:

«Массы населения Европы будут бороться против русских коммунистов. Семнадцать наций объединились вокруг германской империи в священном крестовом походе против СССР»¹.

Под давлением монополий американский конгресс в августе 1935 г. принял закон о нейтралитете, запрещающий продажу оружия и боеприпасов воюющим странам, а в 1936 г. принял поправку, запрещающую предоставлять

¹ Подробности см. М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, Госиноиздат, 1947, стр. 416 и далее.

этим странам и займы. В 1937 г. конгресс наложил эмбарго на вывоз оружия для испанского республиканского правительства, таким образом открыто проявив благожелательное отношение к Франко и германо-итальянской интервенции. Правда, 5 октября 1937 г. Рузвельт произнес в Чикаго речь, направленную против стран фашистской диктатуры, а в январе 1938 г. он призвал к сопротивлению агрессии; правда, 5 мая 1938 г. американский военный министр Вудринг предупреждал Германию, Италию и Японию, что если они зайдут слишком далеко, вспыхнет война; в январе, марте и апреле 1939 г. президент США опубликовал послания против агрессоров; но государственный департамент не сделал ни одной попытки создать единый антигитлеровский фронт, который мог бы предотвратить мюнхенскую сделку. Больше того, в 1938 г., который имел решающее значение для дела мира, государственный департамент отозвал из Берлина посла Додда, который стоял за сопротивление Гитлеру, а из Москвы — посла Дэвиса, который понимал миролюбивую политику СССР. Зато поборники агрессии против СССР Кеннеди и Буллит в дальнейшем сыграли значительную роль в мюнхенской сделке.

25 сентября Бенеш обратился к Рузвельту с просьбой заявить, что США не допустят аннексии Чехословакии, но Рузвельт ограничился тем, что призвал Чемберлена, Даладье и Гитлера «продолжать переговоры». Таким образом, он прямо поддержал политику капитуляции; 3 октября Самнер Уэллес, выполнявший тогда обязанности государственного секретаря, выступил по радио с речью, одобрявшей мюнхенский сговор.

Так американский капитализм фактически расчищал путь для гитлеровской агрессии и в то же время убеждал Англию и Францию не давать Германии извлечь выгоды из своей грядущей победы над СССР. Положение осложнялось тем, что, хотя все империалистические страны преследовали общую цель — уничтожить Советский Союз, — они не могли договориться о разделе добычи: Гитлер хотел напасть на СССР, но только при условии, что ему будет предоставлена свобода рук; другими словами, он хотел гарантий, что Англия и Франция не атакуют его с тыла, после того как он нанесет решительный удар СССР и сам уже будет достаточно ослаблен. А именно этого и хотели

английские и французские империалисты: они толкали Гитлера против СССР, но не собирались позволить ему воспользоваться плодами своей победы.

Такова причина событий 1938—1941 гг. Англия, Франция и США позволили Гитлеру перевооружиться, занять своими вооруженными силами левый берег Рейна, вторгнуться в Австрию и Чехословакию; даже формально объявив Гитлеру войну, они не воспрепятствовали захвату им Польши. Но они не дали ему определенных гарантий своего нейтралитета на случай, когда он предпримет то, чего от него ждут, то есть когда он выступит против СССР. Планы империалистов цинично раскрыл сенатор Гарри Трумэн, будущий президент США: 24 июня 1941 г. он писал в газете «Нью-Йорк таймс»:

«Если мы увидим, что верх берет Германия, мы должны будем помогать России, а если шансы будут на стороне России, мы должны будем помогать Германии, с тем чтобы число убитых было максимальным».

Деятели Уолл-стрита руководились стремлением дать воюющим странам истощить друг друга и, вмешавшись в последний момент со свежими силами, продиктовать им условия «американского» мира. Вот почему они не вступали в войну до тех пор, пока японцы не напали на Пирл Харбор, а в дальнейшем затягивали как могли открытие второго фронта в Европе.

ПОЛИТИКА МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

Глава I

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ США**

Вторая мировая война разворачивалась в самых благоприятных для империалистов США условиях: фашистские империалисты напали на СССР; как того и хотели американцы, Англия, Франция, Япония, Италия были охвачены пожаром; сами США долго оставались в стороне от схватки; благоприятное стратегическое положение позволило США добиться некоторых выгод, на которые они рассчитывали; на СССР пришлось наибольшая доля бремени войны и военных разрушений, бурный подъем социалистического хозяйства приостановился; самые опасные для США капиталистические конкуренты были побеждены, а другие очень ослаблены; американская промышленность не знала угрозы разрушений и могла благодаря огромным военным заказам развивать свое производство темпами, неслыханными в мирное время. Но самое главное заключалось в том, что, несмотря на все это, американские империалисты не сумели управлять ходом событий и вторая мировая война закончилась для них серьезнейшим поражением.

Американский империализм вновь наживается на войне

Военные разрушения в Европе исчисляются в 260 млрд. долл. (в ценах 1938 г.). Больше всех пострадал Советский Союз, где материальный ущерб составил 128 млрд. долл., то есть 49,3% общей суммы. Затем идут Германия

(48 млрд.), Франция (21,5 млрд.), Польша (20 млрд.), Англия (6,8 млрд.). Материальный урон СССР и семи восточноевропейских стран составил 168,6 млрд. долл., Западной Европы (включая Германию) — 90 млрд. долл. Если исчислить размер материальных потерь на одного работающего, то и здесь СССР и восточноевропейские страны оказываются на первом месте.

**МАТЕРИАЛЬНЫЕ РАЗРУШЕНИЯ
НА ОДНОГО РАБОТАЮЩЕГО
(в долл.)**

СССР	1 525
7 восточноевропейских стран . . .	1 057
10 западных стран	714

В этих цифрах еще не учтен износ машин, зданий и всего основного капитала, который в Европе невозможно было обновлять, как делалось в США. США несли материальные потери только на море, но эти потери они сумели почти полностью переложить на Англию, которая утратила таким образом свое превосходство на море¹.

Принимая в расчет только известные нам цифры, можно сказать, что война, таким образом, нанесла урон Европе в 260 млрд. долл., а США принесла увеличение основного капитала на 42 млрд. долл. Такова сумма капиталовложений в американскую промышленность за время войны.

В самом деле, война вызвала в США внезапное и небывалое по размерам расширение промышленного производства. С 1939 по 1943 г. объем продукции увеличился на 120%. Таким образом, годовой темп прироста превысил 15%, в то время как за предыдущие 70 лет (включая годы первой мировой войны) он составлял только 4%, а

¹ Потери судов с 1 сентября 1939 г. по 3 сентября 1945 г. (суда водоизмещением не менее 1600 брутто-тонн):

	Число судов	Брутто-тоннаж	Тонн-дедвейта
США	736	4 734 768	7 062 000
Британская империя . .	1 910	11 193 964	16 071 100
В том числе Англия .	1 753	10 484 595	15 128 600

Источник: American Bureau of Shipping, Marine News, August, 1946.

во время войны 1914—1918 гг.—7%¹. Это объясняется главным образом тем, что, как мы уже видели, значительная часть производственного аппарата ранее не использовалась, что в 1939 г. из каждых шести американских рабочих один не имел работы и что многие рабочие были заняты в среднем всего 37,7 часа в неделю². Рост продукции объясняется также, хотя и в меньшей степени, ростом производственных мощностей, производительности оборудования и труда. За семь лет, с 1939 по 1945 г., в оборудование и здания было вложено 42,35 млрд. долл. против 39,18 млрд. долл. за 9 предыдущих лет.

В 1945 г. управление военного производства США подсчитало, что производственная мощность всей американской промышленности увеличилась с 1939 г. не менее чем на 40%. (Этот рост распределялся чрезвычайно неравномерно: менее 20% в сталелитейной промышленности и свыше 200% в промышленности цветных металлов.)

То же самое можно сказать и о сельском хозяйстве. В период с 1942 по 1944 г. его продукция была в среднем на 27% выше, чем в 1935—1939 гг. Такой прирост не имел ничего общего с крайне медленными темпами развития сельского хозяйства в мирное время³. За то же время производительность труда сельскохозяйственных рабочих повысилась на 28%⁴. В 1944 г. сельскохозяйственное производство потребовало на 3 млрд. рабочих часов меньше, чем нужно было бы в 1939 г.; из расчета 2 тыс. рабочих часов на человека в год это дало экономию в 1,5 млн. рабочих.

Таким образом, в результате войны американское производство впервые после 1929 г. стало расти в абсолютных цифрах.

Расширение производства наряду с разрушениями в европейских странах повело к дальнейшему росту промышленной, торговой, финансовой и военной мощи США по сравнению с другими капиталистическими странами и за их счет; этот процесс имел такое большое значение, что в соотношении сил внутри империалистического лагеря произошел серьезный сдвиг.

¹ War Production Board, American Industry in War, part II.

² Данные министерства труда США.

³ Department of Agriculture, Changes in farming, p. 2

⁴ Там же.

Промышленное превосходство США над европейскими конкурентами снова усилилось; кроме того, в результате войны США стали первой морской державой вместо Англии, которую они значительно опередили. Война позволила США увеличить тоннаж своего торгового флота с 12,1 млн. т в 1939 г. до 56,8 млн. т в 1945 г.¹ Между тем тоннаж флота стран Британской империи (кроме Канады) уменьшился за то же время с 23,3 млн. до 16 млн. т².

В абсолютных цифрах американский экспорт увеличился почти в пять раз в сравнении с довоенным; вместе с тем США значительно улучшили свои позиции по сравнению с конкурентами. Они воспользовались началом войны в Европе, чтобы заменить английские и германские товары американскими, в особенности в Латинской Америке. С 1938 по 1939 г. доля США в импорте двадцати американских республик возросла с 35,8 до 40,3%, доля Англии снизилась с 12,2 до 10,5%, а доля Германии — с 17,1 до 12,9%. За период 1941—1944 гг. торговый оборот США с двадцатью странами Южной Америки увеличился с 910 млн. до 2649 млн. долл., а с 1938 по 1944 г. экспорт США вырос больше чем вдвое (с 480,6 млн. до 1055 млн. долл.). В 1945 г. на долю США пришлось 13,8% в импорте Аргентины, а на долю Англии, занимавшей ранее в аргентинской торговле первое место, только 10,1%³.

Финансовое могущество

Если первая мировая война превратила США из страны-должника в кредитора и в самую могучую финансовую державу на земном шаре, то вторая мировая война завершила дело первой, сделав США уже *единственной* страной-кредитором в капиталистическом мире*. В ре-

¹ Цифры Морской комиссии США.

² Канада — единственная страна, которой удалось, подобно США, увеличить свой флот во время войны (в 1945 г. она располагала тоннажем в 3 млн. т).

³ The Conference Board Business Fact Book, p. 313.

* США, несомненно, являются главным кредитором капиталистического мира, но не единственным. Несмотря на то, что в результате второй мировой войны позиции Англии, как экспортера капитала, были сильно подорваны, она все же сохранила к концу войны заграничные капиталовложения на сумму 13—14 млрд. долл. (по

зультате помощи по ленд-лизу к 31 декабря 1945 г. «союзники» задолжали США 41 751 млн. долл. В то же время последние две великие державы, еще бывшие кредиторами — Англия и Франция, — превращались в должников. Дело в том, что во время войны Англия ликвидировала часть своих капиталовложений за границей (1118 млн. ф. ст.), заключила займов на 2879 млн. ф. ст., а ее золотые и долларовые резервы уменьшились на 152 млн. ф. ст. Опубликованная во время Вашингтонской конференции 1945 г. «Белая книга» исчисляет английские потери капитала за границей в 4198 млн. ф. ст., не считая поставок США по ленд-лизу. Если же учесть и эти поставки, то задолженность Британской империи достигнет 24 млрд. долл., то есть около 6 млрд. ф. ст.¹

Между тем английские капиталовложения за границей оценивались в 1939 г. в 4—5 млрд. ф. ст.² Таким образом, Великобритания перестала быть страной-кредитором.

То же самое относится и к Франции, авуары которой в золоте и иностранной валюте сократились с 3185,1 млн. долл. на 1 августа 1939 г. до 1817,4 млн. на 31 декабря 1945 г., причем ее внешняя задолженность увеличилась

курсу 1944 г.) и осуществляла значительный экспорт капитала в послевоенные годы. Вопрос о положении той или иной империалистической державы на международном рынке капиталов нельзя решать путем механического сопоставления суммы заграничных капиталовложений с суммой внешней задолженности, не рассматривая их характера. В частности, нельзя не учитывать особого характера задолженности Англии, как и других стран, по ленд-лизу.

Такое механическое сопоставление внешней задолженности с иностранными капиталовложениями приводит к тому, что автор сбрасывает со счета другие империалистические державы, вывозящие капитал, и в первую очередь Англию. Соперничество США и Англии на мировом рынке капиталов и товаров является одним из проявлений англо-американских экономических противоречий. (Прим. ред.)

¹ Полученная помощь (по ленд-лизу) — 30 753 304 тыс. долл.

Предоставленная помощь (по обратному ленд-лизу) — 6 306 109 тыс. долл.

Итого долг: 24 447 155 тыс. долл.

(Цифры из Twenty-Second Report to Congress on Lend lease operation for the period ended, December 31, 1945.)

² SDN, Le Réseau du commerce mondial, 1942.

с 261,3 млн. долл. до 1282,7 млн. долл.¹, а задолженность по ленд-лизу достигла 1600 млн. долл.²

Как в политическом, так и в военном плане война резко изменила соотношение сил в лагере империализма к выгоде только одной страны — Соединенных Штатов. В 1939 г. существовали шесть «великих» капиталистических держав: Англия, Германия, Япония, США, Франция и Италия, причем США не обладали значительной военной мощью. Армия США по численности занимала 17-е место в ряду капиталистических армий; их военный флот (1 млн. т) уступал английскому (1,2 млн. т). В результате военного поражения из числа великих держав выбыли Германия, Италия и Япония; Францию война настолько ослабила, что она не может больше выступать в первых рядах. По окончании войны из шести великих империалистических держав осталось всего две, тогда как по окончании первой мировой войны их оставалось пять (Англия, Франция, Италия, США, Япония) из восьми (те же плюс Германия, Австрия и Россия).

Но теперь американская армия передвинулась с 17-го на первое место среди армий капиталистических стран, а американский военно-морской флот (3,5 млн. т) значительно обогнал английский (1,5 млн. т). Вооруженные силы Англии — единственной после США капиталистической страны, которая еще представляет некоторую военную силу, — уступают силам США как на суше, так и на море, и в воздухе.

Итак, вторая мировая война знаменует новый и решающий этап американской экспансии. В тех областях, в которых США еще не обладали первенством (торговый флот, военное могущество), они уже в значительной степени наверстали упущенное, а во всех других областях их превосходство в империалистическом лагере стало еще больше.

¹ Bilan de la situation des finances publiques de la France, (Paris, 1946).

² Товары, полученные Францией, и оказанные ей услуги — 2377 млн. долл. Товары, доставленные Францией, и услуги, оказанные ею, — 760 млн. долл. (Цифры из Twenty-Second Report to Congress on Lend lease operations for the period ended, December 31, 1945.)

Рост мощи американских монополий

Рост мощи американского империализма в капиталистическом мире происходил на базе значительного усиления господства монополистического капитала в американском хозяйстве.

Руководители крупнейших капиталистических компаний сами взяли в свои руки управление правительственными органами, которые должны определять программу вооружений. Во главе Управления военного производства стояли директор компании универсальных магазинов Дональд Нельсон и директор «Дженерал моторс» Чарльз Вильсон. Банкир Снайдер руководил работой промышленности для нужд национальной обороны, а один из главных акционеров крупного банка «Кун-Леб энд К^о», Льюис Г. Штраус, был начальником морского интендантства. Своя рука — владыка, и поэтому крупные компании получили львиную долю военных заказов. Хозяйничая в государственном аппарате, они захватили заказы и обеспечили себе громадные прибыли; они заставили государство финансировать строительство предприятий, необходимых для ведения войны, укрепили свое экономическое господство за счет мелких предприятий, накопили резервы и усилили свою экономическую власть над капиталистическим миром.

Во время войны чистые прибыли американских предприятий были, по официальным данным, впятеро выше, чем в 1938 г.; в течение пяти лет подряд (1941—1945 гг.) они превышали цифры 1929 г. За семь лет мировой войны (1939—1945 гг.) общая сумма прибылей достигала 60 млрд. долл., тогда как за 8 довоенных лет (1931—1938 гг.) она составляла всего 9,5 млрд. долл. Впервые после 1929 г. американские компании начиная с 1939 г. стали выплачивать дивиденды и одновременно накапливать резервы, тогда как в предыдущие 10 лет им приходилось для выплаты дивидендов пользоваться резервами.

Эти прибыли доставались в основном монополистическому капиталу. С июня 1940 г. по сентябрь 1944 г. общая сумма военных поставок достигла 175 млрд. долл., которые достались 18 539 компаниям¹, но из этой суммы

¹ Все цифры, относящиеся к концентрации капитала во время войны, заимствованы из книги *Блэра, Хаугтона и Роуз, Экономическая концентрация и вторая мировая война*, Госинноиздат, 1948.

100 фирм получили заказов на 117 млрд. долл., то есть 67%, а из этой сотни 33 фирмам достался 51% общей суммы. Впереди всех шла компания «Дженерал моторс», на долю которой пришлось 8% общей суммы всех военных заказов. Десять крупнейших компаний получили 30% всех военных заказов, следующая десятка — 12%, третья десятка — 7%, а остаток разделили между собой прочие компании. Упомянутые выше 100 фирм получили в сентябре 1944 г. 75% всех заказов.

В то же время крупные компании монополизировали распределение сырья, научные исследования и работу в области атомной энергии; только их предприятия расширились в годы войны.

В третьем квартале 1942 г. 100 крупнейших компаний потребляли: 45% всей стали, 70% стальных сплавов, 81% алюминия, 79% меди, 60% медных сплавов.

Если производственная мощность сталелитейной промышленности увеличилась в 1945 г. с 81,6 до 95,5 млн. т, то 66% этого прироста пришлось на долю трех крупнейших компаний: «Юнайтед Стейтс стил», «Бетлехем стил» и «Рипаблик стил».

Производственная мощность нефтеперегонных заводов повысилась на 20%, причем 80% этого прироста пришлось на долю 18 крупнейших фирм, которые сосредоточили у себя также 90% прироста мощности крекинг-овых установок.

Широкий размах приняли научные исследования. Затраты на них выросли с 300—400 тыс. долл. в год в довоенное время до 800 млн. долл. (не считая затрат на производство атомных бомб), причем $\frac{3}{4}$ этих расходов покрывало государство. Между тем до войны научно-лабораторные изыскания были монополией крупных компаний: в 1938 г. все частные лаборатории принадлежали 1582 компаниям, а 150 тыс. компаний обходились без лабораторий, причем $\frac{2}{3}$ всех научных работников, занятых в лабораториях указанных 1582 компаний, состояло на службе у 140 фирм (менее 10%), а $\frac{1}{3}$ — на службе у 13 фирм.

Во время войны 66% всех затрат на научно-исследовательскую работу пришлось на долю всего 68 компаний. Таким образом, почти все изобретения и открытия превратились в монополию ничтожного числа компаний.

Наконец, правительство США израсходовало 2 млрд. долл. на изготовление атомной бомбы (в том числе 1,3 млрд. на оборудование), при этом оборудование заводов в Клинтоне, Хэнфорде и Окридже было поручено крупнейшим компаниям: «Дюпон де Немур», «Вестингауз», «Дженерал электрик», «Аллис Чалмерс», «Юнион карбид энд карбон корпорейшн», «Истмен кодак». Одна из крупнейших компаний химической промышленности — «Монсанто кемикл» — руководит лабораторией в Окридже, а самая мощная химическая корпорация — «Дюпон де Немур» — управляет заводами в Клинтоне и Хэнфорде. Все компании, участвовавшие в постройке атомных заводов и управляющие этими заводами, принадлежат к трем финансовым группам: Дюпона, Моргана и Меллона. Таким образом, эти три группы захватили контроль над основным источником энергии будущего. Соответственно выросла и их экономическая мощь, так как они имеют возможность препятствовать использованию атомной энергии, если она составит конкуренцию существующим источникам энергии, которые уже находятся под контролем тех же групп. В их руках сосредоточены патенты на бесчисленные новые химические и промышленные процессы, которые могут привести к упразднению делых отраслей современной промышленности; они имеют возможность создавать новые виды сырья во всех отраслях промышленности, производить серьезные изменения во всех видах транспорта. Таким образом, финансовая олигархия чрезвычайно усилила свою власть над американской промышленностью, притом не затратив для этого ни цента, поскольку стоимость всех сооружений и все расходы по исследованиям в области атомной энергии pokryли американские налогоплательщики.

В течение всего военного периода крупный капитал стремился максимально ограничивать свои вложения и производить только такие затраты, которые были бы рентабельны и полезны в послевоенные годы. Государство же делало исключительно капиталовложения для нужд военного производства, которые не могли быть использованы для производства гражданской продукции, а также вложения, приносящие в мирное время наименьшую прибыль, то есть в те отрасли, которые уже производили больше, чем нужно, или в которых имелся риск убытков,

как, например, производство алюминия, магния, синтетического каучука.

Из общей суммы капиталовложений в 26 млрд. долл., израсходованных с 1940 г. по июнь 1945 г. на промышленное строительство, примерно 20 млрд. долл. было вложено в новые производственные мощности, пригодные для производства продукции мирного времени. Из этих 20 млрд. долл. 8,5 млрд. вложили частные предприятия, а 11,5 млрд.— государство. Эти капиталовложения не слишком велики, если учесть, что за период с 1930 по 1939 г. на оборудование расходовалась явно недостаточная сумма. Даже в рекордном 1942 г., несмотря на повышение цен, общая сумма расходов на эти цели (6,1 млрд. долл.) не достигала суммы расходов 1929 г. (9,1 млрд. долл.). Если же взять отдельно частные капиталовложения, то они стояли на относительно низком уровне, не достигавшем даже уровня самых плохих лет кризиса 1929—1933 гг. Дело в том, что крупные компании получили большую часть заводов, строительство которых финансировалось государством и которые можно было использовать и в мирное время; таким образом, компании предпочитали накапливать резервы, чтобы расширять свои заводы по окончании военных действий. Стоимость оборудования, приобретенного за счет государства и пригодного для производства продукции мирного времени, составляла 11,5 млрд. долл.; 250 крупнейших предприятий получили этого оборудования на 8,9 млрд. долл. С другой стороны, с 1939 по 1945 г. все компании «отложили» в форме нераспределенных прибылей в общей сложности 29,6 млрд. долл.

Война сопровождалась поглощением мелких предприятий крупными. За годы войны вследствие этого «исчезло» 500 тыс. предприятий (в розничной и оптовой торговле и в строительстве). В 1939 г. на предприятиях с числом занятых менее 500 человек было сосредоточено 52% всей рабочей силы, а в 1944 г.— только 38%. Зато крупные промышленные компании, число которых составляло всего 2% общего числа всех компаний, использовали в 1944 г. 62% всей рабочей силы против 49% перед войной.

Число гигантских предприятий (более 10 тыс. рабочих) возросло с 49 до 344, а численность рабочих — с 1,4 млн. до 5,1 млн., или с 13,1% общего числа всех:

рабочих страны до 30,4%. Характерно, что в период, когда Ленин писал свою работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», в статистических данных вовсе не фигурировали предприятия с числом рабочих больше 10 тыс. В настоящее время 1/3 американских рабочих занята в ничтожном числе предприятий, причем общее число предприятий обрабатывающей промышленности превышает 200 тыс.

Рассматривая вместе торговлю, строительство, предприятия коммунального обслуживания и промышленность, нельзя не отметить поразительный контраст в положении, с одной стороны, предприятий, занимающих меньше 50 рабочих, а с другой — предприятий с числом рабочих не менее 1000.

Процент занятых рабочих

	1939 г.	1943 г.
Фирмы с числом рабочих:		
меньше 50	34	10
1000 и больше	30	44

Процент выплаченной заработной платы

Фирмы с числом рабочих:		
меньше 50	34	25
1000 и больше	36	53

Концентрация производственной мощности сопровождалась небывалой концентрацией финансовой мощи. 250 крупнейших промышленных компаний владеют 46,5% активов всех промышленных компаний. 106 фирм обладают 28,9% активов и находятся в руках всего восьми финансовых групп (Моргана, Кун-Леба, Рокфеллера, Меллона, Дюпона, Чикагской, Бостонской и Кливлендской¹⁾). Эти восемь групп, с группой Моргана во главе, фак-

1	Группа Моргана, «Ферст нейшнл Бэнк оф Нью-Йорк»	14,3% активов
	Группа Кун-Леб	5,2 » »
	» Рокфеллера	3,1 » »
	» Чикагская	2,0 » »
	» Меллона	1,6 » »
	» Дюпона	1,2 » »
	» Бостонская	0,8 » »
	» Кливлендская	0,7 » »

тически господствуют над всей экономикой США. Как мы уже видели, именно этим группам достался почти весь прирост капитала за время войны.

На 1 января 1945 г. четыре группы (Моргана, Кливлендская, «Бетлехем стил» и Меллона) контролировали 79% производственной мощности сталелитейной промышленности, а 13 крупнейших компаний — 86,5%. Что касается электромеханической промышленности, то в 1939 г. двум группам — Меллона и Моргана — принадлежали соответственно 16 и 11%, то есть в общем 27% всех вложенных в эту отрасль капиталов, а в 1945 г. — уже 49%.

Однако, несмотря на относительный рост могущества американских монополий, в итоге второй мировой войны американский империализм потерпел поражение.

Рост загнивания и неустойчивость американской экономики

Обозревая три десятилетия, отделяющие конец второй мировой войны от начала первой, нельзя не отметить, какое огромное влияние имели войны как на абсолютный, так и на относительный рост хозяйства в США. Уже с 1914 г. американский капитализм является прежде всего капитализмом, наживающимся на войне.

Если рассмотреть рекордные размеры производства, достигнутые 24 основными отраслями промышленности и сельского хозяйства в период до 1914 г., в годы первой мировой войны, в период между двумя войнами и в годы второй мировой войны, то придется констатировать следующее:

1) По семи отраслям из 24 (и притом не по самым мелким — речь идет о добыче каменного угля и бокситов, производстве хрома, вольфрама, пшеницы, кукурузы и картофеля) рекордные показатели, достигнутые во время первой мировой войны, ни разу не были достигнуты в годы мира и были превзойдены только во время второй мировой войны. Можно сказать, что рост этих отраслей полностью объясняется влиянием войны. Таким образом, около $\frac{1}{3}$ отраслей, производящих основные виды сырья, за 30 лет показали абсолютный рост только вследствие войны.

2) Рост десяти других отраслей (производство фосфатов, алюминия, ртути, меди, чугуна, стали, серы, риса и сои) зависел от влияния войны на 70—98%.

Таким образом, 17 основных отраслей из 24, то есть $\frac{3}{4}$, обязаны своими успехами после 1914 г. влиянию двух мировых войн более чем на 70%.

3) Только четыре отрасли (добыча нефти, производство свекловичного сахара, хлопка и шерсти), то есть $\frac{1}{6}$ общего числа основных отраслей, развивались в период войны слабее, чем в мирные годы.

Наконец, если рассмотреть те основные отрасли, в которых производство началось после 1918 г., можно будет констатировать, что вторая мировая война оказалась исключительно сильным стимулом к их росту, поскольку рекордные цифры мирного времени были превзойдены во время второй мировой войны: по молибдену — на 180%, по марганцу — на 308, по ванадию — на 345, по чистому алюминию — на 629 и по синтетическому каучуку на 25 833%.

Эти цифры неопровержимо свидетельствуют о том, что две мировые войны играли не только важную, но в большинстве случаев важнейшую и решающую роль в абсолютном росте производства основных видов промышленного и сельскохозяйственного сырья в США за последние 30 лет.

Что касается обрабатывающей промышленности, обслуживающей как мирные, так и военные нужды, то оказывается, что две такие важные отрасли, как судостроение и станкостроение, за все время с 1919 по 1939 г. так и не достигли уровня, на котором они находились во время первой мировой войны, работали они с полной нагрузкой только в период войны.

Рассматривая темпы ежегодного прироста промышленной продукции, можно констатировать, что в военные годы они были гораздо выше, чем в мирные: 7% во время первой мировой войны и 15% во время второй — против 4% в среднем за период 1870—1939 г. В сельском хозяйстве общий прирост продукции за время с 1939 по 1944 г. был вдвое больше, чем за 20 предшествующих лет.

Что же касается общего объема промышленной и сельскохозяйственной продукции, то с 1914 по 1945 г. в его росте произошло три скачка: первый — во время первой

мировой войны, второй — в период так называемого «процветания» (1922—1929 гг.) и третий — во время второй мировой войны. Но в третий период результаты, достигнутые в мирные годы, были далеко превзойдены, поскольку в 1943 г. продукция промышленности удвоилась в сравнении с 1929 г.

Таким образом, влияние войны на абсолютный рост производства основных видов сырья, на увеличение объема промышленной и сельскохозяйственной продукции имело первостепенное значение. Война оказывала решающее влияние также на внешнюю торговлю, на занятость населения и на доходы от сельского хозяйства.

Первая мировая война вызвала стремительный рост экспорта американских товаров — с 2,3 млрд. долл. в 1914 г. до 8 млрд. долл. в 1920 г.; затем экспорт резко сократился, и в мирное время обороты внешней торговли США ни разу не достигали уровня 1920 г. Максимум, достигнутый в 1929 г., едва превышал 5 млрд. долл., а в период кризиса экспорт из США даже снизился (по стоимости) до 62,5% от уровня 1913 г. Нужна была вторая мировая война, чтобы экспорт вновь достиг уровня 1920 г., а затем и превысил его, увеличившись до рекордной цифры — 14 240 млн. долл.

То же самое можно сказать и о занятости населения. Начиная с 1906 г. уровень занятости превышал «обычную» цифру только в период с 1917 по 1919 г. и с 1942 по 1945 г. «Полная занятость» (причем речь идет о капиталистической, то есть весьма относительной, полной занятости) достигалась только в периоды войн. Это — поистине ужасное положение, и оно свойственно всем капиталистическим странам. Как признал Уильям Беверидж, «единственное открытое до сих пор демократиями [?! — А. К.] радикальное средство против безработицы — это тотальная война». Хороши «демократии», которые не могут обеспечить всем гражданам возможности мирного труда и при которых рабочие не могут спастись от безработицы иначе, как идя на смерть на полях битвы!

С 1921 по 1941 г., то есть за весь мирный период, сельское хозяйство США ни разу не дало таких доходов, какие оно приносило в период 1918—1920 гг. В этой области уровень 1919 г. был достигнут вновь и превзойден только в период с 1942 по 1945 г.

Продолжать эти примеры нет нужды. Совершенно ясно, какую решающую роль в экономической жизни современной Америки играет война. За последние 30 лет только война заставляла производственный аппарат страны работать на полную мощность, позволяла использовать всю наличную рабочую силу, вызвала абсолютный рост торговли и доходов сельского хозяйства. Войне принадлежала важнейшая роль в росте производства, национального дохода и капиталистических прибылей.

Напрашивается вывод, что с 1914 г. война стала неотъемлемой частью жизни американского капитализма: из трех экономических кризисов два (1914 и 1929 гг.) рассосались в связи с войной, а из трех периодов «процветания» два пришлись на военные годы. Отсюда ясно, что в капиталистическом организме на самом деле есть что-то порочное, гнилое.

Вот каковы в действительности «жизненность» и «здоровье» капиталистической экономики США. Как можно считать здоровой и прогрессивной экономическую систему, которая может развиваться лишь при условии, если внутри страны она опирается на паразитическое производство, на производство вооружений, а вне ее — на уничтожение колоссальных богатств?

Поскольку абсолютный рост производства вызывается уже не мирным расширением рынка, а нуждами войны, особый характер развития промышленности и сельского хозяйства США за последние 30 лет отнюдь не свидетельствует о их жизнеспособности, а, наоборот, говорит о вырождении, разложении американского капиталистического хозяйства.

И что еще важнее, с годами этот процесс загнивания не ослабевает, а усиливается. Если в мирные годы, с 1922 по 1929, американский капитализм еще мог переживать период подъема, то после 1929 г. новый подъем принесла лишь вторая мировая война.

Ясны природа и характер как абсолютного, так и от-носительного роста американской экономики за последние 30 лет. Разве не первая мировая война превратила США в мировую финансовую державу? Разве не вторая мировая война превратила их в единственную великую финансовую державу и в сильнейшую военную и торговую державу капиталистического мира? Разве этапы подъема

США на протяжении последних десятилетий не определялись по сути дела мировыми войнами? Как в относительном, так и в абсолютном смысле для американского капитализма характерно то, что это — капитализм, наживающийся на войне.

Отсюда ясно, что такое «исключительный» характер успехов, одерживаемых США за последние 30 лет.

На деле эти успехи неотделимы от чужих неудач. Противопоставлять рост американского капитализма упадку капитализма европейского, как поступают апологеты капитализма, это все равно, что противопоставлять здоровье вампира слабости жертвы, у которой он высасывает кровь. Если первая мировая война превратила США в крупнейшую финансовую державу, если вторая мировая война сделала их единственной финансовой державой, то это произошло потому, что первая война привела к разорению Германии, а вторая разорила Англию и Францию.

За последние десятилетия мощь американского империализма росла на развалинах Европы, а богатство капиталистов Уолл-стрита — на трупах 10 млн. жертв первой мировой войны и 30 млн. жертв второй.

Таким образом, нельзя рассматривать эволюцию американского империализма в отрыве от эволюции остальных капиталистических стран. Рост промышленной, финансовой и военной мощи США начиная с 1914 г. происходит наряду с ослаблением и упадком системы империализма в целом.

На протяжении всего этого периода действовал открытый Лениным закон неравномерного развития капиталистических стран. От этой неравномерности выиграл американский капитализм. Но новое здесь заключается в том, что начиная с 1914 г. этот закон мог действовать на пользу США только благодаря войне. Вторая мировая война довела эту неравномерность развития до небывалых размеров. Но ведь эта неравномерность развития и составляет причину потрясений и неустойчивости всей капиталистической системы.

С концентрацией финансовой мощи в США в результате второй мировой войны эта неустойчивость дошла до крайнего предела.

Таким образом, развитие американского империализма после 1914 г. свидетельствует о том, что самый его

прогресс не только не является признаком укрепления, усиления капиталистической системы, а, наоборот, представляет собой элемент растущего разлада и беспорядка.

Объективный анализ рассеивает все иллюзии ослепленных людей, которые пытаются внушать другим, будто американский капитализм может вдохнуть новую жизнь в строй, основанный на погоне за прибылью. Но разве это осуществимо в условиях, когда успехи американского капитализма основываются на упадке других стран? В этих условиях рост мощи американского финансового капитала означает не усиление, а, наоборот, ослабление капиталистической системы в целом, которая в результате войны стала гораздо более уязвимой. Поневоле возникает вопрос: не обстоит ли дело так, что усиление американского империализма, дающее ему возможность угрожать независимости всех других стран, в действительности не сулит ему неограниченного расцвета в будущем, а, наоборот, приближает его конец; не оказался ли он, достигнув вершины могущества, на краю пропасти, в которую его, а с ним и всю капиталистическую систему, увлекает груз его собственных противоречий? Ответ на этот вопрос приобретает интерес особенно в том случае, если мы при рассмотрении мирного хозяйства не будем ограничиваться одним лишь капиталистическим сектором.

Соотношение сил изменилось в пользу социализма

История человечества и история самого капитализма начиная с 1917 г. определяется изменениями в соотношении сил двух систем, между которыми поделен мир: капиталистической и социалистической. Если американские монополии намеревались путем войны ослабить своих империалистических конкурентов, их основной целью все же было уничтожить Советский Союз. Однако они не только потерпели полную неудачу в этом своем основном намерении, но их попытка обернулась против них же, так как война привела к радикальному изменению в соотношении сил двух систем в пользу социализма.

Этот резкий поворот событий был вызван двумя основными причинами: с одной стороны, разгромом наиболее агрессивных империалистических государств, пользовав-

шихся поддержкой реакционеров во всех капиталистических странах, благодаря чему были выведены из строя главные силы воинствующей международной фашистской реакции, с другой стороны — решающей ролью, которую сыграл в этом разгроме СССР. Советский Союз не только не распался под тяжкими ударами империализма, но Советская Армия без помощи извне разгромила главные силы вражеских армий. СССР одержал не только военную, но и политическую, моральную и идеологическую победу. «Неизмеримо возросли в итоге войны международное значение и авторитет СССР»¹. Социалистической системе уже не приходилось доказывать свою жизнеспособность (это доказали успехи пятилеток), но ей оставалось еще продемонстрировать свое превосходство в решающем испытании — в войне. Сталинград и победоносное наступление Советской Армии окончательно подтвердили превосходство социалистического строя над строем капиталистическим и непобедимость советского государства.

Победы Советской Армии имели некоторые важные последствия, которые еще больше ослабили капиталистическую систему и укрепили систему социалистическую:

1. Целый ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы отпал от империалистической системы. Это означало, с одной стороны, дальнейшее сокращение сферы капиталистической эксплуатации и, следовательно, экономическое и политическое ослабление монополистического капитализма и рост его неустойчивости; с другой — уничтожение «санитарного кордона», то есть ликвидацию сети военных баз, созданных у самых границ СССР, вблизи его жизненных центров, — иными словами, ослабление стратегических позиций империализма.

2. Силы демократии в капиталистических странах значительно выросли вследствие увеличения влияния и мощи коммунистических партий и соответственного уменьшения влияния социал-реформистских партий. К концу первой мировой войны коммунистические партии (кроме русской) находились еще в зачаточном состоянии; во многих странах их вовсе не было, и даже накануне второй

¹ А. Жданов, О международном положении, М., 1947, стр. 7.

мировой войны они часто пользовались очень ограниченным влиянием. Но после второй мировой войны во многих странах, как, например, в Италии и во Франции, они стали мощными массовыми партиями. В 1917 г. русская большевистская партия была единственной революционной марксистской партией в мире и насчитывала всего 240 тыс. членов. После второй мировой войны не осталось ни одной страны, где бы не было своей коммунистической партии, построенной на основе учения Ленина — Сталина, а общая численность членов этих партий превышает 20 млн. человек. После окончания войны коммунисты входили в правительства ряда капиталистических стран Западной Европы — Франции, Бельгии, Италии — и даже Южной Америки (Чили).

3. Значительно обострился кризис колониальной системы, начавшийся после первой мировой войны. В Китае Народная армия, одержав победу над японскими захватчиками, заняла значительную часть страны *. Народная республика возникла в Северной Корее. Вьетнам и Индонезия провозгласили свою независимость. Индия требовала независимости. В Малайе и Бирме народные армии добились больших успехов. Во Французской Черной Африке африканское демократическое объединение впервые пробудило политическое сознание туземных масс. Как и после первой мировой войны, в колониальных и полуколониальных странах вновь поднялось освободительное движение, которое благодаря победам Советской Армии достигло такой силы, какой оно не имело с 1918 г.

«Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополии не могут больше по-старому управлять колониями. Попытки подавления национально-освободительного движения военной силой

* В последующий период героическая Народная армия Китая отразила ряд наступлений, предпринятых войсками Чан Кай-ши при активной поддержке американского империализма. В июле 1947 г. Народная армия перешла в победоносное контрнаступление, в результате которого был полностью ликвидирован на континенте антинародный реакционный режим Чан Кай-ши. 1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено создание Народной республики Китая. Таким образом, длительная и упорная борьба демократических сил Китая под руководством коммунистической партии против объединенных сил внутренней реакции и международного империализма увенчалась исторической победой. (Прим. ред.)

наталкиваются теперь на все возрастающее вооруженное сопротивление народов колоний, приводят к затяжным колониальным войнам...»¹

Таким образом, относительные успехи, одержанные США над их конкурентами в лагере империализма, не должны создавать иллюзий. В действительности вторая мировая война нанесла американскому империализму исключительно тяжелое поражение. И именно это поражение определило новую политику, которую ведет американский империализм начиная с 1945 г.

Конец изоляционизма и политика мирового господства

Ухудшение общего положения капиталистической системы по-новому поставило проблему империалистической экспансии США. Место, которое они заняли в лагере империализма, изменение соотношения сил между двумя системами уже не позволяли американскому правительству «изолироваться» от международных дел и предоставить другим руководство борьбой против социалистической системы. Времена как «мирного» изоляционизма 1920—1929 гг., так и «агрессивного» изоляционизма периода, предшествовавшего второй мировой войне, отошли в прошлое, и началась эпоха «повсеместного вмешательства» американского империализма. Пора поисков и колебаний прошла. Крупный американский капитал понял, что условием экономического господства над миром стало политическое господство.

В январе 1948 г. генерал Маршалл заявил на собрании финансистов и промышленников: «Американский народ часто слышит о том, что ходом событий нашей стране предназначено играть руководящую роль в мире, и эта роль возлагает на нас огромную ответственность... Я смею заявить, что никто в нашей стране не проявляет такой решимости выполнять эту задачу самым энергичным и решительным образом, какую проявляют деловые люди»².

Понимание этого положения продемонстрировал уже в январе 1945 г. государственный секретарь США в своей

¹ А. Жданов, О международном положении, М., 1947, стр. 8.

² Речь в Питтсбурге 15 января 1948 г.

речи на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных наций:

«Двадцать пять лет назад мы, американцы, еще не вполне сознавали свою ответственность; но, подобно другим, мы извлекли уроки из своего опыта. Теперь правительство и народ США прекрасно понимают эту ответственность».

Эта идея стала лейтмотивом всех речей президента. «Нам понадобились две войны и 30 лет времени,— говорил Трумэн,— чтобы обнаружить, что наше место в мире — ведущее место. Мы стремимся к тому, чтобы сохранить за собой руководящее положение»¹.

А через несколько недель он повторил: «Мы заняли руководящее положение, которого президент Вильсон желал для нас еще после первой мировой войны... После первой мировой войны мы отказались взять на себя ответственность, которую мы как государство должны были нести, но после второй мировой войны мы извлекли необходимые уроки... Изоляционисты толкуют положение совершенно превратно»².

Новая политика экспансии могла, конечно, преследовать только одну цель — завоевание мирового господства. Поскольку производственная мощь США превышала емкость внутреннего рынка, возникла необходимость в постоянном и широком экспорте капитала и товаров. Эта экспансия не признавала географических границ. Промышленная и финансовая мощь США относительно настолько выросла, что стадия «политического раздела» сфер влияния, стадия территориальных аннексий отошла в прошлое. Американский империализм требовал не просто «передела» мира, а безраздельного господства над миром. Он добивался уничтожения всех экономических и политических барьеров, которые начиная с 1929 г. мешали экспорту американского капитала и товаров. Иными словами, американский империализм стремился, с одной стороны, слить все разгороженные национальные рынки капиталистического сектора в единый рынок, который он мог бы затопить своей «избыточной» продукцией, а с другой—

¹ Речь в Форте Беннинг в апреле 1950 г. (Бюллетень посольства США в Париже, 24 апреля 1950 г.)

² Речь в Сент-Луисе (штат Миссури) 10 июня 1950 г. (Бюллетень посольства США в Париже, 10 июня 1950 г.)

вернуть себе территорию, потерянную в результате расширения социалистического сектора.

Внутри США эта политика мирового господства означала усиление диктатуры финансового капитала и ускорение процесса превращения американского капитализма в государственно-монополистический капитализм; в международном плане она означала образование под американским руководством антисоветской коалиции вассальных капиталистических стран для разгрома Советского Союза.

Американские монополии не могли примириться с поражением, нанесенным империалистической системе в войне. Теперь их собственная экспансия оказалась под угрозой. Достигнуть своей цели — гегемонии над всем миром — они могли только при условии подрыва демократического движения во всех капиталистических странах, включая США, подавления освободительного движения в колониальных странах, победы Чан Кай-ши над Китайской Народной армией, гибели стран народной демократии в Европе, — то есть в конечном счете при условии отступления и поражения социализма в СССР. Уже в силу своего господствующего положения в империалистическом лагере американский империализм был призван стать центром и оплотом мировой реакции, открыто взять на себя руководство «священным союзом» капитала против угнетенных классов и народов и возглавить борьбу против Советского Союза.

Основным препятствием на пути американского империализма к мировому господству оказалась материальная и моральная мощь СССР. Пример страны, покончившей навсегда с эксплуатацией человека человеком, вдохновлял на борьбу революционный авангард и демократические силы во всех странах, находившихся под игом капитала. Мощь советского государства позволила установить в некоторых европейских странах строй народной демократии. Было очевидно, что этот строй сможет существовать и развиваться только благодаря экономической и политической поддержке СССР. Если теперь, в отличие от периода, последовавшего непосредственно за первой мировой войной, в Азии, в Китае, перед поднявшимися против империализма колониальными народами забрезжила заря победы, то причиной этому был огромный рост мощи

Советского Союза, повышение его международной роли и авторитета в результате войны. В глазах широчайших масс СССР был оплотом независимости народов и главной опорой сил освобождения и прогресса. Разгром советского государства стал первоочередной и настоящей задачей политики американских монополий. Но как этого добиться?

Большого выбора средств американские империалисты не имели. Самые злые из них хотели бы предпринять военную агрессию немедленно и бросить американскую армию против СССР в момент крушения Германии и Японии.

«В Америке существует меньшинство,— писал в 1945 г. Рузвельту его личный советник Гарри Гопкинс,— которое по различным соображениям хотело бы, чтобы Россия была в этой войне побеждена... Многие были бы рады, если бы наша армия прошла через Германию и стала сражаться с Россией».

Но империалисты не могли пойти на это, так как им пришлось бы встретить сопротивление международного общественного мнения. Отношение народов к войне против фашизма как к войне демократической, стремление масс в Европе и Америке к миру, их восхищение Советской Армией и благодарность ей — все это помешало наиболее реакционным элементам американского империализма спровоцировать в 1945 г. третью мировую войну.

Братская встреча американских и советских солдат на Эльбе также была наглядным свидетельством бессилия поджигателей войны перед лицом общественного мнения. Поэтому, чтобы восстановить пошатнувшееся положение империализма и попытаться изменить соотношение сил к своей выгоде, американский империализм вынужден был сначала пользоваться средствами, доступными в мирное время. Он сам назвал эту борьбу «холодной войной».

«Холодная война,— сказал крупный промышленник, руководящий осуществлением плана Маршалла, П. Дж. Гофман,— это война без стрельбы, имеющая целью сдержать Россию...»¹ И далее он уточняет: «Это — война нового типа. Боюсь, что мы склонны представлять себе войну исключительно как борьбу с оружием в руках. Но в

¹ Заявление от 27 декабря 1949 г. (США).

наши времена войны ведутся на четырех фронтах: на экономическом фронте, на фронте информации, на фронте политическом и фронте военном. Мы учимся теперь воевать на первых трех фронтах»¹.

Вопрос стоял так: окажется ли оружие «холодной войны» достаточно действенным, чтобы позволить американскому империализму победить социализм и добиться мирового господства? Жизнь не замедлила дать ответ на этот вопрос.

¹ Речь на заседании Американского общества международного права.

Глава II

ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОГО ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА С 1945 ПО 1950 Г.

I. Внутренняя политика

Чтобы обеспечить успех своей политики мирового господства, американским монополиям нужно было укрепить еще больше свою диктатуру в Соединенных Штатах и попытаться удушить силы демократии путем усиленной фашизации политического строя. «Холодная война» была не только экономической и политической войной против Советского Союза и демократического движения в других странах, но и прежде всего войной против американского народа.

Усиление капиталистической диктатуры

Господство крупной буржуазии осуществлялось в Соединенных Штатах в форме четырехсторонней диктатуры, составляющей костяк «американской демократии»: диктатуры капитала над общественным мнением при помощи печати, радио и кино; диктатуры капитала над избирателями при помощи избирательной системы; диктатуры капитала над конгрессом и профсоюзами при помощи подкупа; прямой диктатуры капитала над государством путем захвата функций правительства.

Диктатура над общественным мнением

«Независимая печать? — воскликнул один американский журналист еще в 1895 г.— Но ведь ничего подобного в Соединенных Штатах нет, разве только в каких-нибудь маленьких городках. Вы знаете это не хуже меня. Кто из нас посмеет откровенно высказать свои личные взгляды? Мы заранее знаем, что это будет напрасный труд, что нас

перестанут печатать. Мне платят 150 долл. в неделю, чтобы я не печатал в газете своих личных взглядов. Некоторым из вас платят столько же — и за то же самое. А если какой-нибудь сумасшедший напишет напрямик то, что он думает, он быстро очутится на улице в поисках новой работы.

От журналиста в Нью-Йорке требуется, чтобы он извращал истину, нагло лгал, подтасовывал факты, устраивал сенсации, простирался у ног золотого тельца, продавал за кусок хлеба свою страну и своих соотечественников.

Все мы знаем, что тост за «независимую печать» — это насмешка. Мы — марионетки. Мы — приказчики богатых хозяев, которые скрываются за кулисами.

Все мы — интеллектуальные проститутки»¹.

С того времени печать продолжала терять свою независимость. В 1947 г., после трехлетнего обследования, предпринятого по инициативе газеты «Таймс» и Британской энциклопедии, тринадцать американских профессоров — специалистов в области права, истории, философии и политических наук — опубликовали книгу «За свободную и ответственную печать». «...Факты извращаются вследствие того, что всему оригинальному и сенсационному отводится слишком много места, — говорится в этой книге, — они извращаются и в результате личной заинтересованности владельцев газет и агентств, а также различных групп, оказывающих давление на эти органы информации...»

Доклад констатирует наличие угрозы, что распространение информации и мыслей окажется под контролем лиц, число которых непрерывно уменьшается. Если с тех пор как Джон Суинтон в своей взволнованной речи излил всю горечь честного человека положение как-нибудь изменилось, то лишь в том смысле, что даже в маленьких городках США печать потеряла свою независимость. Газеты всех сорока восьми штатов объединены в «цепи», которые печатают одну и ту же информацию и одни и те же передовицы. Так, например, агентство Инлэнд дэйли пресс

¹ Выступление Джона Суинтона в ответ на тост за «независимую печать», провозглашенный на банкете Нью-йоркской ассоциации прессы в 1895 г., приведено в «Pure Sociology», New York, 1903, p. 487.

ассоциэйшн объединяет 432 ежедневные газеты. Печать принадлежит могущественным финансовым группам и богатейшим семьям Уолл-стрита. Весь мир знает группу Херста, которая контролирует 16 газет и 13 журналов. Наряду с ней печатью владеют Морган, Маккормик — Паттерсон, Скриппс—Говард, Поль Блок Риддер и Ганет.

В течение последних десятилетий влияние газетных магнатов непрерывно возрастало, с 1918 по 1944 г. число ежедневных газет уменьшилось на 20% (с 2180 до 1744), но тираж их вырос на 60% (с 28 до 46 млн. экземпляров). В 1940 г. на основные газетные объединения приходилось свыше 40% общего тиража газет в будничные дни и половина воскресного тиража.

В результате жестокой борьбы, которую ведут эти монополии против независимых газет, 88% всех населенных пунктов в США имеют всего по одной газете, то есть находятся в сфере влияния одной группы, не встречающей оппозиции.

Процесс концентрации происходит безостановочно. Например, в крупном промышленном и портовом городе Сиэттле единственная либеральная газета «Стар» была куплена в 1947 г. открыто реакционным органом «Таймс». Другая газета в Сиэттле принадлежит группе Херста.

Изобретение «телелинотипа», который применяется в США со времени войны и позволяет одновременно производить набор на линотипах многих газет в различных местах, отстоящих друг от друга на сотни километров, ускорило концентрацию и вытеснение мелких газет крупными. Некоторые районы получают «информацию» исключительно из газет, принадлежащих крупнейшим промышленным трестам: Меллон (алюминиевый трест) финансирует газеты Питтсбурга, Дюпон де Немур («Дженерал моторс» и химическая промышленность) — газеты штата Делавар, Форд — газеты Детройта и т. д.

Крупные банки Моргана и «Браун бразерс, Гарриман энд К^о» особенно интересуются журналами с большим тиражом, такими, как, например, «Кольерс уикли», выходящий в двух миллионах экземпляров, и «Америкэн мэгезин», а также группой журналов «Форчюн», «Лайф» и «Тайм», принадлежащих Люсу. Гарриман является владельцем еженедельника «Ньюс уик». Крупный промышленник Гофман руководит Британской энциклопедией,

а Морган тесно связан с газетой «Нью-Йорк геральд трибюн», принадлежащей группе Миллс — Рейд.

Господство американского финансового капитала над печатью закрепляется крайней концентрацией информационного дела. Три агентства фактически контролируют весь информационный рынок. Речь идет об агентстве Ассошиэтед пресс, владеющем большинством из 1124 газет, которые входят в сферу его влияния; Юнайтед пресс, принадлежащем группе Скриппс — Говард, и Интернейшнл ньюс сервис — группе Херста.

Те же капиталистические группы командуют в радио и кино. Тресты, орудующие в печати, не хотят никому уступать эти новые средства пропаганды. К концу 1944 г. они владели 238 радиовещательными станциями и косвенно контролировали еще 270; таким образом, в их руках находилось 508 из 886 радиостанций, имевшихся в США, то есть около 57%. Если же учитывать не только число станций, но и их мощность, этот процент будет еще выше. Так, из 53 радиостанций мощностью свыше 50 квт газетные монополии контролируют 44, то есть 83%. Две крупнейшие компании «Нейшнл бродкастинг К^о» — филиал «Рэйдио корпорейшн оф Америка» — и «Колумбия бродкастинг систем» находятся в прямой зависимости от Рокфеллера и Моргана, с которыми связаны также банковские группы Лимэна и «Браун бразерс, Гарриман энд К^о».

Крупные голливудские фирмы вначале были чисто семейными предприятиями Уорнера, Мейера, Голдвина и других. Но кризис 1929 г. и распространение звукового кино отдали Голливуд во власть крупных банков и зависящих от них электро- и радиоконпаний. Кинофирмы «Парамаунт» и «Рэйдио Кейтс орфеум» находятся под прямым контролем Моргана, осуществляемым через «Америкэн телефон энд телеграф К^о» и при участии банка Лимэна. Компании «Твентис сенчури фокс» и «Метро-Голдвин» находятся под влиянием банка «Чэйз нейшнл», который принадлежит Рокфеллеру. Часть акций компании «Метро-Голдвин» принадлежит также группе Херста, которая обладает и акциями кинофирмы «Уорнер бразерс». Наконец, калифорнийская компания «Колумбия пикчерс» находится под контролем крупного банкира Джианнини из Сан-Франциско.

Таким образом, в Америке крупный капитал диктует и контролирует все то, что пишется в газетах и журналах, все то, что говорится по радио, все то, что демонстрируется в кино.

Диктатура над выборами

Но одного лишь отравления умов при помощи односторонней информации еще не достаточно: ведь таким путем нельзя уничтожить классовую борьбу. Поэтому диктатура капитала над общественным мнением дополняется диктатурой сначала над выборами, а затем и над депутатами.

Американская буржуазия очень умело использует унаследованную от Англии систему двух партий-близнецов. Эта система, отличающаяся своей гибкостью и лицемерием, должна внушать обществу, что в парламенте осуществляется его воля, потому что там борются две партии. На деле же виги и тори, консерваторы и лейбористы в Англии, как и демократическая и республиканская партии в Соединенных Штатах, нужны для того, чтобы ограничить выбор избирателей двумя правительственными кликами, которые действуют в интересах имущего класса, и чтобы направить недовольство трудящихся в определенное русло, против одной из этих клик к выгоде другой.

Двухпартийная система — это одна партия с двумя головами, обеспечивающая диктатуру класса капиталистов в парламенте. Эта система полностью оправдала себя на выборах 1948 г., когда впервые появилась опасность, что обычную политическую игру может испортить появление третьей партии — прогрессивной. Чтобы помешать этой партии завоевать голоса рабочих, демократическая партия присвоила себе программу борьбы за демократию и мир, выдвинутую прогрессивной партией, и при помощи подкупленных ею руководителей профсоюзов одержала на выборах победу. Это избирательное жульничество, которое изображалось как замечательное проявление «западной демократии», позволило крупному капиталу сохранить в силе закон Тафта — Хартли и ускорить гонку вооружений. Дело обернулось точно так же, как если бы был избран соперник Трумэна, республиканский кандидат Дьюи. К тому же Трумэн заботливо привлек к работе в

государственном департаменте наряду с Ачесоном и главного советника республиканской партии по вопросам внешней политики — Джона Фостера Даллеса. Ведь гораздо легче обманывать американских рабочих в вопросах внешней политики, чем в вопросе о заработной плате. Поэтому республиканцы и демократы без всякого стеснения проводят во внешней политике единую линию.

Диктатура над конгрессом и профсоюзами

Таким путем крупный капитал обеспечивает соблюдение основной линии своей политики. А затем различные группы капиталистов подкупают отдельных депутатов и таким образом привязывают их к себе.

Многие европейцы даже не подозревают, что этот подкуп совершается легально и даже носит официальное наименование — «лоббизм». «Лобби» (слово это непереводимо, но его значение, как мы сейчас увидим, совершенно очевидно) — это группа лиц, которые связаны общими интересами и объединяются для того, чтобы непосредственно или через своих платных агентов оказывать влияние на деятелей конгресса. Эти агенты действуют вполне официально; их единственной задачей является следить, как голосуют члены палаты представителей и сенаторы, и заставлять их голосовать за законы, выгодные для соответствующих фирм. Лоббисты прибегают к самым разнообразным методам. «Старейший и, безусловно, самый честный метод, — пишет Рут Финни в «Америкэн меркюри» (Рут Финни с 1923 г. занимает видный пост в аппарате федерального правительства), — состоит в том, что лоббист пристаёт к члену конгресса, пока не уговорит его голосовать в соответствующем духе. Другие прибегают к телеграммам: член конгресса, которого данная группа хочет убедить голосовать за ее интересы, начинает получать от видных граждан своего штата телеграммы, требующие, чтобы он голосовал за тот или иной законопроект (или против него)».

Но самым распространенным методом убеждения являются... обеды. «Как это ни странно, — пишет Финни, — приглашение на обед остается самым эффективным методом лоббистской деятельности. Во время войны некий

Джон Монро снял особняк на одной из фешенебельных улиц Вашингтона и стал принимать у себя виднейших представителей конгресса и армии: Монро нужны были заказы на военное снаряжение».

Деятельность лоббистов приняла такой скандальный характер, что для успокоения общественного мнения конгресс в конце 1946 г. утвердил закон Лафолетта — Монрони, который, разумеется, не имел целью уничтожение лоббизма, но, по видимости, якобы вводил его в определенные рамки: закон требовал регистрации лоббистов. Однако с принятием закона ничего не изменилось. «Закон Лафолетта — Монрони, — пишет Финни, — заставляя лоббистов раскрыть свои имена, преследовал цель помешать им злоупотреблять своими неотъемлемыми конституционными правами [!]. Но этой цели он не достиг. Если 898 групп и частных лиц действительно зарегистрировались и указали, какие суммы они получают на нужды пропаганды, то другие лоббисты продолжают действовать скрытно; возникают новые лобби; пропаганда, обслуживающая частные интересы, одерживает при помощи доллара многочисленные победы».

Финни констатирует, что учесть расходы лоббистов невозможно. Известно, тем не менее, что, например, железнодорожные компании содержат 20 зарегистрированных лоббистов, из которых самый главный зарабатывает 40 тыс. долл. в год, что ассоциация электрокомпаний также содержит официальных агентов; один из них, Пэрселл Смит, получает 65 тыс. долл. в год. Смит однажды заявил, что его основной обязанностью является следить за тем, чтобы работники правительственных учреждений во всех штатах разрабатывали и представляли членам конгресса такие документы, которые способствовали бы проведению законодательных мероприятий, выгодных для ассоциации.

Подкуп, возведенный в официальную систему, — такова американская «демократия». Эта система распространяется не только на конгресс, но и на профсоюзы. Подкуп профсоюзных бонз, тесно связанных с буржуазией, получил особенное развитие со времени войны; им стали давать посты правительственных советников, особые поручения за границей; их стали назначать в учреждения, осуществляющие план Маршалла; они получают высокие

оклады и совершенно утратили пролетарское классовое самосознание.

«В последние годы, — говорится в корреспонденции, помещенной в «Нейе Цюрихер цейтунг» 21 января 1949 г., — в кулуарах Белого дома и на министерских приемах все чаще встречаешь людей нового типа — профсоюзных лидеров. Внешне они ничем не отличаются от средних бизнесменов...

Доходы профсоюзных лидеров примерно сравнивались с доходами средних бизнесменов. То же самое можно сказать об их образе жизни... Идеология классовой борьбы им чужда. Они люди земные и не витают в облаках. Они думают о непосредственных задачах, которые им нужно разрешать, и не увлекаются мечтами о будущем. Американский профсоюзный лидер считает себя ответственным за процветание «своей» отрасли промышленности, «своей» экономики».

Правительство банкиров

В условиях растущего вмешательства государства в хозяйственную жизнь американским монополиям приходится, как никогда, держать государственную машину в своих руках. Значительно усилилось переплетение финансового капитала с государственным аппаратом, очень характерное для политической жизни США. Основные министерские посты в правительстве Трумэна замещаются магнатами Уолл-стрита.

Пост помощника государственного секретаря занимал сначала банкир Р. А. Ловетт, управляющий «Нейшнл бэнк оф коммерс» и «Браун бразерс, Гарриман энд К°», а после него — юрисконсульт крупных компаний Ачесон, ставший впоследствии государственным секретарем; морским министром был директор банка «Диллон, Рид энд К°» Форрестол; министром торговли был Гарриман — один из железнодорожных «королей», председатель железнодорожных компаний «Юнион пасифик» и «Иллинойс сентрал», директор крупного частного банка «Браун бразерс, Гарриман энд К°», управляющий «Гаранти траст» и владелец еженедельника «Ньюс уик», человек, который, как мы видели, играл активную роль в Польше после 1918 г.; затем Г. Сойер, президент многих страховых обществ и

управляющий несколькими компаниями; министром финансов был президент Национального банка в Сен-Луи Дж. Джон Снайдер. Заместителем государственного секретаря по экономическим вопросам был «хлопковый король» В. Клейтон, президент компаний «Андерсон, Клейтон энд Ко» и «Андерсон, Клейтон энд Флеминг». Заведующим экономическим отделом военной администрации США в Германии, а затем заместителем военного министра был банкир Дрейпер, управляющий банками «Нейшнл сити бэнк», «Бэнкерс траст» и «Диллон, Рид энд Ко» (тот самый банк, который в 1926 г. спас от краха Рурский стальной трест, предоставив ему заем в 126 млн. долл.). Министром национальной обороны был Луи Джонсон, богатейший промышленник, владеющий, в частности, крупным пакетом акций фирмы «Консолидейтед валти», выпускающей бомбардировщики Б-36, на которые Джонсон, в свою бытность министром, делал крупные заказы. Ответственные чиновники, заместители государственного секретаря (такие, как Перкинс, Миллер и Макги) ¹ — все это дельцы; магнаты Уолл-стрита занимают важнейшие посольские посты за границей ². Руководителями международных организаций опять-таки являются американские банкиры. Председателем Международного банка реконструкции был сначала Э. Мейер, за ним — управляющий юридической конторой на Уолл-стрите Мак-Клой и вице-президент «Чэйз нейшнл бэнк» Э. Р. Блэк; вице-президентом банка реконструкции был Роберт Гарнер, связанный с «Дженерал Фуд корпорэйшн» и «Гаранти траст».

Кроме того, президент США и министры окружены «частными советниками», которые официально сопровождают государственных секретарей на международные конференции. Речь идет не о тайных советниках, а об официальных лицах, которые опять-таки избираются из представителей финансовой олигархии.

¹ Перкинс, вице-президент «Мерк кемикал Ко», занимается европейскими делами; Миллер, проводивший финансовые операции в Рио-де-Жанейро, где он был представителем фирмы Дж. Фостера Даллеса «Салливэн энд Кромуэлл», занимается Латинской Америкой; Макги, директор нефтяных компаний, возглавляет ближневосточный отдел.

² Банкир Л. В. Дуглас в Лондоне, банкир Д. К. Брюс в Париже, банкир Майрон Тейлор в Ватикане и т. д.

Самым известным из них является советник государственного секретаря Джон Фостер Даллес, владелец юридической фирмы «Салливэн энд Кромуэлл», знакомый благодаря этому со всеми сделками крупных нью-йоркских компаний и тесно связанный с германо-англо-американским банком Шредера. Даллес представляет также интересы группы Рокфеллера.

Президент США не принимает решений ни по одному важному финансовому или политическому вопросу внутреннего и внешнего порядка, не запросив мнения «консультативных советов»; это — официальные органы, существующие при различных министерствах; в их состав входят главные руководители монополий¹.

Особенно усердно проводит такую политику преемник Рузвельта, Трумэн.

«Я страстно желаю,— заявил он 26 июня 1946 г., возвещая о создании Комитета по финансированию международного восстановления,— чтобы в нем осуществилось самое широкое сотрудничество между административным аппаратом и частными финансовыми кругами».

И действительно, этот комитет, руководящий делом предоставления займов иностранным государствам и тем самым фактически направляющий внешнюю политику США, состоит из руководителей крупнейших банков и промышленных компаний США², а его председателем яв-

¹ Приведем для примера консультативный экономический совет, в котором заседает президент и директор «Мидуэст рифайнинг корпорейшн», «Стандард ойл оф Индиана», «Америкэн нейшнл бэнк оф Шайен» Дж. Д. Кларк; консультативный совет по внешней торговле, в который входят президент компании «Форд мотор» Генри Форд и президент «Дженерал моторс» Вильсон. Во главе продовольственной комиссии, созданной Трумэном 26 сентября 1947 г., стоит президент компании «Левер бразерс» Чарльз Лаккем и т. д.

² В комитет входят: президент «Нью Бритэн мэшин компани» Герберт Пиз; президент «Пуллман стандард кар мэнюфэктчеринг корпорейшн» Чемпкерри; президент «Континентал илинойс нейшнл бэнк энд траст компани» Уолтер Дж. Каммингс; президент «Бэнк оф Америка» Л. М. Джианнини; президент «Студебекер корпорейшн» Поль Гофман; президент «Дрексел энд Ко» Эдуард Гопкинсон мл.; президент «Интернейшнл харвестер компани» Флаулер Маккормик; президент «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Ирвинг С. Олдс; президент «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» Гордон С. Рентшлер; президент «Чэйз нейшнл бэнк» У. Олдрич; президент «Ботмэнс нейшнл бэнк» Том К. Смит.

ляется президент рокфеллеровского банка «Чэйз нейшнл», У. Олдрич.

Правительство США посылает за границу для различных обследований не чиновников, а дельцов. Президенту одной машиностроительной компании, Гемфри, было поручено составить доклад о демонтаже германских предприятий; президенту «Юнайтед Стейтс стил К°» Вольфу было дано задание обследовать германскую сталелитейную промышленность; один из магнатов Уолл-стрита, Л. Браун, президент крупной моргановской компании строительных материалов «Джон Хенвилл корпорейшн», член административных советов «Америкэн телефон энд телеграф К°» и «Мючюал лайф иншуренс К°», был автором знаменитого доклада Брауна, требовавшего первоочередного восстановления Западной Германии.

Финансовая олигархия диктует свою волю на очередных собраниях своих официальных организаций: Национальной ассоциации промышленников, насчитывающей 16 тыс. членов, контролирующей 85% производственных мощностей страны; Комитета экономического развития, представляющего собой нечто вроде сверхобъединения предпринимателей, созданного в 1942 г. для изучения послевоенных проблем и объединяющего виднейших представителей «делового мира»¹, и Торговой палаты США; кроме того, она задает тон и на особых совещаниях, доступных только магнатам Уолл-стрита, вроде конференции, которая состоялась в Эбсеконе в ноябре 1945 г. и дала правительству Трумэна директивы относительно «реконверсии»². Эти директивы (об отмене контроля над ценами, о снижении обложения компаний) были выполнены в точности. 30 ноября, то есть спустя всего лишь несколько дней после этой конференции, Трумэн заявил: «Мы должны как можно скорее отменить контроль пра-

¹ Эрик Джонстон, Нельсон Рокфеллер, Вилл Паттерсон («Юнайтед эйрлайнс»), Дж. Баригль («Чикаго рэйлуэйз»), У. Л. Клейтон, П. Личфилд («Гудийр»), Фарли («Кока-кола»), Ф. Рид («Дженерал электрик»), Юджин Мейер («Вашингтон пост»), Генри Люс («Таймс», «Лайф»).

² На этой конференции присутствовали: Г. Гувер, президент и член правления компании «Дюпон де Немур» Ламмот и Дж. Дюпон, представитель группы Рокфеллера У. Олдрич, представитель Моргана И. Мейер, а также представители «Дженерал моторс» и «Дженерал электрик».

вительства и вернуться к свободному действию нашей системы конкуренции».

И действительно, в начале 1946 г. контроль был отменен и произошло повышение цен, позволившее монополиям получать баснословные прибыли.

Воздействие финансовой олигархии на государственный аппарат нашло особенно яркое выражение при разработке и проведении в жизнь плана Маршалла, в чем официально принимали участие крупнейшие представители монополистического капитала — Клейтон, Гарриман, Гофман и другие. Самый план был подготовлен Комитетом экономического развития. Комментируя назначение президента крупной автомобильной компании «Студебекер» П. Гофмана главным администратором по проведению в жизнь плана Маршалла, «Нью-Йорк таймс» писала:

«Гофман принадлежит к тем деловым людям, которые являются одновременно и государственными деятелями и число которых все время растет. Он — один из людей, которые не довольствуются коммерческими успехами, но умеют заглядывать и дальше, умеют видеть и более широкие политические и социальные проблемы, связанные с руководством страной».

В самом деле, никогда еще сращивание государственного аппарата и финансовой олигархии не заходило так далеко.

По сравнению с довоенным периодом произошло даже некоторое качественное изменение. До 1939 г. посты министров и руководителей различных ведомств предоставлялись магнатам Уолл-стрита, но это было только случайным явлением; после 1945 г. началось настоящее вторжение магнатов в аппарат правительства, и вторжение это приняло постоянный характер. Промышленники и банкиры уже не покидают руководящих государственных постов. Как пример можно привести банкира Гарримана, который начиная с 1946 г. непрерывно занимает государственные посты, и промышленника Гофмана, который отказался от поста директора предприятий Форда, так как считал свое место во главе администрации по осуществлению плана Маршалла более важным.

Превращение американского капитализма в государственно-монополистический капитализм стало уже фактом.

Фашизация политической жизни

«Тотальная» диктатура крупного капитала приводит к подчинению всей политической и умственной жизни в США целям внешней политики. «Теперь уже нет разницы между вопросами внешней и внутренней политики», — заявил государственный секретарь Ачесон¹. Так установился, по выражению Ачесона, режим «тотальной дипломатии», то есть практически — режим растущей фашизации страны.

Первой задачей было устранить прогрессивные элементы, привлеченные Рузвельтом в правительство, второй — попытаться разгромить авангард пролетариата и еще больше приручить рабочее движение.

В то же время президент Трумэн создал комиссию по «проверке лойяльности», которая должна была судить о «благонамеренности» федеральных чиновников. 24 марта 1947 г. он приказал министру юстиции составить и постоянно пополнять список всех «тоталитарных, фашистских, коммунистических или подрывных» групп; слово «фашистские» фигурировало здесь, разумеется, только для вида.

Каждый чиновник, состоящий членом или сочувствующий одной из этих групп, может считаться «нелойяльным». Начальники учреждений несут «личную ответственность» за их чистку. В каждом министерстве создаются «отделы по проверке лойяльности». Президент принял эти меры на основе закона Хэтча, призванного «воспрепятствовать опасной политической деятельности». Для организации расследований были затребованы кредиты у конгресса.

В связи с жалобой, поданной одним сотрудником комитета по использованию рабочей силы для нужд войны, уволенным по распоряжению комиссии по делам гражданской службы за сочувствие коммунистам, Верховный суд 17 марта 1947 г. признал за комиссией право увольнять со службы лиц, «лойяльность» которых по отношению к США возбуждает сомнения, то есть коммунистов,

¹ Речь, произнесенная 22 апреля 1950 г. на собрании Ассоциации руководителей американских газет. (Бюллетень посольства США в Париже, 22 апреля 1950 г.)

сочувствующих им и практически — всех прогрессивных граждан.

Знаменательно, что эти меры были приняты после кампании, которую начала Торговая палата США, опубликовав в 1947 г. три брошюры: «Проникновение коммунизма в Соединенные Штаты», «Коммунисты в правительстве» и «Коммунисты в профсоюзах». Трумэн подписал свой «Приказ о лояльности» через несколько месяцев после выхода в свет второй из этих брошюр. В приказе президента повторялись не только мысли, развиваемые в брошюре союза предпринимателей, но во многих случаях и выражения этой брошюры. Впоследствии Трумэн хвастал точностью, с которой он выполнил распоряжение своих хозяев. «На государственной службе сейчас не осталось ни одного человека, — сказал он 24 апреля 1950 г., — который был признан коммунистом или вообще нелояльным»¹. По его словам, из правительственных учреждений был уволен один процент всех служащих.

В то же время крупный капитал пытается обезглавить революционный авангард, препятствуя легальному существованию американской коммунистической партии и распространению ее влияния в массах.

1 апреля 1947 г. комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности представила доклад, направленный целиком против коммунистической партии: комиссия рассматривала партию как «агента иностранной державы» и требовала, чтобы у нее отняли «возможность заниматься вредоносной деятельностью».

4 апреля один депутат-республиканец внес в палату представителей законопроект о запрещении профсоюзам, «в которых господствуют коммунисты», вести переговоры о заключении коллективных договоров и разрешающий накладывать арест на их фонды. 7 апреля губернатор штата Нью-Йорк Дьюи подписал закон, практически запрещающий деятельность коммунистической партии.

20 мая 1948 г. палата представителей приняла законопроект Мундта — Никсона, целью которого было «обезвредить деятельность коммунистов, угрожающих безопасно-

¹ Бюллетень посольства США в Париже, 25 апреля 1950 г.

сти США». В начале 1949 г. одиннадцать руководителей американской коммунистической партии были привлечены к суду, а в октябре присуждены к тюремному заключению на большие сроки. Речь шла о том, чтобы обезглавить американскую коммунистическую партию.

«Отныне любой суд,— писал Э. Джилльсон,— сможет осуждать людей за принадлежность к коммунистической партии, как за преступление... Этот приговор сам по себе, очевидно, поставит коммунистическую партию вне закона»¹.

В то же время непрерывно велась пропаганда, направленная к тому, чтобы создать вокруг активных членов коммунистической партии и всех прогрессивных американцев атмосферу средневековых преследований. «Красные» изображались как «зачумленные», как «посланцы сатаны».

На этом поприще особенно отличалась комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. И не случайно председателем ее был расист, поклонник Гитлера, бывший изоляционист Рэнкин. Созданная в свое время для борьбы с подпольной фашистской деятельностью в США комиссия вела неустанную кампанию против всех, кто сопротивлялся крестовому походу против коммунизма и Советского Союза.

Американский финансовый капитал не мог бы рассчитывать на проведение в жизнь своих планов мирового господства, если бы в США существовало мощное и независимое профсоюзное движение. Поэтому он пытался обуздать американский рабочий класс вводя законодательство против стачек и профсоюзных прав и укрепив свою власть над профсоюзным аппаратом.

На протяжении всего 1946 г. в печати велась яростная кампания против «невыносимой диктатуры профсоюзов, которые злоупотребляют своей монопольной властью», для того чтобы «подрывать капитализм и погубить веру масс в американское представление о демократии». Национальная ассоциация промышленников требовала, чтобы президент положил конец «заговору профсоюзов». 4 декабря 1946 г. председатель ассоциации Уэйсон заявил, что промышленность должна сама бороться за свержение

¹ «Le Monde», 20 octobre 1949.

«сверхправительства», созданного организованными рабочими, против «диктатуры рабочих, диктующих свою волю самому правительству»¹. На другой день президент компании «Дженерал моторс» Вильсон повторил эту же мысль в следующих выражениях:

«Мы не можем соблюдать в управлении страной принцип американской демократии и в то же время терпеть монополию и диктатуру рабочих»².

Во имя «свободы и равенства [! — А.К.] всех американцев», как заявляет Уэйзон, крупный капитал стремится подавлять всякую попытку рабочего класса организовать для действенной борьбы против диктатуры капитала. Капиталистическая пропаганда всячески натравливает фермеров и средние слои городского населения на профсоюзное движение, чтобы заставить их согласиться на введение законов, направленных против рабочих, и прежде всего на отмену закона Вагнера, по которому в июле 1935 г. в США были впервые признаны права профсоюзов.

В мае 1946 г. конгресс принял законопроект Кейза, фактически восстанавливавший бесправное положение профсоюзов, существовавшее до 1935 г.

В то же время президент Трумэн внес законопроект, предоставляющий правительству право в случае забастовки мобилизовать железнодорожников и рабочих правительственных предприятий, на основе законов военного времени. Законопроект Трумэна не был поставлен на голосование в конгрессе, несомненно, только из-за того, что вскоре предстояли выборы. По этой же причине президент наложил вето и на законопроект Кейза; тем не менее в июле 1946 г. он подписал законопроект Гоббса, предусматривавший тюремное заключение на срок до двадцати лет за «всякое действие, препятствующее торговле между штатами». Этот закон позволяет преследовать по суду и осуждать руководителей забастовок.

Наконец, 18 апреля 1947 г. палата представителей проголосовала за закон Тафта — Хартли, окончательно принятый 23 июня. Этот закон урезал право рабочих на стачки, ограничил практику коллективных договоров, по-

¹ «Agence économique et financière», 5 décembre 1946.

² Там же, 6 декабря 1946.

зволил властям взять под надзор руководство профсоюзов, а также запретил членам профсоюзов выбирать в свои руководящие органы коммунистов, что, по выражению «Монд»¹, «отбрасывает нас на полвека назад».

В то же время американские монополии использовали состоявших у них на службе руководителей обоих профсоюзных центров — АФТ (Американской федерации труда) и КПП (Конгресс производственных профсоюзов), — для того чтобы устранить прогрессивных руководителей из американских рабочих организаций и добиваться поддержки американским рабочим классом империалистической политики, а с другой стороны, для того чтобы вмешаться в дела международного профсоюзного движения.

Один из указанных профсоюзных центров, АФТ, оказался полностью в руках монополий; второй, КПП, входивший во Всемирную федерацию профсоюзов, имел в своих рядах прогрессивные элементы, которые даже руководили некоторыми союзами. Американский капитал потребовал от подкупленных им руководителей КПП, чтобы они ушли из Всемирной федерации профсоюзов (ВФП) и провели «чистку» всех профсоюзов, входящих в КПП, от наиболее боевых и сознательных рабочих. В январе 1949 г. КПП официально вышел из ВФП, а на своем съезде в октябре 1949 г. внес в свой устав поправки, дававшие ему право исключать из КПП прогрессивные союзы.

Вскоре после этого, в ноябре, из КПП был исключен самый крупный из этих профсоюзов — объединенный союз рабочих электротехнической, радио- и машиностроительной промышленности, ранее слившийся с профсоюзом рабочих сельскохозяйственного машиностроения. 18 февраля 1950 г. исполком КПП исключил еще четыре профсоюза: союз рабочих металлургической и горнорудной промышленности, союз рабочих сельского хозяйства и табачной промышленности, союз служащих государственных учреждений и союз конторских служащих.

Одновременно профсоюзные бонзы использовали все средства для того, чтобы перетянуть на свою сторону рабочих профсоюзов, исключенных из КПП.

¹ «Le Monde», 22 juin 1947.

До второй мировой войны американский финансовый капитал прежде всего стремился оградить американские профсоюзы от революционного влияния Европы. Эта политика приводила к «изоляционизму» американского рабочего движения по отношению к европейским профсоюзам. После 1947 г. профсоюзный изоляционизм пошел по стопам изоляционизма политического. Он превратился в активную политику интервенции, целью которой является привести рабочих других стран к покорности и расчистить путь для господства монополий Уолл-стрита.

Руководители американских профсоюзов превращаются в официальных агентов государственного департамента. Уполномоченный по осуществлению плана Маршалла в Европе Аверелл Гарриман имел все основания писать в своем послании АФТ¹:

«Американское профсоюзное движение стало по-настоящему сотрудничать в разработке внешней политики нашего государства и ее проведении».

На деле же это — сотрудничество между лошадью и всадником, а американские профсоюзные лошади оказались исключительно послушными. Государственные секретари США присутствуют на всех профсоюзных съездах, а профсоюзы одобряют такие мероприятия, проводимые на основе политики мирового господства и войны, как план Маршалла и Атлантический пакт. Они и сами сделались активным орудием этой политики, поставляя кадры для проведения плана Маршалла, обеспечивая ему «поддержку рабочих». Американский министр труда Тобин в сентябре 1949 г. заявил профсоюзным бонзам:

«Для противодействия коммунистической пропаганде, которая изображает план Маршалла либо как империалистический заговор, либо как средство, придуманное для спасения нашей же экономики, мы должны мобилизовать все силы наших граждан, которые правильно понимают задачи, стоящие перед трудящимися всего мира.

Мы направили в Европу работников министерства труда и профсоюзных лидеров и пригласили в США их европейских коллег. Кое-кто из вас сделал очень много для

¹ Бюллетень посольства США в Париже, 10 октября 1949 г.

того, чтобы рассеять опасения по поводу «намерений Соединенных Штатов»¹.

Одной из их задач было провоцировать расколы в европейских профсоюзах и в ВФП, с тем чтобы создать в противовес ей новый профсоюзный центр, подчиненный Уолл-стриту. На съезде АФТ в 1946 г. было решено ассигновать миллион долларов на деятельность АФТ за границей. Ее представителю в Европе Ирвингу Брауну и агентам КПП удалось спровоцировать раскол в рядах ВКТ во Франции и ВИКТ в Италии (образование «Форс увриер» и «КДЖИЛ»), создать в марте 1948 г. профсоюзную организацию маршаллизованных стран, консультативную комиссию (при Управлении восстановления Европы) и сколотить в декабре 1949 г., по предложению АФТ от 17 апреля 1949 г., международную организацию желтых профсоюзов, объединяющую КПП, АФТ, английские тред-юнионы и реформистские профсоюзы европейских стран.

Наконец, финансовый капитал всеми силами стремится идеологически разоружить американский рабочий класс и помешать пробуждению его классового самосознания; для этого он проповедует классовое сотрудничество и пытается доказать, что интересы американского рабочего класса связаны с интересами капиталистической системы в целом и американского империализма в частности.

Буржуазия неустанно пропагандирует так называемую «американскую систему», якобы отличную от всего того, что существует в других странах, и обеспечивающую американским рабочим более высокий жизненный уровень, чем имеют рабочие других стран.

«Американская экономическая система доказала,— заявил представитель США в ООН Уоррен Остин,— что в современном мире именно она в состоянии обеспечить самый высокий уровень жизни для наибольшего числа людей, предоставляя им в то же время наибольшую личную свободу».

Печать монополий использует столбцы газет и журналов для того, чтобы отравлять рабочий класс ядом шовинизма, внушать ему, что его интересы связаны с

¹ Бюллетень посольства США в Париже, 5 октября 1949 г.

интересами «американской системы», другими словами, с интересами крупного капитала.

«Я считаю,— сказал Стассен,— что мы, американцы, мы все: правительство, рабочий класс, фермеры, лица, занимающие руководящие посты,— должны стать решительными поборниками американской экономической системы, что мы должны устанавливать и поощрять американскую экономическую систему, в которой развивалась бы конкуренция частных капиталистов, отдельных предпринимателей и свободных рабочих...

Высшая цель американской системы на ближайшие годы должна состоять в том, чтобы обеспечить всем мужчинам, женщинам и детям Америки все, что им необходимо для существования, и давать им все больше и больше современных жизненных удобств, причем это должно достигаться таким путем, который будет расширять их личную свободу мысли и действий, укреплять их характер, давать им счастье и человеческое достоинство и одновременно будет способствовать непрерывному прогрессу всего человечества, которое должно наслаждаться всеобщим миром...

Чтобы достигнуть этой высшей цели, все мы, деловые люди, рабочие и правительство, должны относиться положительно к прибылям. Рабочие должны гордиться успехами предприятия, на котором они работают, прибыльностью этого предприятия. Прибыль — это горячее, приводящее в движение нашу хозяйственную машину, которая производит товары для населения и дает работу трудящимся. Ни правительство, ни рабочие не должны осуждать прибыль»¹.

Такие же методы применяются и для обмана средних слоев населения города и деревни. Тактика крупного капитала такова: он использует настроения независимых производителей, пытающихся защищаться от его диктатуры, и выдает себя за защитника экономической «свободы», которая ныне означает на практике свободу для американских монополий устанавливать свое господство над всем миром; точно так же он спекулирует на свойственных среднему классу идеалистических настроениях, объединяя «свободу предпринимательства» в одно понятие с «политической свободой» и «религиозной свободой»,

¹ «New York Herald Tribune», Decembre 3, 1946.

обманывая таким образом демократов и верующих, чтобы втянуть их в антисоветский крестовый поход.

«Частное предпринимательство в экономике,— заявил президент «Чэйз нейшл бэнк» У. Олдрич на 64-й сессии международной торговой палаты,— соответствует демократии в политике»¹.

Год спустя на эту же тему выступил президент Трумэн.

«Свобода» становится «боевым конем» американского финансового капитала в его идеологической борьбе за укрепление своей диктатуры в США и распространение ее на весь мир. Во имя «свободы» он требует отмены таможенных барьеров и двусторонней торговли, которые мешают ему захватывать иностранные рынки.

«Для того чтобы частное предпринимательство могло существовать и дальше,— говорил Олдрич в уже цитированной речи,— надо как можно скорее отменить контроль над торговлей как в отдельных странах, так и в международном масштабе. Многосторонняя торговля может существовать только в условиях частного предпринимательства. Широкий государственный контроль ведет к двусторонней торговле».

Лозунгом «свободы» они оправдывают и свою политику интервенции.

«Международные события,— говорится в одном из докладов Комитета экономического развития,— связывают нас с другими народами. Регламентировать международную торговлю — это значит согласиться и на регламентацию нашей же внутренней торговли. Если бы за границей социальный строй, основанный на частном предпринимательстве, потерпел неудачу, нам было бы с каждым днем все труднее сохранять эту систему у себя. Мы поборники свободы в мире; мы несем ответственность за ее успехи и поражения не только перед самими собой, но и перед другими народами»².

Верный выразитель воли монополий президент Трумэн заявил 15 мая 1950 г.: «На нас лежит моральный долг защищать свободу и у себя и в других странах»³.

¹ «Agence économique et financière», 21 juin 1946.

² «Le Monde», 9 octobre 1948.

³ Речь в Чикаго, США, 16 мая 1950 г.

Фашистский демагог из Луизианы Хью Лонг был не так уж неправ, когда предсказывал, что США когда-нибудь станут фашистским государством, но будут называть это антифашизмом. ?

Монополисты Уолл-стрита защищают перед массами американского народа свои империалистические цели, пытаясь убедить американское общественное мнение в том, что «свобода», как они ее понимают, то есть свобода для сильных душиТЬ слабых, является чем-то специфически американским, что ее следует защищать против всех, стремящихся нанести ей ущерб изнутри или извне, и что эта свобода заслуживает того, как сказал Трумэн, чтобы за нее шли на смерть.

Таким путем крупные капиталисты стараются насаждать и развивать во всех слоях общества американский шовинизм, но теперь уже не изоляционистский, а экспансионистский, наступательный. Они утверждают, что экономический и общественный строй США нигде не существовал и не существует, что он составляет часть национального достояния и что поэтому на США возложена «миссия» распространять этот чудесный «образ жизни» на весь мир и превратить XX век в «американский век».

«Чтобы XX век,— пишет владелец большого журнала «Лайф» Генри Р. Люс,— стал веком благородства, здоровья и силы, он должен быть в значительной мере веком американским... Перспективы энергичного руководства мировой торговлей со стороны США открывают огромные возможности для прогресса человечества, ошеломляющие человеческое воображение. Например, в нашем представлении Азия имеет для нас ценность, выражающуюся всего в нескольких сотнях миллионов долларов в год. В действительности же в течение ближайших десятилетий Азия либо вовсе не будет для нас иметь никакой ценности, либо будет давать нам четыре, пять, десять миллиардов долларов в год»¹.

Но теперь крупный капитал понял, что американизация земного шара немислима без политического господства. Журналисты и прочие идеологические прислужники капиталистов развивают идею мирового политического

¹ «Life», 17 February 1941 и «New York Times», 4 March 1941.

господства США. Об этом говорят брошюры и книги, агитирующие за мировое государство, вроде «Анатомии мира» Эмери Ривса, «Один мир или никакого» Буллита.

Самый циничный лакей крупного капитала Дж. Бернхэм в своей книге «За мировое господство» становится в позу теоретика новой экспансионистской политики Уолл-стрита. «Судьба предназначила США господство над миром,— заключает он.— В этом их назначение и больше ни в чем»¹. Этот новый Розенберг* американского империализма уточняет подлинную цель американской внешней политики в другом своем сочинении: «Предстоящее поражение коммунизма».

«Незачем,— пишет он,— укрываться за абстрактными рассуждениями о «мире» и «международном праве», о «дружбе» и «сотрудничестве». Эти туманные идеи отражают глубокие колебания. Мы не решаемся признать основное, а именно, что для внешней политики США существует только одна цель: уничтожить коммунизм».

Все эти рассуждения преследуют единственную цель — убедить каждого американца гордиться тем, что он родился в США, что он обладает единственной в мире «системой» и «образом жизни».

Все помпезнее празднуются «недели» и «дни» американского гражданина. Они показывают, как под покровом демократии проповедуется шовинизм. В 1947 г. президент Трумэн заявил в своем послании, что эти «дни» празднуются с целью «помочь нашим гражданам понимать свои права и обязанности». «Американский гражданин должен проникнуться гордостью гражданина древнего Рима, а следовательно, считать совершенно законным, чтобы его банки и крупные промышленные компании господствовали над всем остальным миром. Восхваление экономической и военной мощи США призвано укреплять веру в их цивилизаторскую миссию».

¹ J. Burnham, *Route une domination mondiale*, французский перевод, стр. 332.

* Альфред Розенберг, приговоренный Международным военным трибуналом в числе других главных немецких военных преступников к смертной казни, был главой внешнеполитического отдела нацистской партии. (Прим. ред.)

«Мы взяли на себя,— заявил Трумэн 11 июня 1949 г.,— ответственность, которую, на мой взгляд, бог хотел возложить на нашу великую республику еще после первой мировой войны. Мы взяли на себя огромную ответственность, которая соответствует нашей исключительной мощи... Мы должны неустанно идти вперед, веруя в успех миссии, предназначенной нам божественным провидением»¹.

Таким образом, диктатура монополий стремится убить в США всякую живую и прогрессивную мысль и установить власть чудовищной политической и интеллектуальной реакции. Газеты, книги, кино и радио, находящиеся полностью в руках крупного капитала, стремятся привить массам зверские инстинкты (фильмы о гангстерах, детективные романы, порнографическая литература). Независимые киноработники Голливуда брошены в тюрьмы. Происходит систематическое натравливание одной расы на другую², разжигается военная истерия, милита-

¹ Речь, произнесенная в Литтл Рок (Арканзас), Бюллетень посольства США в Париже, 13 июня 1949 г.

² «1946 год,— пишет газета «Le Monde»,— отмечен усилением расистского террора. Речь идет уже о стихийном расизме американцев, который привел к материальной и моральной изоляции 13 млн. негров. Идеологи «превосходства белого человека» выражают теперь свои взгляды посредством дубинки и револьвера. На Юге выборы в этом году сопровождались актами насилия, судами Линча, которые стоили жизни многим неграм. В протесте, врученном президенту Трумэну, знаменитый негритянский певец Поль Робсон подчеркнул, что со времени окончания войны 40 негров были убиты без малейшей к тому причины. Инициатором всех этих расправ является пресловутый Ку-клукс-клан, чье новое появление на сцене, повидимому, не вызвало никакого беспокойства у властей. Напротив, сенатор Бильбо не постеснялся публично одобрить деятельность Ку-клукс-клана, а председатель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Рэнкин заявил, что не хочет вмешиваться в эти дела. Помимо Ку-клукс-клана и убийц, состоящих на службе у избирательных комиссий, появилась новая организация, так называемые «колумбийцы». Правда, речь идет пока только о нескольких сотнях молодцов, форма которых напоминает форму эсэсовцев с эмблемой в виде красной молнии, очень похожей на эмблему гитлеровских войск. Убийцы негров, антисемиты, враги демократии воскрешают лозунги Геббельса. Убив нескольких негров в Атланте, «колумбийцы» вызвали к себе враждебное отношение населения, и большинство из них было арестовано. Общественное мнение встревожено этой террористической деятельностью. К несчастью, одно важное обстоятельство мешает борьбе с подобными преступлениями. Дело в том, что, согласно конституции, уголовные дела подлежат

ризируется школа¹, для того чтобы превратить всех американцев в роботов, покорно подчиняющихся эксплуатации их крупным капиталом и его политике мирового господства.

II. Внешняя политика

За границей американский финансовый капитал преследует две основные цели: закабалить своих капиталистических партнеров и ликвидировать происшедшее во время войны изменение в соотношении сил между социалистическим и империалистическим лагерями.

Закабаление капиталистических партнеров

В условиях неравномерности развития капитализма в 1940—1945 гг. в США и других капиталистических странах американский империализм стремился прежде всего использовать до конца свое монопольное положение, создавшееся в результате устранения двух своих самых опасных конкурентов — Германии и Японии — и ослабления капиталистических партнеров (Англии и Франции);

юрисдикции штатов. Но большинство расследований, начатых местными властями, было прекращено по той причине, что терроризированное население отказывалось давать показания или же полиция проявляла преступную бездеятельность».

¹ В докладе, опубликованном национальным советом борьбы против введения воинской повинности, 26 видных американских деятелей, в том числе писатель Луис Бромфильд, физик Альберт Эйнштейн, методистский епископ Джеральд Кеннеди и председатель национального союза земледельцев Джемс Патон, заявляют, что разгул милитаризма в американских университетах и колледжах принял тревожные размеры. Военное министерство, говорится в докладе, хочет заручиться поддержкой влиятельных кругов и протащить идею подготовки к войне. Военные органы дают учебным заведениям субсидии для ведения исследовательской работы. В связи с этим правительство предприняло проверку студентов и преподавателей, а бюджеты некоторых учебных заведений все больше и больше зависят от военных ассигнований.

В настоящее время военные науки преподаются на сотне с лишком факультетов, тогда как лекции о мире читаются только в трех учебных заведениях во всей стране.

Во главе некоторых университетов стоят военные, например ректором Колумбийского университета является Эйзенхауэр.

закрепить затем завоеванные благодаря войне позиции и максимально усилить их, распространив свое политическое и экономическое господство на все капиталистические страны.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОНОПОЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ,
СОЗДАВШЕГОСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОЙНЫ

Рост производственных мощностей и накопление финансовых резервов в условиях, когда во всем остальном мире стало меньше и товаров и денег, а Европа перестала выступать в качестве конкурента, позволили американским компаниям сразу после окончания военных действий еще больше увеличить свой производственный потенциал в США, завоевать внешние рынки, расширить возможности капиталовложений за границей, захватить источники сырья в других странах,— короче говоря, укрепить свои монопольные позиции как внутри страны, так и во всем мире. Таким образом, влияние войны на развитие американских монополий не прекратилось сразу же. Непосредственные результаты войны принесли им новые доходы.

Прежде всего они захватили патенты, принадлежавшие их германским соперникам. Как только американская армия вступила в Германию, представители крупных компаний, облаченные в военную форму и пользовавшиеся услугами инженеров-специалистов, проникли в учреждения, где хранились патенты. Затем американское правительство и оккупационные власти приступили к методическим поискам германских изобретений.

К осени 1946 г. было заснято на микроплёнку три с половиной миллиона страниц различных германских документов.

Американские и английские власти захватили около 200 тыс. германских патентов; к ним надо еще прибавить 45 тыс. патентов и описаний производственных процессов, которые принадлежали германским и японским подданным и были переданы США или захвачены ими в оккупированных районах. Как заявил заведующий отделом патентов федерального управления по секвестрам Декстер Норт, начиная с октября 1945 г. 760 американских компаний получили право использовать 9366 патентов, принадлежавших германским подданным и передан-

ных США. Американские монополии таким образом возобновили прибыльные операции 1918 г., однако на этот раз в более крупных масштабах.

К этому надо прибавить ограбление побежденных стран, в частности вывоз из Германии железного лома, который был переработан в США в сталь, а затем продан по высоким ценам¹. Так американские стальные монополии извлекали из войны двойную выгоду: сначала они создавали самолеты и бомбы, превращавшие европейские заводы, железные дороги и здания в лом, а затем перерабатывали этот лом в сталь. В конце 1947 г. компания «Бетлехем стил» купила под видом лома миллион тонн военных материалов, которые американское правительство продало Чан Кай-ши². Так эта компания дважды продала американскому правительству одну и ту же сталь и каждый раз получала огромную прибыль. Этот пример как нельзя лучше разоблачает чудовищно паразитическую роль монополий в условиях современного капитализма.

Но и это еще не все. Используя накопленные за время войны резервы, крупные американские компании скупили за бесценок построенные на государственные средства ультрасовременные заводы и тем самым еще больше укрепили свое монопольное положение.

В 1945 г. крупные промышленные компании приобрели государственные заводы на сумму свыше одного миллиарда долларов. Завод в Женеве (штат Юта), стоивший 200 млн. долл., был продан за 48,5 млн. долл. компании «Колумбия стил», являющейся дочерним предприятием «Юнайтед Стейтс стил К⁰». В июне 1946 г. другое дочернее предприятие той же компании, «Карнеджи Иллинойс стил», приобрело за 65 млн. долл. три сталелитейных завода (в Дюкене, Хомстеде и Бреддоке, в штате Пенсильвания), которые обошлись государству в 120 млн. долл. и давали свыше 6 млн. т стали в год, а компания «Рипаблик стил» в декабре 1946 г. купила за 35 млн. долл.

¹ 9 сентября 1948 г. представители предприятий, занимавшихся переработкой лома, создали единую скупочную компанию, чтобы организовать и ускорить импорт лома в США из Германии. В тот же день чиновники министерства торговли определили наличные запасы лома в 15 млн. т.

² «Agence économique et financière», 2 janvier 1948.

с рассрочкой на 20 лет сталелитейный завод, стоимостью в 91 млн. долл. в районе Чикаго.

Одновременно монополии расширяют и реконструируют свои старые заводы. Вложения в основной капитал за три года (1946—1948) достигли 47 млрд. долл., то есть в среднем 15 800 млн. долл. в год; это значительно превышает прежний максимум в 9100 млн. долл., достигнутый в 1929 г. Американское сельское хозяйство также использовало отсутствие конкуренции и дало больше продукции, чем в рекордный военный год. Все это приводит к усилению мощи монополий внутри США и к значительному усилению позиций американской промышленности, торговли и американского капитала во всем капиталистическом мире.

Таблица 17
ДОЛЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В МИРОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
(в %)*

	1937 г.	1947 г.
Электроэнергия	36,1	45,6
Нефть ^а	68,7	65,4
Уголь и лигнит	36,0	47,7
Сталь	43,8	63,7
Чугун и ферросплавы	41,9	62,1
Медь	37,3	38,7
Цинк	31,0	44,3
Свинец	28,3	36,2
Автомшины	78,2	84,7
Цемент	27,5	42,3

* Без СССР. (Прим. ред.)

^а Речь идет о добыче нефти в США. После 1937 г. крупные американские нефтяные компании развивали добычу главным образом за границей. Этим и объясняется снижение американской доли мировой добычи нефти.

Источник: O. N. U., Les changements principaux dans le domaine économique en 1948; Lake Success, janvier 1949.

В 1947 г. индекс промышленного производства капиталистического мира без США составил 94 (1937 г. = 100) против 102 в 1938 г., то есть был ниже довоенного; в США за те же годы он повысился с 79 до 165¹. Доля американской промышленности в мировом производстве некоторых важнейших товаров показана в табл. 17.

В то же время США значительно укрепили свое положение крупнейшего в мире экспортера товаров. С 1937 по 1947 г. их доля в мировом экспорте выросла с 1/8 до более чем 1/3.

Благодаря отсутствию конкуренции со стороны европейских стран они захватили рынки Америки и Азии. Например, их доля в импорте стран Дальнего Востока возросла с 16,7% в 1938 г. до 48% в 1947 г. В Европе американский уголь занял место английского; экспорт текстиля из США составил в 1947 г. 40% мирового экспорта текстиля, против 4% до войны.

США не только повысили еще больше свой удельный вес в мировом экспорте по сравнению с другими промышленными странами, но и заняли место Аргентины в качестве крупнейшего в мире экспортера зерна.

Таблица 18

МИРОВОЙ ЭКСПОРТ ЗЕРНА

Страны	В процентах		В тыс. т	
	1935—1938 гг.	1947—1948 гг.	1935—1938 гг.	1947—1948 гг.
Аргентина . .	36	20	10 466	7 125
Канада . . .	16	17	4 783	5 750
Австралия . .	10	9	2 931	3 201
США	2	44	598	15 323
Все остальные страны . .	36	10	10 650	3 604
Итого . .	100	100	29 428	35 003

¹ O. N. U., Les changements principaux dans le domaine économique en 1948; Lake Success, janvier 1949.

Наконец, если во время войны США стали единственной в мире страной-кредитором, то в результате войны же они сделались за время с 1945 по 1948 г. уже не крупнейшим, а единственным экспортером капитала в мире. На протяжении этого периода вывоз капитала превышал его ввоз, помимо США, в одной только Канаде.

Таблица 19

«ДАРЫ» И ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕДИТЫ
В 1945—1949 гг.
(в млн. долл.)

Год	«Дары»	Кредиты	Международный валютный фонд	Международный банк	Всего
1945 (с 1 июля)	2 015	681	—	—	2 696
1946	2 289	3 245	—	317	5 851
1947	2 049	4 183	2 750	317	9 299
1948	4 078	1 444	—	—	5 522
1949.	5 286	690	—	—	5 976
Итого. .	15 717	10 243	2 750	634	29 344

Источник: Министерство торговли, Survey of current business, April 1950, p. 20.

Государственные кредиты стоят в этом экспорте на первом месте. С 1 июля 1945 г. до конца 1949 г. американское правительство предоставило иностранным государствам в виде субсидий и кредитов 25 960 млн. долл., а Международный банк и Валютный фонд — 3384 млн., то есть всего 29 344 млн. долл.¹ С другой стороны, две крупнейшие в прошлом финансовые державы — Англия и Франция, — которые после первой мировой войны обошлись без американских кредитов и снова стали экспортерами капитала, сейчас превратились в импортеров капитала и в должников США.

¹ Министерство торговли: Survey of current business, April 1950, p. 20.

С 1 июля 1945 г. до ноября 1948 г. Англия получила 5942 млн. долл. от США, 1640 млн. долл. от других стран и 300 млн. долл. от международных организаций (Международный банк и др.), то есть всего 7882 млн. долл.¹ Вывезла же она капиталы на сумму 2659 млн. долл. Таким образом, в Англии чистый импорт капитала составил 5223 млн. долл.

Франция за тот же период получила 4924 млн. долл., в том числе 3379 млн. долл. от США, а вывезла всего 10 млн. долл.; таким образом чистый импорт капиталов составил 4914 млн. долл.¹

Новым явлением в области государственного кредитования были в этот период так называемые «дары»*, игравшие очень важную роль: их общая сумма превысила сумму капиталов, подлежащих возврату и приносящих процент. Но несмотря на это, задолженность иностранных государств правительству США к июню 1949 г. составила 9195 млн. долл.; к этой сумме надо прибавить проценты за время с 1950 по 2000 г., которые составят 4230 млн. долл. Таким образом, общая задолженность будет равна 13 400 млн. долл.

Страны — участницы плана Маршалла должны будут погасить предоставленные им до 30 июня 1947 г. кредиты в размере 8116 млн. долл. и уплатить по ним в виде процентов еще 3960 млн. долл. Двумя основными должниками США по плану Маршалла являются Англия и Франция. Первая из них должна вернуть 4778 млн. долл. и уплатить, кроме того, 2756 млн. долл. процентов; вторая — 2520 млн. долл. и 751 млн. долл. процентов².

¹ O. N. U., Les changement principaux dans le domaine économique en 1948, N. Y., janvier 1949.

* Часть поставок по плану Маршалла, названная американскими шейлоками с присущим им лицемерием «дарами», в действительности производится отнюдь не безвозмездно. Эти поставки оплачиваются в местной валюте, которая депонируется в банке и находится в полном распоряжении США.

Американские дельцы таким образом вдвойне наживаются на подобной «помощи»: во-первых, получая за свои товары доллары от американского правительства за счет американских налогоплательщиков; во-вторых, получая в свое распоряжение значительные суммы в валюте маршаллизованных стран за счет потребителей этих стран. (Прим. ред.)

² Министерство торговли, Survey of current business, November 1949.

Таким образом, благодаря войне США стали единственным государством-рантье *. В 1952 г. они должны будут получить в погашение кредитов и займов 500 млн. долл. ¹

Экспорт частных капиталов, прерванный кризисом и войной, возобновился в 1945 г. Он производится главным образом в форме прямых вложений, то есть в форме вложений в дочерние предприятия американских компаний или в форме участия в иностранных компаниях.

Таблица 20
ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЧАСТНЫЕ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ
(в млн. долл.)

	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Прямые вложения	} 896	1 117	1 130	1 312
Прочие			227	279
Итого	896	1 117	1 357	1 591
Обязательства Международного банка реконструкции	—	—	243	8
Всего	869	1 117	1 600	1 599

Источник: Министерство торговли, Survey of Current Business, March, June 1949 г.

В 1947 г. прямые капиталовложения составили 90% всех долгосрочных вложений за границей. По сравнению с периодом 1920—1929 гг. здесь наблюдается известное изменение, отражающее рост концентрации капитала в США: в 1947 г. 75% чистого экспорта капитала пришлось на долю всего лишь 10 компаний. С другой стороны, если в 1920—1929 гг. половина вывозимого капитала добывалась путем продажи ценных бумаг на рынке, сейчас

* См. примечание на стр. 124. (Прим. ред.)

¹ Министерство торговли Survey of Current Business, March, June, 1949 г.

основная его масса черпается из внутренних ресурсов компаний. Наконец, число экспортирующих компаний и импортирующих стран очень сильно сократилось.

Что касается географического распределения частных капиталовложений, то они направлялись главным образом в Латинскую Америку, Канаду и в страны Ближнего Востока. Американский капитал попрежнему вкладывается в основном в добычу сырья (железной руды¹, цветных металлов и, в первую очередь, нефти).

В Южной Америке объем американских частных долгосрочных капиталовложений вырос с 3700 млн. долл. в 1941 г. до 5720 млн. долл. в середине 1948 г. Благодаря войне общий объем вложений, сократившийся в результате кризиса 1929 г. (с 5200 млн. долл. в 1930 г. до 3700 млн. долл. в 1941 г.), вновь восстанавливается. В Канаде прямые капиталовложения в промышленность возросли с 1881 млн. долл. в 1941 г. до 2544 млн. долл. в 1947 г., причем на долю компаний, контролируемых американским капиталом, приходилось в 1947 г. 37% всех вложений в канадскую промышленность.

В авангарде этой компании шли нефтяные тресты, на долю которых падало три четверти всего экспортированного капитала. Их доля в общей сумме американских капиталовложений за границей выросла с 18% в 1945 г. до 26% в 1948 г. В Венесуэле добыча нефти американскими компаниями увеличилась с 245 млн. в 1945 г. до 345 млн. баррелей в 1948 г., а в Саудовской Аравии — с 35 млн. до 185 млн. баррелей. Используя изменившуюся за время войны обстановку, американские нефтяные монополии вновь переходят в наступление на английские (табл. 21).

В 1928 г. участники «Ирак петролеум К^о» — американские компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Сокони вакуум», контролируемые Рокфеллером, французская «Компани франсез де петроль», английская «Англо-иранская компания» и англо-голландская «Роял Датч Шелл» заключили так называемое «соглашение о красной черте», обязывающее их не эксплуатировать

¹ Богатые залежи железной руды, открытые на острове Лабрадор и в Венесуэле, попали в руки двух крупнейших американских объединений металлургической промышленности: «Бетлехем стил» и «Юнайтед Стейтс стил».

самостоятельно нефтяные месторождения, находящиеся в границах определенного района, то есть на всей территории бывшей Оттоманской империи. В декабре 1946 г.

Таблица 21

ПРЯМЫЕ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ США
(чистый экспорт, в млн. долл.)

Год	Всего	Нефть	В Латинской Америке	
			всего	нефть
1945	100	88	140	71
1946	140	158	56	104
1947	717	502	460	284
1948	793	545	318	224

Источник. Министерство торговли, Survey of Current Business, November 1949.

обе американские компании, считая, что соотношение сил изменилось в их пользу, нарушили свои обязательства и приобрели 40% акций американской «Арабиан-американ ойл компани», которая также находится под контролем Рокфеллера, имеет концессию в Саудовской Аравии, но не входит в «Ирак петролеум К°». В то же время «Англо-иранская компания» согласилась продать часть своей нефти в Иране компаниям «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Вакуум ойл». Американские компании должны были построить два нефтепровода для перекачки нефти с побережья Персидского залива на Средиземноморское побережье. Таким образом, американский консорциум¹ стал почти полностью распоряжаться эксплуатацией нефтяных месторождений и сбытом нефти на Среднем Востоке. В первом квартале 1950 г. доля американских компаний в мировой добыче нефти за пределами США (без СССР) достигла 44,6%.

Американский капитал проникает и в Южную Америку. В августе 1946 г. одно из крупнейших горнорудных предприятий перешло под контроль американских банков

¹ «Стандард ойл оф Калифорния», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Сокони вакуум» и «Техас ойл».

Ладенбург-Тальман и «Лазар бразерс». В начале 1950 г. эти банки обеспечили себе участие в компании «Юнион миньер дю От Катанга», которой принадлежат урановые рудники Бельгийского Конго.

Меньше всего капиталовложений делалось в Европе. Это объясняется политической «ненадежностью» европейских стран, малой емкостью национальных рынков и необратимостью валют. Все эти препятствия пытается устранить план Маршалла. Почти все вложения американских компаний направлялись в их дочерние предприятия в Европе. Таким образом, американский капитал добивался в основном расширения позиций, которые он занимал уже до войны. Во Франции это главным образом касалось таких отраслей, как добыча нефти, производство электрического оборудования и сельскохозяйственных машин¹, причем в последней области американская экспансия проявляется наиболее активно. «СИМА» (дочернее предприятие «Интернейшнл харвестер К°») начиная с 1949 г. вкладывает средства в строительство нового завода в Сен-Дизье и увеличивает мощность двух своих других заводов. Общая сумма этих вложений составит 4550 млн. франков. Компания рассчитывает выпускать ежегодно 7 тыс. 20-сильных тракторов, которые будут конкурировать с тракторами Рено. «Американо-канадская компания» расширяет свои заводы, чтобы выпускать 4 тыс. тракторов в год. Американская компания «Аллис Чалмерс» также заинтересована в организации производства во Франции. Таким образом, большая часть производства тракторов во Франции окажется в руках американских компаний (в 1949 г. французскими предприятиями было выпущено всего 17 259 тракторов).

По данным, собранным газетой «Монд»², с 1945 по 1949 г. американские компании вложили 10 млрд. франков в предприятия, которые они контролировали до войны,

¹ Компании «Клебер — Коломб» и «Коломб — Тезероп», дочерние предприятия фирмы «Б. Ф. Гудич и К°», увеличили свой капитал с 500 млн. до 1400 млн. франков и с 20 млн. до 300 млн. франков; французский «Форд» увеличил капитал до 1050 млн. франков; «КИМА» (тракторы Мак-Кормика) — до 1750 млн. франков, «Стандард Франсез де петроль» (Рокфеллер) — до 5600 млн., «Сокони вакуум» — до 23 865 млн., «Альстом» — до 1100 млн. франков и т. д.

² «Le Monde», 24 Septembre 1949.

из них 5 млрд. франков — в нефтяную промышленность и 3 млрд. — в металлургию, машиностроение, радио- и электротехническую промышленность. Таким образом, американский капитал усилил свои позиции во французской экономике. Так, мощность американских нефтеочистительных заводов во Франции увеличилась с 18,5 до 26% общей мощности.

Что же касается французских компаний, то американский капитал предпочел заключать с ними соглашения о патентах, чем поглощать их целиком¹.

Используя свои старые и новые капиталовложения, частный американский капитал взимает с остальных стран капиталистического мира дань, которая в 1947 г. составила миллиард долларов, а в последующие годы превысила и эту сумму².

СТРЕМЛЕНИЕ К УКРЕПЛЕНИЮ МОНОПОЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Поток американских товаров и капиталов мог направиться за границу только при условии устранения препятствий, которые сдерживали его после кризиса 1929 г. (контингентирование торговли, валютное и таможенное законодательство, необратимость валют, контроль над валютой). Как мы уже видели, устранение таких препятствий было одной из целей, которые ставил себе американский империализм в войне. Однако война не улучшила условий международной торговли, а, наоборот, лишь ухудшила их. «Капиталистическое пространство» сократилось, все европейские капиталистические страны обнищали, ры-

¹ Для примера можно привести соглашение о «технической помощи», заключенное компанией «Реджирс пейпер», и предприятиями Друэ в Париже в отношении производства под высоким давлением пластических масс; компания «Испано-Суиза» производит моторы «Геркулес-Дизель» по лицензии компании «Геркулес корпорейшн», находящейся в Кантоне (штат Огайо); компания «Форж э Асиери де ла Маринэ д'Омекур» заключила соглашение с американской компанией «Эймко» и т. д.

² Доходы от частных капиталовложений за границей составили:

Год	Млн. долл.
1946	789
1947	1 050
1948	1 273
1949	1 225

нок сузился и, таким образом, условия для экспорта американских товаров и капиталов стали хуже. В интересах капиталистических стран Европы надо было не смягчать контроль над валютой, а усилить его, сокращать импорт из США, заключать между собой двусторонние торговые договоры и развивать торговлю с социалистическим сектором, другими словами, отказаться от торговли с США и препятствовать экспорту американского капитала. Таким образом, довоенное противоречие между Германией и США превратилось в общее противоречие между всеми обедневшими капиталистическими государствами, с одной стороны, и нажившимся на войне американским империализмом — с другой. Возникло явное противоречие между американской экспансией (стремление вывозить товары в огромном количестве, не допуская ввоза) и необходимостью для европейских капиталистических государств сбалансировать свою торговлю и восстановить свое хозяйство. Существовало также противоречие между стремлением американского империализма сохранить создавшееся во время войны монопольное положение и задачей восстановления промышленности и сельского хозяйства Европы на основе независимости.

Американский империализм прилагал все усилия к тому, чтобы любой ценой воспрепятствовать этому восстановлению, заставляя своих капиталистических партнеров поглощать избыточные американские товары и соглашаться на захват своих национальных богатств американским капиталом.

Но провести подобные меры, явно противоречащие национальным интересам этих стран, можно было лишь путем принуждения. Согласиться на них могли только вассальные правительства, государства-сателлиты. Американский империализм в интересах своей экспансии требовал слияния всех национальных рынков в единый мировой рынок, но для этого нужна была вассализация всех капиталистических стран Европы, и главным образом самой мощной из них — Англии. Таким образом, противоречие между английским и американским империализмом вступило в новую фазу.

После войны Англия осталась фактически единственным капиталистическим конкурентом США. Ее изменившееся экономическое положение вынуждало ее

использовать методы торговой экспансии, применявшиеся нацистской Германией. Будучи крупнейшим в мире импортером промышленного сырья и сельскохозяйственных продуктов, она, в отличие от США, могла развивать торговлю с аграрными и полукOLONиальными странами на двусторонней основе, покупая у них сырье и поставляя им взамен промышленные товары. Иначе говоря, она могла, как и довоенная Германия, покрывать свой импорт сырья экспортом промышленных товаров. Ее задолженность доминионам, Египту и Индии, также не препятствовала ей конкурировать с другими странами в торговле, так как она могла обусловить выплату своего долга в рассрочку обязательством своих кредиторов покупать английские товары. Однако подобная политика ликвидировала бы две важнейшие статьи американской торговли: экспорт сырья и полуфабрикатов в Англию и промышленных товаров в полукOLONиальные страны.

Но это еще не все. Английский империализм имел также возможность взять на себя руководство разоренными капиталистическими странами Европы, чтобы создать блок капиталистических государств между СССР и долларовым блоком. Внесенное Черчиллем в 1940 г. предложение о слиянии британской и французской империй; нашумевшая речь маршала Сметса 2 декабря 1943 г. о разделе мира после войны на три блока (американский, английский и советский); оккупация Рура английской армией; кампания, начатая в 1945 г. английской прессой и, в частности, важным органом Сити — журналом «Экономист» в пользу «западного блока» — «оси Бирмингам — Эссен» — были вехами на этом пути.

«Западная Европа — писал «Обсервер» 25 февраля 1945 г., защищая концепцию западного блока под гегемонией Англии, — с точки зрения обороны, представляет такое единство, которое сможет дать эффективный отпор нападению только при условии, что эти страны включатся в единую военную организацию. Не будучи пока в состоянии состязаться с США и Россией ни в мощи, ни в численности своих вооруженных сил, Великобритания рискует занять в концерте держав только второстепенное положение; другое дело, если бы она смогла объединить под своей эгидой Францию и другие западные государства, найдя способ выступить всегда совместно».

В июне 1946 г. депутат английского парламента консерватор Роберт Бутби представил план объединения в «пул» промышленности Западной Германии, Бельгии, Люксембурга, северной и восточной Франции и Англии. 11 октября того же года маршал Сметс заявил в голландском парламенте, что «европейские страны, объединенные по признаку однородности, образовали бы огромный промышленный и экономический блок, обладающий исключительной мощью на мировом рынке».

Американскому империализму, очевидно, следовало пресечь эти поползновения с самого начала. Но он мог сделать это только силой, низведя английский империализм к положению вассала.

Стало ясно, что для закрепления созданного войной монопольного положения США было уже недостаточно тех орудий мирового господства, которые были предусмотрены еще во время войны на конференции в Бреттон-Вудсе — создание Международного банка реконструкции, Международного валютного фонда и Международной организации торговли. Американскому империализму нужно было поставить каждую капиталистическую страну в отдельности в прямую от себя зависимость, и притом более жесткую. Он рассчитывал достигнуть этого путем предоставления правительством займов, которые как по форме, так и по условиям носили бы кабальный характер. Таковы займы Англии (6 декабря 1945 г.), Франции (28 мая 1946 г. и в декабре 1947 г.), временная помощь Австрии и Италии, Греции и Турции (6 марта 1947 г.), наконец, кредиты по плану Маршалла тринадцати европейским странам, территориям, оккупированным американской армией (Западная Германия, Австрия, Триест, Япония, Южная Корея), а также Чан Кай-ши.

С помощью этих займов американские капиталисты намеревались:

1. С самого начала сохранить экспорт своих избыточных товаров на высоком уровне военного времени и, наводняя ими европейский рынок, помешать или затормозить таким образом восстановление соответствующих отраслей хозяйства в Европе.

2. В дальнейшем закрепить это положение, заставляя зависимые в финансовом отношении от США страны проводить такие экономические и политические мероприятия,

которые способствовали бы массовым вложениям частных американских капиталов в отрасли народного хозяйства стран Европы (метрополий и зависимых территорий), с тем чтобы закрепить и усилить монопольное положение американского капитала во всем мире и превратить все капиталистические страны в полукolonии американского финансового капитала.

Таким образом, эти займы США представляют собой не обычные финансовые соглашения, а орудие намеренной вассализации. Это не договоры между суверенными государствами, а диктаты, навязанные сюзереном вассальным странам. Американский империализм применяет по отношению к буржуазии европейских стран политику силы, вынуждая ее постепенно жертвовать своей независимостью. В одной руке он держит пачку долларов, в другой — дубинку, подобно дрессировщику собак, который стоит перед пуделем с куском сахара в левой руке и с хлыстом в правой. Это та же политика «толстой палки» и финансового протектората, которую американский империализм проводил в Латинской Америке во времена Теодора Рузвельта; только теперь она усовершенствована и применяется по отношению ко всему капиталистическому миру.

Эти займы предоставляются не на основе равноправия сторон, не в результате свободного обсуждения их размера, сроков, условий погашения, характера и количества поставляемых товаров. Наоборот: должник подписывает соглашение вслепую, предоставляя затем американскому конгрессу и правительству решать, сколько долларов будет ассигновано и какие товары будут экспортироваться. Американское же правительство имеет право в любой момент прекратить выполнение соглашения, если ему не понравится внешняя или внутренняя политика страны, получившей заем. К этому шантажу добавляется еще действие системы так называемого «специального или эквивалентного фонда». Товары, направляемые европейским странам под видом «даров», не распределяются бесплатно, а распродаются правительством каждой страны своему населению. Полученные таким образом суммы вносятся на специальный счет, который чаще всего включается в государственный бюджет как статья дохода. Но эти суммы могут быть использованы только с разрешения правитель-

ства США и по его усмотрению. А правительство США позволяет использовать эти суммы лишь мелкими порциями, чтобы держать европейские страны в своих руках¹.

Таким образом финансовой политикой маршаллизованных стран управляет непосредственно Вашингтон. Как утверждала «Нувель газет де Цюрих» 17 января 1949 г.: «Можно, следовательно, констатировать, что в результате действия плана Маршалла возникла особого рода тесная органическая взаимозависимость между помощью извне и внутренней финансовой политикой; эта взаимозависимость особенно наглядно проявляется во Франции...»

Зависимость, однако, не ограничивается финансовой политикой; она распространяется на всю политику данной страны. Это признал английский еженедельник «Экономист», который писал 18 декабря 1948 г.:

«Поскольку участь французской программы капиталовложений зависит от решений об использовании специального фонда, которые принимаются из месяца в месяц чиновниками Управления европейского сотрудничества, американцы фактически сохраняют за собой возможность решать, кто будет управлять Францией...»

Неудивительно поэтому, что кредиты предоставляются лишь после того, как в составе правительства производятся изменения в соответствии с требованиями Вашингтона. С октября 1946 г. Франция добивалась от Международного банка реконструкции кредита в 500 млн. долл., но получила всего 250 млн. долл. и притом лишь 12 мая 1947 г., то есть через неделю после удаления министров-коммунистов из кабинета Рамадье.

Тактика американских империалистов состояла в том, чтобы сначала использовать экономические и финансовые затруднения своих главных партнеров (Англии, Франции) в момент окончания военных действий, навязать им импорт избыточных американских товаров и вынудить их подписать кабальные договоры, затем усугубить их затруднения и заставить их просить новых займов, которые

¹ Например, в 1948 г. во Франции было использовано 140 млрд. франков в следующем порядке: 25 млрд. франков — 2 апреля, 45 млрд. — 7 октября, 25 млрд. — 4 ноября и 45 млрд. франков — 27 декабря. В 1949 г. 263 млрд. франков было использовано в 9 приемов: в мае, июне, июле (2), августе (2), сентябре, октябре и декабре.

выдаются им маленькими суммами, как кусочки сахара дрессируемой собаке, и притом всякий раз в обмен на какую-нибудь частичку их суверенитета.

Использование затруднений, испытываемых капиталистическими партнерами

Система «ленд-лиза», то есть поставки своим капиталистическим партнерам товаров без немедленной оплаты, позволила США вытеснить прежних поставщиков Англии, снабжавших ее основными видами промышленного сырья и продовольствия. Таким образом Англия попала в зависимость от США еще в ходе войны. Чтобы поставить своего главного капиталистического конкурента на колени, Соединенным Штатам достаточно было прекратить поставки по «ленд-лизу». Президент Трумэн сделал это без предупреждения в день капитуляции Японии. Английская буржуазия была схвачена за горло, и ей пришлось выпрашивать заем на условиях, продиктованных Вашингтоном.

По соглашению, подписанному в Вашингтоне 6 декабря 1945 г., Англия в возмещение за предоставленный ей заем в 3750 млн. долл. обязалась отказаться от «дискриминации» в торговле, то есть от двухсторонней торговли, поддержать созыв международной конференции для восстановления системы многосторонней торговли, ликвидировать долларовой «пул» стерлинговой зоны¹ и восстановить с 15 июля 1947 г. свободную обратимость фунта стерлингов в доллары. Заем 6 декабря 1945 г. имел большое значение, так как он положил начало политике мирового господства, проводимой американским империализмом после войны.

«Этот кредит,— писала «Нью-Йорк таймс» 9 июля 1946 г.,— является в глазах иностранцев пробным камнем американской политики. От нашей позиции будет зависеть, куда мир обратит свои взоры в поисках спасения, к американской ли системе, или к русской, и возьмут ли США на себя руководство послевоенным миром, или они предпочтут экономический изоляционизм».

¹ Доллары, выручаемые всеми странами стерлинговой зоны, вносились в общий фонд «пула», которым управляла Великобритания.

И действительно, соглашение 1945 г., ратифицированное американским конгрессом в середине 1946 г., положило конец проектам создания «западного блока» под руководством Англии. Американцы заставили англичан отклонить трехстороннее соглашение о Руре, предложенное Советским Союзом; оказавшись в дипломатической изоляции и связанная кредитом, Англия была вынуждена согласиться на объединение своей оккупационной зоны с американской: 6 декабря 1946 г. была создана Бизония, и это позволило американцам обосноваться в Руре. В 1946 г. Франция получила кредиты (по соглашению Блюма — Бирнса) на тех же условиях.

Однако американский империализм совершенно не имел в виду своими кредитами облегчить положение Англии и Франции. Он для того и усилил экономическое давление на эти страны, чтобы усугубить их затруднения и вынудить их снова вымаливать у США доллары.

Воспользовавшись мировым товарным голодом, американские монополии значительно повысили цены, так что кредиты, отпущенные Англии в 1945 г., очень быстро растаяли. С другой стороны, США сократили импорт из Европы в сравнении с довоенным временем и увеличили впятеро экспорт своих товаров. Актив их платежного баланса принял огромные размеры. Долларовый дефицит вынудил страны, импортировавшие американские товары, ликвидировать свои золотые активы, что ослабляло их маневренные возможности и вынуждало их снова просить долларовые кредиты.

Концентрация золота в США является составной частью политики мирового господства, которую проводит американский империализм; он хочет превратить доллар в «валюту валют», в новый международный эталон, к которому будут привязаны все прочие валюты.

Американский империализм усугубил трудности, с которыми встречались капиталистические страны Европы, и удерживал их в состоянии зависимости, заставив отказаться от возмещения за ущерб, нанесенный им гитлеровской агрессией, и запретив им торговать со странами народной демократии и СССР. Что касается, например, Франции, то для освобождения от опеки янки после войны она имела два главных средства: бесплатно получать кокс из Рура и обменивать свои промышленные товары и

машины на сырье из стран Восточной Европы (польский уголь, русскую железную руду и лес и т. д.). Но Франция получила от США 250 млн. долл. и ей была брошена кость в виде Саара; за это она фактически отказалась на Московской конференции (апрель 1947 г.) от германских репараций. А США запретили ей, как и всем своим сателлитам, вывозить в страны народной демократии и в СССР целый ряд товаров. Так, торговля Франции и всей Западной Европы со странами Восточной Европы сократилась до ничтожных в сравнении с довоенным временем размеров.

Вот почему, воспользовавшись уже однажды американскими кредитами (в 1945 и 1946 гг.), господствующие классы Англии и Франции в 1947 г. были вынуждены вновь протянуть руку к США и принять «помощь», предложенную генералом Маршаллом, то есть склониться перед новыми и еще более тяжкими требованиями Вашингтона.

План Маршалла

И действительно, план Маршалла преследует цель довести вассализацию европейских стран до конца. Он имеет три аспекта: экономический, военный и политический.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЛАНА МАРШАЛЛА

Американские монополисты уже не скрывают своего намерения захватить, в обмен за кредиты по плану Маршалла и при их посредстве, рынки и богатства европейских стран и зависимых от них территорий.

С самого начала американские правящие круги ставили условием предоставления займов «объединение» Европы, то есть уничтожение всяких таможенных валютных барьеров между странами Европы и между Европой и США. «Необходимо,— заявил уполномоченный по осуществлению плана Маршалла Гофман,— объединить Западную Европу в единый рынок, обслуживающий 270 млн. населения, так чтобы в его пределах были полностью отменены всякие количественные ограничения в отношении товарообмена, таможенные валютные барьеры, препятствующие международным расчетам и, в конце концов, все таможенные тарифы»¹.

¹ Выступление в Управлении европейского экономического сотрудничества 30 октября 1949 г.

«Объединенная» Европа должна иметь своим центром Рур, или, вернее, Рурско-Лотарингский район, сочетающий рейнский уголь с лотарингской железной рудой. Сорвав английские планы организации западного блока, американский империализм сам взялся за их осуществление, однако в ущерб их авторам. План Маршалла дал ему возможность включить в свою программу «помощи» Бизонию и французскую зону оккупации и обеспечить себе господство в Руре.

«Все органы двустороннего контроля,— писала газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 30 июля 1949 г.,— которым до сих пор приходилось заниматься вопросами транспорта, сельского хозяйства, торговли, промышленности и связи, будут ликвидированы. Их место займет расширенное Управление экономического сотрудничества, и это даст США возможность непосредственно вмешиваться во все вопросы, касающиеся Германии.

Управление экономического сотрудничества может утверждать или отвергать представляемые немцами программы распределения помощи по плану Маршалла; оно распоряжается специальными фондами, которые в настоящее время являются главным источником ликвидных средств; оно имеет право контролировать государственные финансы стран — участниц плана Маршалла; наконец, немцы будут вынуждены обращаться к нему за «советами». Благодаря всему этому Управление экономического сотрудничества сумеет оказывать непосредственное влияние на германские дела в той мере, в какой сочтет это нужным...

Американцы,— продолжает автор статьи,— несомненно захотят организовать систему консультаций между Управлением экономического сотрудничества и представителями двух других оккупирующих держав в тех случаях, когда речь будет идти о вопросах, представляющих несомненный жизненный интерес для всех трех держав.

Однако если до сих пор решения по такого рода вопросам принимались после совместного их обсуждения англичанами и американцами, то в дальнейшем будут происходить только консультации, после которых американцы будут принимать решения самостоятельно».

Создание западногерманского государства с марионеточным правительством в Бонне, а затем выдвинутое

9 мая 1950 г. французским министром Шуманом предложение «подчинить всю франко-германскую каменноугольную и стальную промышленность общему верховному органу в рамках организации, в которой смогут принять участие и другие европейские страны», служат новыми этапами на пути к образованию западного блока под американским руководством. «Верховный орган», предусмотренный планом Ачесона — Шумана; должен дать американскому финансовому капиталу возможность распоряжаться не только западно-германской, французской и бельгийской, но и английской тяжелой промышленностью и помешать образованию европейского картеля, направленного против американской металлургии.

На пути к объединению маршаллизованные страны должны были провести целый ряд мероприятий:

1. После подписания женеvского и гаванского соглашений о «многосторонней» торговле и снижении таможенных тарифов они должны были в декабре 1949 г. частично отменить контингентирование импорта.

2. После неоднократной девальвации своих валют¹, 28 стран были вынуждены в сентябре 1949 г. снова снизить их курс, чтобы дать американскому капиталу возможность скупать за бесценок их сырье и предприятия.

3. Они должны были проводить политику дефляции, чтобы повышение цен на внутреннем рынке не свело на нет те преимущества, которые дала американским капиталистам девальвация денег в европейских странах.

«Хотя девальвация и была необходима,— заявил 30 октября 1949 г. уполномоченный по осуществлению плана Маршалла Гофман,— она дала новый толчок инфляции. Если это приведет к провалу всех предпринятых в прошлом году попыток стабилизировать валюты, если себестоимость товаров и цены будут беспрепятственно расти, то вы окончательно потеряете выгоды, которые могли бы получить от стабилизации в виде доходов в долларах. Этого-то и надо избежать. Совершенно необходимо принять меры для предотвращения инфляции, и; в частно-

¹ Так, например, со времени введения в действие плана Маршалла французский франк был девальвирован четыре раза: 25 января и 17 октября 1948 г., 27 апреля и 19 сентября 1949 г.

сти, меры бюджетного порядка, как бы это ни было неприятно».

Маршаллизованные страны приняли меры, позволяющие американским капиталистам вывозить свои активы в США. Французское валютное управление издало 2 сентября 1949 г. циркуляр, разрешающий перевод за границу денег, получаемых в результате ликвидации или реализации вложенных во Франции иностранных капиталов.

Таковы результаты постоянного нажима США на своих капиталистических партнеров и упорной борьбы против самого мощного из них — английского капитализма.

БОРЬБА ДОЛЛАРА С ФУНТОМ СТЕРЛИНГОВ

Символом и конкретным выражением этой борьбы является борьба между долларом и фунтом стерлингов. Эта битва валют стала как бы зеркалом, в котором отражается послевоенный антагонизм между США и Англией. Речь тут идет не о «простом валютном споре, а о непримиримом столкновении интересов, в ходе которого решается вопрос о дальнейшем существовании Великобритании как промышленной державы и экспортера первого ранга»¹.

Самый ход этой борьбы показывает, как изменилось положение в послевоенный период по сравнению с периодом 1918—1929 гг.

Для британского империализма осуществление мероприятий, предусмотренных финансовым соглашением от 6 декабря 1945 г., было бы самоубийством. Английское правительство, несомненно, рассчитывало, что они останутся только на бумаге. Оно надеялось, что американский кредит обеспечит ему достаточно длительную передышку для восстановления английской экономики. Но эти расчеты были опрокинуты ростом цен в США. Правда, 15 июня 1947 г. английское правительство восстановило обратимость фунта, но после этого в течение трех недель долларовые резервы стерлинговой зоны сократились на 600 млн. фунтов стерлингов. Уже 21 августа английское правительство, сославшись на независимые от него обстоятельства, отменило обратимость фунта, просуществовавшую, таким образом, всего 35 дней. Сохранив при этом долларовый «пул», Лондон мог считать, что ему удалось провести Вашингтон.

¹ «Новое время», 24 августа 1949 г., стр. 29.

Американцы протестовали, но не слишком энергично, потому что они уже добились от Бевина согласия на принятие плана Маршалла. Своего давления они не ослабили. Чтобы подорвать положение Англии, они нажали на правительства Италии и Франции. Тогда Италия ввела «свободную продажу» лиры. Фунт стерлингов стал котироваться на римском рынке в 2 долл. 84 цента, хотя его паритет составлял 4 долл. 03 цента. При таком низком рыночном курсе было трудно поддерживать официальный курс. Создалось опасное положение, которое стало еще гораздо опаснее, когда и французское правительство пошло по стопам итальянского. В январе 1948 г. оно объявило, что скоро будет введен «свободный рынок» франка. Сэр Стаффорд Криппс немедленно вылетел в Париж, и с помощью Леона Блюма ему удалось убедить французское правительство отказаться от своего намерения. Дело закончилось компромиссом. По приказу Уолл-стрита свободный рынок франка был введен, но, в соответствии с пожеланиями Сити, он был ограничен: на нем котировались только американский доллар и португальское эскудо. Американцы, очевидно, согласились на этот компромисс лишь как на временную меру, и их верный агент французский министр финансов Ренэ Мейер собирался допустить на свободный рынок и другие европейские валюты. В апреле на свободном рынке стал котироваться и швейцарский франк. Печать английских финансовых кругов не скрывала своего недовольства. Но и США не скрывали, что на этом они не остановятся. 18 мая 1948 г. Аверелл Гарриман, назначенный послом по проведению плана Маршалла в Европе, заявил, что «США попытаются найти согласованное с Англией решение проблемы фунта стерлингов».

Но англичане продолжали прикидываться глухими. Тогда правительство США в сентябре 1948 г. потребовало на сессии Организации европейского экономического сотрудничества¹, чтобы фунты стерлингов, внесенные анг-

¹ Организация европейского экономического сотрудничества — «европейский» административный орган, в котором представлены маршаллизованные страны и который на деле лишь выполняет директивы Управления экономического сотрудничества, находящегося в Вашингтоне, — американского органа по осуществлению плана Маршалла.

личанами в валютный фонд, созданный для содействия торговле между странами Европы, могли использоваться не только в стерлинговой зоне, но и во всех остальных странах. Тем самым американцы пытались добиться восстановления обратимости фунта и оказать на Англию давление, чтобы «разморозить» курс фунта стерлингов. Англичане сопротивлялись. В начале октября 1948 г. на заседании Международного валютного фонда было принято новое наступление. «В настоящее время,— сообщила 4 октября «Ажанс экономик»,— обсуждается вопрос о введении частичной обратимости фунта стерлингов. Тем не менее 17 октября при девальвации французского франка, по настоянию англичан, новый парижский курс фунта стерлингов был установлен в соответствии с официальным курсом, кроме того, было обещано, что при каждой последующей девальвации франка будет делаться то же самое. Английское министерство финансов опубликовало по этому случаю победную реляцию: «Министерство финансов очень радо такому разрешению вопроса о парижском валютном рынке».

Однако это отнюдь не означало, что американцы перестали нажимать. Если они, по видимости, и отступили, то лишь потому, что за это англичане заплатили согласием с политикой США в Германии (с образованием Тризонии, которое началось с конференции премьер-министров западногерманских земель в Бонне в сентябре 1948 г., и с законом о реорганизации каменноугольной и стальной промышленности Рура, который был введен приказом Клея и Робертсона 10 ноября 1948 г.). Вскоре борьба возобновилась. В начале 1949 г. уполномоченный по осуществлению плана Маршалла Гофман потребовал от маршаллизованных стран, чтобы они провели у себя новую девальвацию. 7 февраля на заседании сенатской комиссии по иностранным делам Джон Снайдер выдвинул требование, «чтобы США совместно со странами — участницами плана Маршалла изучили в глубокой тайне вопрос о том, не следует ли им провести у себя девальвацию... В некоторых странах Европы вопрос о курсах валют,— заявил он,— должен быть пересмотрен уже в нынешнем году».

Решение французского правительства о присоединении к долларовой зоне территории Сомали, окруженной областями, входящими в стерлинговую зону, означало новую

атаку на фунт стерлингов. Затем американцы стали осуществлять свой нажим еще откровеннее.

1 марта 1949 г. США отказали Англии в разрешении покупать в Канаде пшеницу на средства, отпущенные по плану Маршалла. В начале мая они продолжают действовать в том же направлении, требуя, чтобы маршаллизованные страны, имеющие право на кредит по соглашению о межевропейских расчетах, могли бы переводить эти кредиты в любую другую маршаллизованную страну, а также обращать эти кредиты в доллары. Таким путем США стремились положить начало обратимости европейских валют и сделать невозможным сохранение прежнего курса фунта стерлингов. Ожесточенные споры продолжались два месяца и закончились компромиссом 1 июля. Стаффорд Криппс добился полного отказа от введения обратимости валют в доллары; американцы же добились того, что 25% кредитов могли свободно переводиться по усмотрению получателя. После этого 10 июля министр финансов США Снайдер отправился в Лондон специально для того, чтобы «добиться решения по вопросу о девальвации фунта стерлингов», — так сообщал финансовый обозреватель газеты «Манчестер гардиен» после интервью с американским министром. Английское правительство, повидимому, сопротивлялось. Стаффорд Криппс заявлял несколько раз, что «правительство его величества не имеет ни малейшего намерения снизить курс фунта стерлингов». Но американцы резко усилили экономический нажим. В 1949 г. импорт в США значительно сократился, и это привело к внезапному увеличению дефицита внешней торговли стерлинговой зоны: с 82 млн. ф. ст. в первом квартале 1949 г. он вырос до 157 млн. ф. ст. во втором квартале. Несмотря на кредиты, полученные по плану Маршалла и от Канады, долларовые резервы стерлинговой зоны сократились с 471 млн. ф. ст. на 30 марта до 406 млн. на 30 июня 1949 г. Теперь уже фунт стерлингов был не в состоянии продолжать сопротивление. В начале сентября Стаффорду Криппсу пришлось выехать в Вашингтон. 18 сентября после переговоров с американскими министрами он заявил, что отныне официальный курс фунта стерлингов будет составлять всего 2 долл. 80 центов. Этот беглый обзор событий объясняет, почему проведенная в сентябре 1949 г. девальвация фунта носит

такой своеобразный характер. Как и девальвация 1931 г., она, несомненно, была следствием англо-американских противоречий. Но между этими двумя девальвациями имелось и существенное различие. В 1931 г. лондонский кабинет принял решение о девальвации по собственной воле, а в 1949 г. он покорился приказу Вашингтона. То же самое относится и к 28 странам, которые вслед за Англией снизили курсы своих валют. До второй мировой войны девальвация всегда была самостоятельным актом; буржуазия каждой данной страны пыталась самостоятельно найти выход из своих затруднений и сама определяла свою политику. Но буржуазия маршаллизованных стран проводит политику чужеземного империализма.

«ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТ»

План Маршалла должен отдать американскому капиталу не только европейские рынки, но и рынки колониальных владений европейских держав — и это самое главное. В одном из докладов палаты представителей США говорится:

«Мы начинаем понимать, что для создания в Западной Европе самодовлеющей экономики необходимо освоить территории, находящиеся под контролем европейских держав. Мы должны следить за тем, чтобы в интересах освоения этих территорий доступ к ним был широко открыт и чтобы этому не могли препятствовать колониальные державы»¹.

В связи с этим разработанная в 1947 г. «программа помощи Европе» была дополнена «программой помощи отсталым странам», которую выдвинул в январе 1949 г. Трумэн в качестве «четвертого пункта» своей программы. Но «четвертый пункт» представляет собой лишь один из пунктов плана Маршалла. Он требует создания технических, финансовых, экономических и политических условий, благоприятствующих вложению американских частных капиталов в колониальные страны.

Речь идет фактически о том, чтобы вытеснить или свести к ничтожным размерам капиталовложения европейских стран в этих колониях, заменив там политическое

¹ Доклад подкомиссии по иностранным делам палаты представителей.

и экономическое влияние капиталистических стран Европы влиянием США¹.

«Целью четвертого пункта программы Трумэна,— заявил начальник отдела самоуправляющихся территорий государственного департамента США,— является развитие отсталых стран мира до такого уровня, чтобы они смогли восстать против своих метрополий»².

В этих целях американцы уже начиная с 1945 г. стремятся устранить политическое влияние Франции, Голландии, и в особенности Англии, в Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и взамен утвердить там свое влияние. Они установили протекторат над Японией и чанкайшистским Китаем, убедили индийское правительство Неру отделиться от Англии; вытеснили англичан с их ключевых позиций на всем пространстве от Средиземного моря до Персидского залива. Предоставив 6 марта 1947 г. экономическую и военную «помощь» Греции и Турции, они официально занимают место английского империализма в этих двух бастионах английского политического господства на Ближнем Востоке. В мае 1947 г. они подписали «договор о дружбе» с королевством Непал, лежащим на севере Индии; они подчинили себе экономику Афганистана. Они послали в Иран миссию для реорганизации финансов и армии, и эта миссия фактически управляет страной; 4 июня 1947 г. они предоставили иранскому правительству 30 млн. долл. В странах, находящихся в официальной зависимости от европейских колониальных держав — во Вьетнаме и Индонезии,— они пытаются опираться на местную буржуазию, чтобы вытеснить французских и голландских империалистов и подавить освободительное движение народных масс. Поэтому они поддерживают Бао Дая и индонезийское правительство Мохамеда Хатта. Прикрываясь лозунгом «борьба против колониальной системы», они оказывают политическую поддержку марионеточным правительствам, которыми они сами же и будут управлять вместо французов и голландцев.

¹ Во Французской Африке крупные американские компании «Нью маунт майнинг» и «Сан-Джозеф лэд» уже накладывают лапу на марокканский свинец; для «освоения» Черной Африки создается франко-американский банковский консорциум с участием крупнейших нью-йоркских банков и т. д.

² «Agence économique et financière», 1-er mars 1950.

Экономическое «объединение» Европы нельзя отделить от ее политического и военного объединения. Тактика американского империализма заключается, с одной стороны, в том, чтобы не давать маршаллизованным странам проводить мирную политику, а с другой — не допускать, чтобы эти страны имели независимые вооруженные силы и проводили независимую внешнюю политику.

Империалисты США намерены переложить на другие народы значительную часть военных расходов, связанных с американской политикой мирового господства, и не допустить, чтобы европейские капиталистические страны, и в особенности Англия, сыграли ту же роль, что играли сами США во время обеих последних войн, то есть, дав развязаться войне между США и СССР, включились бы в нее лишь в последний момент.

Вовлекая европейские страны в гонку вооружений, американский финансовый капитал перекладывает на рабочий класс этих стран бремя вооружений, в то же время он ослабляет конкурентоспособность соперничающих с ним отраслей европейской промышленности.

Таким образом, получается, что основные маршаллизованные страны расходуют на вооружение свыше 6 млрд. долл. в год, тогда как отпускаемые им по плану Маршалла кредиты составляют не более 4 млрд. долл.

Толкая маршаллизованные страны на путь гонки вооружений, американский империализм не позволяет им сохранять независимость своих вооруженных сил; для этого он снабжает их армии американским снаряжением, стандартизирует их вооружение, специализирует каждую страну на изготовлении и применении определенных видов оружия. Таким образом европейские армии превращаются в подлинные «иностранные легионы» армии США.

Для обеспечения своего господства над маршаллизованными странами и для укрепления своих позиций, завоеванных в результате войны, американский империализм применяет также следующие методы:

он присваивает себе исключительное право производить все виды оружия и монополизирует изготовление самых разрушительных его видов (тяжелая авиация, атомное оружие), солдат же европейских стран он использует в роли пехоты;

в страны, пользующиеся его «помощью», он направляет свои военные миссии и создает там стратегические базы; он обеспечивает себе поставки так называемого стратегического сырья, которого в США нехватает. Таким образом американские монополии получают сырье по низким ценам и в то же время становятся хозяевами рынка, ибо обладание запасами стратегического сырья дает возможность постоянно давить на монополии других стран, главным образом английские, угрожая либо выбросить эти запасы на рынок, либо прекратить закупки;

он заключает политические и военные союзы, в результате чего договоры основных стран Европы, в частности Англии и Франции, с Советским Союзом превращаются в клочки бумаги, внешняя политика этих стран оказывается в полном подчинении государственного департамента, а их армии — американской военщины.

Отдельные этапы этого политического и военного объединения были ознаменованы заключением Брюссельского пакта (18 марта 1948 г.), образованием Европейского совета (15 мая 1949 г.), заключением Северо-атлантического пакта (18 марта 1949 г.) и провозглашением Программы военной помощи (6 октября 1949 г.).

Брюссельский пакт, представляющий собой договор о политическом и военном союзе между Англией, Францией, Голландией, Бельгией и Люксембургом¹, был лишь первым шагом на пути к Северо-атлантическому пакту, который полностью подчиняет военную организацию и стратегию маршаллизованных стран американскому командованию. Пакт предусматривает образование Консультативного совета в составе министров иностранных дел двенадцати стран — участниц пакта; в свою очередь, совет назначает Комитет обороны в составе министров национальной обороны тех же стран; этот комитет должен немедленно «принять необходимые меры для разработки единых планов обороны северо-атлантических районов»; «единые планы обороны» подлежат утверждению президентом США, причем это утверждение является необходимым условием поставок американского вооружения в соответствии с программой военной помощи. На заседа-

¹ См. книгу А. Клода «План Маршалла», Издательство иностранной литературы, 1950 г., стр. 151 и дальше.

нии 1 декабря 1949 г. в Париже Комитет обороны договорился по следующим вопросам:

1. О стратегии совместной обороны северо-атлантической зоны.

2. О разработке программы производства и распределения вооружения и снаряжения.

3. О координации планов обороны отдельных региональных групп.

4. О подготовке организацией Северо-атлантического пакта общих планов.

19 мая 1950 г. Консультативный совет решил создать постоянный комитет в составе двенадцати заместителей министров иностранных дел под председательством американского «атлантического диктатора», который должен, как писала газета «Монд»¹, «наблюдать за согласованной разработкой вопросов и претворить проекты в действительность».

Это военное подчинение европейских стран Соединенным Штатам усиливается, во-первых, разделением участников пакта на пять групп, которые разрабатывают региональные военные планы. Принимать участие в разработке всех этих планов могут только американские эксперты. В одном документе американской информационной службы говорилось:

«В ответ на обращенную к США просьбу они согласились принять активное участие в окончательной разработке планов обороны следующих региональных групп: североευропейской, западноевропейской, южноевропейской и группы западной части Средиземного моря; западноевропейская группа должна заниматься и Канадой. На эти региональные группы ложится ответственность за «быструю и эффективную разработку планов совместной обороны всей Северной Атлантики»².

Как указывает «Монд», не удивительно, что США, которые взяли на себя задачу восстановления военного потенциала Европы, играют главенствующую роль в координации деятельности региональных групп. Поэтому именно

¹ «Le Monde», 25 mai 1950.

² Le Programme d'aide pour la défense mutuelle, le Document de la quinzaine, publication des Services américains d'information de Paris, 15 février 1950, p. 16.

представители США заняли на первый год важнейшие командные посты. В случае конфликта — решения по важнейшим вопросам будут приниматься в Вашингтоне¹.

Во-вторых, военное подчинение европейских стран Соединенные Штаты обеспечивают также условиями «программы военной помощи». Программа военной помощи обеспечивает «специализацию» военных задач и вооружения под американским руководством.

«Эта программа,— говорится в упомянутом выше американском документе,— не ставит себе целью всесторонне развивать в каждой стране, получающей помощь, все отрасли военной деятельности. Этому препятствовали бы местные ресурсы и географическое положение данных стран. Входя в единую систему, каждый ее член должен будет играть роль, соответствующую его общему потенциалу»².

То же самое сказал и Гарриман.

«Я надеюсь,— заявил представитель Управления экономического сотрудничества,— что в течение ближайших лет, по мере развития организации Северо-атлантического пакта и Западного союза, все мы договоримся по поводу того, что такая-то страна сможет лучше всех изготовлять такое-то вооружение, а другая страна лучше всего приспособлена для производства какого-либо другого рода оружия. Таким образом, мы сможем получить все преимущества, которые дает специализация конкретных навыков, способностей и ресурсов отдельных участников. По своей производственной мощности США намного превосходят других членов этого союза. Мы также продвинулись больше других и в области научной и технической разработки некоторых родов оружия. Поэтому мне кажется естественным, чтобы мы заняли соответствующее место в намечаемой программе взаимной помощи»³.

Наконец, каждая страна, получающая «помощь», подписывает с США двустороннее соглашение⁴, по которому она обязуется не использовать без предварительного согласия США полученную помощь для иных целей,

¹ «Le Monde», 3 décembre 1949.

² Le Programme d'aide pour la défense mutuelle, p. 8.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Эти соглашения были подписаны восемью заинтересованными странами 27 января 1950 г. в Вашингтоне.

кроме тех, для которых она предназначена (ст. 1, § 3), что дает США верховную власть над внешней политикой участников соглашений; способствовать предоставлению США некоторых видов сырья и полуфабрикатов (ст. 2); получать военное имущество, которое США содействуют им отправить, и, следовательно, организовать свою армию в соответствии с пожеланиями американцев; как и в случае «экономической помощи», поставки могут быть приостановлены президентом США в любой момент, если он будет несогласен с политикой страны, подписавшей соглашение.

Наконец, программа военной помощи предусматривает посылку в каждую страну постоянной американской военной миссии (ст. 6), пользующейся дипломатическим иммунитетом: эта миссия будет наблюдать за осуществлением программы, то есть контролировать всю военную организацию и стратегию данной страны.

Северо-атлантический пакт и программа военной помощи ведут к отказу маршаллизованных стран от всякой «национальной» обороны.

Военные организации маршаллизованных стран превращаются в простое орудие иностранной державы. Это «подчинение» европейской буржуазии Америке особенно наглядно разоблачает ее перерождение в результате второй мировой войны. Ставя свой военный аппарат на службу американскому империализму, она создает в точности такое же положение, какое существовало во время недавней войны, когда «европейские легионы в странах, захваченных гитлеровскими империалистами, были подчинены «вермахту».

Дело в том, что европейская буржуазия рассматривает этот союз и рассматривала в свое время союз с Гитлером как средство сохранения своего классового господства. Как было уточнено на Лондонской конференции в мае 1950 г., Атлантический пакт направлен против «прямой или косвенной» агрессии, то есть и против народных восстаний. А военная помощь, оказанная Греции в 1947 г., была фактически направлена исключительно против греческого народа.

«Подлинная цель, которую американский империализм неприкрыто себе ставит, состоит в том, чтобы полностью отнять у европейских стран их суверенитет и превратить

их, в том числе и Англию, в 49-й штат США»¹. Один из инициаторов и исполнителей «программы помощи», Клейтон, открыто требует просто-напросто «слияния» Западной Европы с США.

Европейский совет, устав которого был подписан 5 мая 1949 г. в Лондоне² десятью странами, представлял собой дальнейший шаг по этому пути. Этот Совет состоит из Европейской ассамблеи, в которую входят представители национальных парламентов, и Комитета министров, который будет рассматривать рекомендации ассамблеи. Это первая попытка объединения европейских стран в «атлантическую федерацию» со столицей в Вашингтоне.

Итак, «программа экономической помощи», Европейский совет, Северо-атлантический пакт и «программа военной помощи» образуют неразрывное единство. Это три стороны (экономическая, политическая и военная) одного и того же плана, плана Маршалла, три этапа одной и той же политики полного закабаления Европы. Все эти цели имелись в виду уже в 1947 г., когда генерал Маршалл выступил со своим предложением о помощи.

8 июня 1949 г. уполномоченный по осуществлению плана Маршалла в Европе Гофман признал это в своем выступлении в сенатской комиссии по ассигнованиям, заявив:

«Самым ценным непосредственным результатом осуществления программы Управления европейского сотрудничества будет рост экономического, политического и военного единства Западной Европы, рост солидарности между объединенной Европой и Соединенными Штатами».

Далее он добавил:

«Брюссельский договор, Европейский совет и Северо-атлантический пакт составляют как бы последовательные этапы цепной реакции, начало которой было положено

¹ См. статью в «New York Times» от 22 августа 1949 г. «Быть может, выход заключается в том, чтобы Англия стала «49-м штатом США».

² Решение об образовании Европейского совета было принято 29 января 1949 г. пятью странами — участницами Брюссельского пакта, которые пригласили Данию, Ирландию, Италию, Норвегию и Швецию на так называемую конференцию десяти, созванную в Лондоне 28 марта 1949 г.

идеей г-на Маршалла, считавшего, что европейские страны могут разрешить все свои трудности путем сотрудничества между собою и с Соединенными Штатами»¹.

Политическая сторона вопроса — борьба против демократических сил

Поскольку эта политика вассализации наталкивалась на противодействие со стороны демократических партий и организаций, план Маршалла неизбежно должен был стать и планом борьбы против всех демократических сил, стремившихся к независимости и прогрессу, в первую очередь против коммунистических партий.

Американский империализм не внес в тактику этой борьбы ничего нового; он удовольствовался тем, что усвоил метод Гитлера: поработать народы под предлогом защиты их от коммунизма. Он поднял знамя «антикоммунизма», и под это знамя собрались все политические элементы, враждебные делу освобождения рабочих и связавшие свою судьбу с судьбой империализма: церковная иерархия, политические деятели-клерикалы, правые социалисты, фашисты старого и нового толка.

В зависимости от степени обострения классовой борьбы в странах Европы государственный департамент опирался там либо на партии и идеологов «третьей силы», которые утверждали, что ведут борьбу против коммунизма и против фашизма, либо на откровенно фашистские правительства: на правительство Салазара в Португалии, Франко в Испании, монархо-фашистское правительство Греции, реакционную диктатуру в Турции и правительство Тито.

Ватикан и правые социалисты играли особенно важную роль как идеологическое и политическое орудие американского империализма. Во всех странах Западной Европы мы видим коалицию правых социалистов с так называемыми «христианскими» партиями: социалистическая партия во Франции, партия Сарагата и христианские демократы в Италии, социалистическая и социал-христианская партии в Бельгии, социал-демократическая и христианско-социалистическая партии в Германии.

¹ Бюллетень посольства США в Париже, 9 июня 1949 г.

Стремясь к мировому господству, американский империализм старался использовать для достижения своих целей международное влияние католической церкви. Поэтому Уолл-стрит завязывал все более тесные взаимоотношения с Ватиканом. Связь между Римом и Вашингтоном осуществляли посол и банкир Майрон Тейлор и архиепископ нью-йоркский кардинал Спеллман.

Затем Ватикан открыто поддержал высшее духовенство — выходцев из крупной буржуазии или дворянства, которые ставили свою религиозную деятельность на службу интересам своего класса и вели борьбу против народных правительств стран Восточной Европы, как, например, кардинал Миндсенти в Венгрии. В 1949 г. папа официально вмешался в ход выборов в Италии. Эта политика подчинения интересам американского империализма завершилась пресловутым декретом святейшего престола от 28 июня 1949 г., отлучавшим от церкви всех католиков, «исповедующих материалистические и антихристианские теории коммунистов, и прежде всего тех, кто защищает или распространяет эти теории».

«Если мы сможем завоевать доверие рабочего класса Европы и разгромить коммунистическую пропаганду, мы выиграем генеральное сражение», — заявил по радио 24 января 1949 г. банкир Гарриман, «разъездной» посол по делам плана Маршалла¹.

С этой целью американские империалисты с помощью своих агентов из Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов мобилизовали правых социалистов.

Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» показал, что экономической базой реформизма являются сверхприбыли, получаемые финансовым капиталом от эксплуатации народов колониальных и полуколониальных стран и позволяющие монополиям подкупать некоторые слои пролетариата. В результате сокращения заграничных капиталовложений и ухудшения финансового положения господствующие классы Франции и Англии потеряли часть средств, которую они могли бы использовать для подкупа. Если в 1938 г. «невидимые» доходы капиталистических стран Европы (доходы от

¹ «Figaro», 25 janvier 1949.

капиталовложений за границей, от «услуг», фрахтов, комиссий и т. п.) составили 2100 млн. долл., то в 1947 г. им самим пришлось уплатить 600 млн. долл. Это означает, что доходы этих стран сократились в общем на 2700 млн. долл.¹ Таким образом, реформизм лишился в этих странах экономической базы или начал ее терять. Способствуя ввозу большой массы неоплаченных товаров, американские кредиты компенсировали французскую и английскую буржуазию за частичную потерю доходов и сыграли ту же роль, что играли до войны сверхприбыли, полученные от эксплуатации стран, в которые вкладывались иностранные капиталы. Поскольку внутри этих стран источники сверхприбылей уже не были достаточно обильны, чтобы питать правых социалистов, последние, естественно, обратились к более мощным источникам американского империализма. Так что не случайно первые финансовые соглашения — англо-американские и франко-американские от ноября 1945 г. и мая 1946 г. — были подписаны от имени Англии лейбористом Эттли, а от имени Франции — лидером правых социалистов Леоном Блюмом.

Поскольку на нынешней стадии развития империализма американские кредиты стали материальной основой политической деятельности правых социалистов, последние перешли на службу к американским монополиям, которые обязались их содержать².

В идеологической борьбе, необходимой для вассализации Европы, правые социалисты стали ценным орудием американского империализма. Они пытаются обезоружить рабочий класс, подменяя марксистский социализм спиритуалистическим «социализмом», отрицающим борьбу классов, распространяя взгляды, которые должны подготовить подчинение масс господству американского империализма: «понятие национального суверенитета устарело»; «европейские страны не в состоянии разрешить

¹ Conseil économique et social de l'ONU, «Etude sur la situation et les perspectives économiques de l'Europe», 30 mars 1948.

² Подкуп принял совершенно неприкрытый характер. Так, например, один из организаторов раскола французской Всеобщей конфедерации труда и секретарь желтого профсоюза «Форс увриер», Бузанке, состоял акционером компании Росси, которая, между прочим, импортировала товары, поставляемые по плану Маршалла. На процессе взяточников выяснилось, что Бузанке был также агентом американской тайной разведки (ОСС).

свои проблемы самостоятельно в национальных рамках» и обойтись без американской помощи и т. д. Правые социалисты пали так низко, что и не затрудняют себя созданием каких-либо «доктрин». Они ограничиваются идеализацией движущих сил американского империализма и выдвиганием лозунгов, которые непосредственно служат экспансионистским целям Уолл-стрита («Соединенные Штаты Европы», «Европейская федерация», «Мировое государство»).

В области политики их задача была такова: препятствовать объединению социалистических партий с коммунистическими; вызывать расколы в профсоюзах, для того чтобы препятствовать объединению рабочего класса и срывать стачки; создать правительства борьбы против рабочего класса, расчищающие путь фашизму. Они начали с устранения коммунистов из коалиционных правительств, образовавшихся после освобождения стран Европы от фашистского ига. На протяжении двух месяцев министры-коммунисты были отстранены от власти в Бельгии (31 марта), во Франции (5 мая), в Италии (13 мая) и в Чили. В мае 1947 г. ни в одной капиталистической стране уже не оставалось ни одного министра-коммуниста; во Франции эту операцию провел правый социалист Рамадье.

Правые социалисты проталкивали законы, предназначенные для того, чтобы уменьшить число коммунистических депутатов в парламентах. В результате закона Депрэ — Барашена во Франции коммунистическая партия потеряла 60 мест в Совете республики.

Представители политики «третьей силы» и их реакционные союзники старались всеми средствами ослабить влияние коммунистической партии в массах; это осуществлялось путем преследования коммунистических газет, создания коалиции антикоммунистической печати, монополизации радиовещания и кино. Опираясь на шантаж американцев, грозивших закрыть кредиты, на угрозу голода, на открытое вмешательство Ватикана, они в период 1947—1950 гг. сумели подтасовать выборы и сколотить «американское» антикоммунистическое большинство в парламентах Италии (апрель 1948 г.), Западной Германии (август 1949 г.), Бельгии и Норвегии.

Наконец, придя к власти, правительства «третьей силы» перестроили аппарат насилия капиталистического

государства так, чтобы «обуздать» рабочий класс¹. Правые социалисты — Мок во Франции и Шельба в Италии — посылали против бастующих танки и полицию. Они приняли законы о репрессиях (март 1950 г.), которые превратили Италию и Францию в полицейские государства. Они тормозили и саботировали национализацию, проводили политику дефляции и безработицы, чтобы разорить средние классы и ослабить боевой дух рабочего класса. Таким образом они рассчитывали проложить путь неофашизму какого-нибудь де Голля во Франции или преемников Гитлера и Муссолини в Германии и Италии.

Борьба против социалистической системы

Средства, которые американский империализм применял в своей борьбе против Советского Союза, если не считать военной агрессии, были мало эффективны и, несомненно, не могли действовать долго. Если СССР и пользовался поставками по ленд-лизу, то они играли для него лишь подсобную роль: Прекращение этих поставок не могло нанести никакого ущерба его хозяйственной деятельности. Американские империалисты могли использовать против СССР только два вида оружия: разрушения, причиненные советской стране гитлеровскими захватчиками, и атомную монополию.

«России потребуется 25 лет, чтобы восстановить все то, что мы разрушили», — заявил с удовлетворением один германский генерал. Американские реакционные круги рассчитывали, что эти разрушения, огромные людские потери, страдания и страшное напряжение, с которым советский народ трудился в годы войны, подорвут его дух, дезорганизуют социалистическое хозяйство — и СССР будет вынужден клюнуть на приманку в виде кредитов и попадет на крючок. Вскоре после окончания военных действий американские телеграфные агентства несколько

¹ Расходы на парижскую полицию увеличились с 870 млн. франков в 1938 г. (14% всех муниципальных расходов) до 11,5 млрд. в 1948 г. (24% всех расходов) и 18,4 млрд. в 1949 г. (33% всех расходов). К этому следует добавить специальные субсидии, отпускаемые министерством внутренних дел городу Парижу, которые увеличились с 5,4 млрд. в 1948 г. до 7,4 млрд. франков в 1949 г. (министерство финансов).

раз сообщали, что СССР сможет получить кредит в 10 млрд. долл. Но это были пробные шары, рассчитанные на то, чтобы подтолкнуть советское правительство на финансовые переговоры.

В то же время США старались задержать восстановление СССР, препятствуя заключению торговых договоров между Советским Союзом и европейскими странами. 26 августа 1946 г. они в официальном порядке обратились к шведскому правительству и запретили ему подписать соглашение о поставке Советскому Союзу значительного количества электрооборудования.

В своей внешней политике США пытались ослабить влияние Советского Союза в Организации Объединенных наций путем отмены права вето; это дало бы им возможность создать такое положение, при котором СССР оказался бы в меньшинстве перед лицом коалиции сателлитов США. На международных конференциях они пускали в ход атомный шантаж, рассчитывая, что монопольное обладание атомным оружием даст им возможность изменить соотношение сил в свою пользу, вынудив советское правительство прекратить поддержку стран народной демократии и запугать демократические силы во всем мире. Но были ли США в состоянии сохранить эту монополию надолго? Этот вопрос имел огромное значение для американского финансового капитала, так как можно использовать атомную энергию для мирных целей и таким образом вызвать переворот в промышленности. А американские угольные, газовые, нефтяные, электрические тресты, производственная мощность которых превышает потребности рынка, естественно, выступают против использования нового источника энергии в мирных целях; банки не заинтересованы в финансировании строительства установок, которые могут вызвать обесценение капиталов, вложенных в электростанции, теплоцентрали и нефтяные промыслы. Поэтому американский финансовый капитал стремится ограничить исследования в области атомной энергии и ее использование в США исключительно военными целями и сохранить за собой монополию, препятствуя исследованиям за границей.

Но советское государство чрезвычайно заинтересовано в максимальном развитии этого нового источника энергии, который может позволить ему значительно быстрее

обогнать США в области производства энергии и использовать для мирных целей огромные возможности, открываемые перед человечеством новыми изобретениями. Ибо, как заявил профессор Гленн Сиборг на заседании Американского химического общества, «если мир сможет оградить себя от злоупотребления атомной энергией, то можно будет ожидать в недалеком будущем такого промышленного переворота, какого свет еще не видел».

Вот почему американское правительство старалось провести через Организацию Объединенных наций решение о контроле и об отказе от применения атомной энергии во всех странах раньше решения об уничтожении готовых атомных бомб. Американский план, так называемый план Баруха, имел своей единственной целью сохранить монополию за США, не дав Советскому Союзу не только изготовлять атомные бомбы, но и использовать атомную энергию в интересах развития своей промышленности. Об этом откровенно заявил директор Национального комитета информации Левингтон Хартли. «Наша страна,— писал он в брошюре «Атомный ключ к будущему»,— в настоящее время стремится превратить свою временную монополию национального масштаба на атомную энергию в постоянную монополию международного масштаба».

Поэтому ученые, состоящие на жалованье у монополий, выдвинули мысль, что мир должен отказаться от использования атомной энергии. Именно это утверждал еще в 1946 г. физик Лэнгмюр в своем труде «Единый мир или ничто». Эту мысль подхватили и ученые Юри, Дамиль и Сквайрс, заявившие:

«Судьба всего мира зависит от отказа применять атомную энергию в промышленности в течение двадцати лет».

Страны народной демократии в Европе

Стараясь добиться коренного изменения политической обстановки в освобожденных Советской Армией странах Восточной Европы, где образовались правительства антифашистской коалиции, американский империализм стал шантажировать эти страны угрозой голода и отказа в кредитах, рассчитывая, что трудности хозяйственного восстановления помешают этим странам идти по пути демократии и социализма.

16 октября 1946 г. США вдруг запретили кредиты Чехословакии. Они возражали против предоставления займа Польше Международным банком реконструкции. Они требовали, чтобы в мирный договор о Румынии был включен пункт, запрещающий ей заключать «преференциальные» торговые договоры с СССР и другими странами Восточной Европы.

Одной из основных целей плана Маршалла было заманить страны Восточной Европы в сети вассализации.

«План Маршалла» был призван в данном случае содействовать осуществлению одной из важнейших задач общеамериканской программы — реставрировать власть империализма в странах новой демократии и заставить их отказаться от тесного экономического и политического сотрудничества с Советским Союзом»¹.

Затем, когда предложение, внесенное Маршаллом 5 июня 1947 г., потерпело неудачу, правительство США попыталось подорвать развитие стран народной демократии, заставив, как мы уже видели, маршаллизованные страны проводить в торговле такую дискриминацию, которая была равносильна экономической блокаде. Условия закона от 3 апреля 1948 г., в котором сформулирована программа помощи Европе (разд. 117, ст. «д»), фактически позволяют США не допускать вывоза некоторых товаров из маршаллизованных стран в страны, не подписавшие соглашения.

В силу этого пункта, писала газета «Монд»², «Америка решила проводить в отношении советского мира очень жестокую блокаду, распространяющуюся на определенные виды так называемых стратегических материалов». Государственный департамент составил список товаров, которые маршаллизованные страны не должны вывозить. Вот начало этого списка, заимствованное из той же статьи в «Монд»:

«Все материалы, имеющие отношение к нефтяной промышленности, большинство изделий из железа и стали, некоторые изделия из меди и бронзы, электрогенераторы и электротрансформаторы, моторы, приспособления и запасные части к ним, станки и т. д.»

¹ А. Жданов, О международном положении, 1947, стр. 27—28.

² «Le Monde», 11 novembre 1949.

«В действительности,— говорится в заключение этой статьи,— это общая блокада на все промышленные товары, за маленьким исключением». Экономический нажим сопровождался поддержкой реакционных элементов в составе коалиционных правительств; американское правительство пыталось устранять с арены коммунистические партии и демократические силы, действуя на первых порах извне. На этом первом этапе борьбы, продолжавшемся с 1946 г. до победы демократических сил в Праге 25 февраля 1948 г., правительство США потерпело полную неудачу. Тогда оно пошло последним козырем, двинув вперед агентов империализма, сумевших проникнуть в коммунистические партии и использовать заговоры как последнее средство. Его главным агентом, как показали последующие события, был Тито. Усиление диктаторской власти Тито над югославским народом должно было послужить предпосылкой для развертывания деятельности, которая охватила бы Венгрию, Болгарию, Чехословакию, Румынию и Польшу. Речь шла о том, чтобы, опираясь на мелкобуржуазные элементы города и деревни и на отстраненные от власти реакционные элементы, организовать во всех этих странах антисоветскую оппозицию, а затем произвести путчи и свергнуть демократическое руководство, верное пролетарскому интернационализму и СССР.

В Китае американское правительство намеревалось навязать народу реакционный режим Чан Кай-ши, открыто оказывая последнему финансовую и военную поддержку. В своей «Белой книге», опубликованной 5 августа 1949 г., государственный департамент признает, что политика США в Китае имела целью «помочь национальному правительству установить свою власть на возможно большей территории Китая». И США щедро помогали Чан Кай-ши.

«Со дня победы на Дальнем Востоке,— говорится в «Белой книге»,— правительство США ассигновало на помощь националистическому правительству в форме даров и кредитов всего около двух миллиардов долларов. Эта сумма составляла свыше 50% всех расходов китайского правительства. Учитывая размеры его бюджета, она превосходила помощь, оказанную любой стране Западной Европы с тех пор, как окончилась война. В дополнение к этим дарам и кредитам, правительство США

продало китайскому правительству большое количество избыточных военных и гражданских материалов на сумму свыше миллиарда долларов по рыночным ценам».

В действительности, по подсчетам китайских демократических кругов, размеры этой помощи были гораздо больше, чем указано в американской «Белой книге»: можно считать, что она превысила 6 млрд. долл. Для того чтобы проводить такую политику, Трумэн отправил в конце 1945 г. генерала Маршалла послом в Китай. В начале 1946 г. американцы перебросили вооруженные силы Чан Кай-ши по воздуху и по морю в Северный Китай и в Маньчжурию.

«Национальное правительство,— говорится в «Белой книге»,— имело в 1945 г. значительный перевес над противником в вооружении и численности своих войск; этот перевес оно сохраняло до начала осени 1947 г. В течение этого периода оно распространило свою власть на значительную часть Северного Китая и Маньчжурии; этим оно было в значительной мере обязано нашей помощи транспортом, вооружением и продовольствием».

К этому времени агрессивный характер империализма стал совершенно очевиден. Когда Мао Цзе-дун предложил объединить Китай и положить конец гражданской войне путем проведения всеобщих выборов, Чан Кай-ши, зная, что народ настроен против него, чувствуя поддержку американского правительства и считая себя более сильным в военном отношении, отверг это предложение и начал наступление против народной армии. Четыре года спустя антинародное правительство Ли Сын Мана в Корее действовало точно так же и по тем же самым мотивам.

Глава III

ПОРАЖЕНИЕ В «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»

Политическое поражение

Таким образом, целью «холодной войны» было подавить освободительное движение колониальных народов Азии и Ближнего Востока; подорвать восстановление и развитие народного хозяйства СССР и стран народной демократии; поддержать экономическую активность в США на высоком уровне с помощью экспорта безработицы и кризиса в Европу и с помощью экономического и политического закабаления стран Западной Европы; сплотить лагерь империализма и реакции под руководством США для разгрома рабочих организаций и других прогрессивных сил. Проводя эту политику, США стремились достигнуть мирового господства, не вступая для этого в настоящую войну. Какие же результаты принесла такая политика? Этот вопрос имеет первостепенное значение, так как он затрагивает не только политику отдельного государства, но и будущее всей капиталистической системы.

Попытка американского империализма изменить в свою пользу соотношение сил, сложившееся после войны между социалистической и капиталистической системами, прибегая к средствам «холодной войны», закончилась полным поражением. Он не только не добился своей цели, не только не продвинулся вперед, но был вынужден отступить еще дальше, так что за последние четыре года положение империализма снова значительно ухудшилось.

Во-первых, за этот короткий период возникли две новые страны народной демократии, которые сыграют решающую роль; речь идет о Китайской народной республике и Германской демократической республике.

Отразив наступление Чан Кай-ши, продолжавшееся с июля 1946 г. по июнь 1947 г., китайская народная

армия перешла в июле 1947 г. в контрнаступление. Так начался победоносный поход, который привел ее в конце 1949 г. к границам Вьетнама, что дало ей возможность полностью ликвидировать реакционный режим Чан Кай-ши на континенте и сорвать все экспансионистские планы американского империализма в Китае; 1 октября 1949 г. в Пекине было торжественно провозглашено образование Китайской народной республики. Семь дней спустя была образована Германская демократическая республика. Эти события имели огромное историческое значение. После социалистической революции октября 1917 г., победы социализма в СССР и разгрома фашистской коалиции во второй мировой войне это было крупнейшим поражением, которое потерпела капиталистическая система.

С провозглашением в октябре 1949 г. Китайской народной республики и Германской демократической республики образовался сплошной массив демократических государств, простирающийся от Эльбы до морей Китая, насчитывающий 800 млн. населения — треть человечества — и обладающий неограниченными ресурсами.

Произошло, таким образом, значительное сужение территории, подвластной империализму, сокращение его сферы эксплуатации, что еще сильнее подрывает его устойчивость. А ведь американские капиталисты и строили свои расчеты главным образом на том, что эксплуатация природных богатств Китая и китайского рынка обеспечит США новый период процветания¹. Именно из-за этого они и воевали с Японией.

С другой стороны, образование Германской демократической республики явилось, по выражению товарища Сталина, «поворотным пунктом в истории Европы»². Оно значительно усилило демократический лагерь, укрепило демократические силы Западной Германии, показывая массам обманутых немцев, что перед ними только один путь к спасению — образование единой всегерманской демократической республики.

Вторым ударом для американского империализма было поражение, которое он потерпел в своей политиче-

¹ См. А. Клод, «План Маршалла», Издательство иностранной литературы, 1950, стр. 37—39.

² Образование Германской демократической республики, документы и материалы, Госполитиздат, 1950 г., стр. 7.

ской и экономической борьбе против СССР и европейских стран народной демократии. За период с 1945 по 1950 г. политическое и экономическое положение этих стран не только не ухудшилось, а, наоборот, значительно укрепилось.

Атомный шантаж провалился, столкнувшись с твердой и стойкой позицией советских руководителей и советского народа. Трумэну не удалось добиться ни отмены права вето в Организации Объединенных наций, ни введения в действие плана Баруха. Атомная монополия, которую США рассчитывали закрепить за собой на многие годы, быстро потерпела крах. Уже в 1947 г. В. М. Молотов имел возможность заявить, что СССР также обладает «секретом» атомной бомбы. Мало того, СССР сразу же приступил к использованию атомной энергии для мирных целей. Таким образом, когда стало известно, что Советский Союз использует атомную энергию для проведения грандиозных работ по ирригации, повышению плодородия почвы и осуществлению грандиозного плана электрификации, рассчитанного на производство 82 млрд. *квт-ч* электроэнергии в год, это сообщение вызвало подлинное смятение в реакционных кругах США.

Действительно, атомный взрыв на Урале грозит гибелью самой американской империалистической системе, ибо использование атомной энергии позволит СССР не только значительно ускорить достижение целей, поставленных И. В. Сталиным в его речи на предвыборном собрании избирателей в Москве 9 февраля 1946 г., но еще значительно обогнать в развитии науки самые передовые капиталистические страны. Американские монополии преследует призрак «перепроизводства», они связаны стремлением к наживе и поэтому ограничивают применение новых изобретений лишь сферой производства вооружения и подготовки к войне. Но, как указывает канадский химик Дайсон Картер, «сосредоточение усилий на использовании атомной энергии в военных целях будет сковывать развитие атомной науки и техники в США, и они будут отставать в этом отношении от Советского Союза».

Второй вид оружия, применяемый американским империализмом,— экономическая блокада также оказался недействительным.

Советский Союз, самостоятельно выигрывавший без помощи извне решающие сражения во время войны, сумел преодолеть без посторонней помощи и хозяйственные трудности, созданные войной. В поразительно короткий срок он ликвидировал последствия войны в сфере денежного обращения и укрепил свою денежную систему¹, восстановил все разрушенное, и советский народ с достойным восхищения мужеством поставил себе целью не только восстановить довоенный уровень производства, но и превзойти его. 1 января 1946 г. началось осуществление четвертого пятилетнего плана. Таким образом, сразу же после окончания военных действий советское хозяйство возобновило поступательное движение, прерванное войной.

Производство снова неуклонно растет. В 1946 г. прирост промышленной продукции составил 20%, в 1947 г.— 22% и в 1948 г.— 27%*.

Пятилетний план, по которому объем промышленной продукции следовало довести к 1950 г. до 148% от продукции 1940 г., был в основном выполнен досрочно. Уже в октябре 1949 г. валовая продукция промышленности превысила среднемесячную продукцию 1940 г. более чем на 50%**.

Такой же провал потерпели политические и экономические мероприятия США по отношению к европейским странам народной демократии.

После поражения США в борьбе против коммунистических партий, которую они вели извне, открыто и на глазах у всех, американцы потерпели такую же неудачу и в своей тайной борьбе. Заявление Информационного бюро, разоблачившее в июне 1948 г. политику Тито в Югославии, расстроило подрывную работу внутри коммунистических партий стран Центральной и Восточной Европы и сорвало подготовку заговоров против демократических руководителей. Выдвинутые коммунистическими

¹ В конце 1947 г. была проведена денежная реформа, отменена карточная система и снижены цены; 1 марта 1949 г. было произведено новое снижение цен; 1 марта 1950 года цены были снижены в третий раз и был введен золотой курс рубля.

* В 1949 г. валовая продукция всей промышленности СССР возросла на 20% по сравнению с 1948 г., в 1950 г.— на 23% по сравнению с 1949 г. (*Прим. ред.*)

** В 1950 г. было произведено фактически промышленной продукции на 73% больше, чем в 1940 г. (*Прим. ред.*)

партиями обвинения, являвшиеся бесспорными для всякого подлинного марксиста, должны были заставить Тито сбросить маску. Он был вынужден либо признать свои ошибки, если бы он был честен, либо разоблачить себя в глазах мирового общественного мнения в качестве агента американского империализма. Вскоре после заявления Информационного бюро Тито открыто перешел в лагерь империализма. Заявление Информационного бюро усилило бдительность пролетарских элементов в других коммунистических партиях, помогло честным людям понять, что оппортунизм и буржуазный шовинизм могут иметь своим результатом только восстановление власти реакционной эмиграции, волну ужасных репрессий, гражданскую и, наконец, мировую войну. Повышение бдительности коммунистических партий толкнуло агентов американского империализма на авантюристические попытки организации путчей значительно раньше, нежели они рассчитывали. Райку и его сообщникам пришлось ускорить свое выступление и тем самым разоблачить себя. Раскрытие заговора Райка, его процесс и осуждение в сентябре 1949 г. нанесли исключительно тяжелый удар прискам американского империализма в Восточной Европе, прежде всего потому, что таким образом была уничтожена агентура американского империализма в Венгрии, далее потому, что во всех остальных странах повысилась бдительность в отношении «титоизма» и, наконец, потому, что клика Тито была разоблачена перед всем миром. Убийства коммунистов, сохранивших верность марксизму-ленинизму, подавление всех тех, кто выступает против диктатуры Тито, а в еще большей степени внешнеполитическая деятельность клики Тито — удар в спину демократической Греции, сближение с монархо-фашистским афинским правительством, получение долларовых кредитов от США, включение Югославии, благодаря поддержке США и против воли СССР и других демократических стран, в состав Совета Безопасности Организации Объединенных наций, провокаторская роль Тито, поддержка, которую ему явно и официально оказывает международная реакция, — все это наглядно показывает рабочим всего мира, что никакой «третьей силы», стоящей между лагерем войны и лагерем мира, быть не может.

Ибо «титоизм» представляет собой последний вариант идеологии «третьей силы».

Разоблаченный раз навсегда «титоизм» не сможет занять в Западной Европе место социал-реформизма. Западной разновидности «третьей силы», союзу правых социалистов с христианско-демократическими партиями, не может прийти на смену новый идеологический обман. Как и в Восточной Европе, здесь между фашизмом и социализмом, то есть между войной и миром, нет третьего пути.

Таким образом, потерпев ряд поражений, империализм доллара уже не в состоянии вернуть себе утерянные позиции и свергнуть демократические правительства, не прибегая к вооруженной агрессии.

Экономическое восстановление стран народной демократии шло рука об руку с их политическим возрождением, причем одно обуславливало другое. Несмотря на огромные трудности и благодаря братской помощи Советского Союза, демократические правительства разработали и успешно осуществили двухлетние или трехлетние планы восстановления хозяйства, разрушенного войной и ограбленного немецкими захватчиками. Уже в 1948 г. Чехословакия превзошла довоенный уровень промышленного производства на 10%, Болгария — на 71,5, Польша — на 51 и Венгрия — на 27%. Претворив в жизнь эти планы восстановления, они в 1949 г. разработали или уже приступили к выполнению долгосрочных перспективных планов развития хозяйства: шестилетнего плана в Польше и пятилетних — в Чехословакии и в Болгарии.

Таким образом, в 1949 г., когда в капиталистических странах начинался кризис, страны народной демократии продолжали развиваться, не зная ни кризиса, ни безработицы, тогда как в прежние времена колебания экономики капиталистического мира всегда сказывались в первую очередь на аграрных странах Восточной Европы (мировой экономический кризис начался в 1928 г. с Польши).

За период с 1945 по 1950 г. абсолютная мощь социалистического сектора значительно выросла в результате присоединения к нему новых и очень больших стран и в результате роста экономического и политического могущества СССР и европейских стран народной демократии.

Но картина изменений в соотношении этих двух систем в пользу социализма была бы неполной если бы мы не показали, какой чувствительный удар наносит империализму сравнение путей развития социалистической и капиталистической систем.

Действительно, план Маршалла, по замыслу его авторов, должен был сохранить и укрепить монопольное положение, завоеванное США в результате войны, предотвратить таким образом экономический кризис в США и дать возможность американской промышленности превысить уровень производства, достигнутый во время войны. Но и здесь американский империализм потерпел полное крушение, о чем свидетельствуют изменения в его экономике за последние четыре года.

Экономический провал. Экономика США за период 1944—1948 гг.

За период 1944—1948 гг. экономика США прошла через две четко выраженные фазы: фазу падения производства с 1944 по 1946 г. и фазу оживления с 1946 по 1948 г.

Три года сокращения производства

Поскольку процветание военных лет поддерживалось правительственными заказами, окончание войны, естественно, должно было привести к спаду экономической активности. Действительно, после достигнутой в 1943 г. наивысшей точки подъема — 239 (1935—1939 гг. = 100), индекс промышленной продукции снизился до 235 в 1944 г. и упал до 203 в 1945 г., затем — до 170 в 1946 г.; таким образом, общее сокращение производства составило 28,8%. Если сравнить наивысшую точку подъема за время войны с низшей точкой спада, мы получим разницу в 38% по товарам длительного пользования и 75% по средствам транспорта.

В то же время экспорт сократился с 14,2 млрд. долл. в 1944 г. до 10,1 млрд. долл. в 1946 г., валовая прибыль — с 24,5 млрд. долл. в 1943 г. до 20,4 млрд. в 1945 г., а среднемесячная цифра безработных выросла с 670 тыс. в 1944 г. до 2270 тыс. в 1946 г. Таким образом, 1944—1946 г. были бесспорно отмечены экономическим спадом и, следовательно, представляли собой фазу кризиса.

Такое же явление наблюдалось и после окончания первой мировой войны. Однако сразу же бросается в глаза, что в отличие от периода первой мировой войны теперь снижение производства началось значительно раньше окончания военных действий — в 1944 г., а не в последние месяцы войны, как было в 1918 г. Далее, этот спад носил более глубокий и длительный характер, чем после предыдущей войны, когда в течение нескольких месяцев после заключения перемирия наблюдалось лишь простое замедление активности. Из этого сравнения видно, что за истекшие 30 лет противоречие между производительной мощностью американской промышленности и емкостью рынка значительно обострилось, и это говорит о возросшей неустойчивости экономики США.

Два года оживления

За спадом последовало оживление, продолжавшееся два года — 1947 и 1948. Индекс промышленной продукции (1935—1939 гг. = 100) поднялся в 1947 г. до 187, а в следующем году достиг 192, причем наивысшая точка подъема — 195 — пришлось на октябрь и ноябрь 1948 г. Число безработных, по официальным данным, сократилось в 1947 г. на 128 тыс., а в 1948 г. — еще на 74 тыс. Экспорт в 1947 г. резко вырос, а прибыли капиталистов увеличились настолько, что значительно превысили рекордные цифры военных лет.

Апологеты капитализма и приверженцы теории исключительности капитализма США тотчас же воспользовались этим оживлением, чтобы доказать, что, вопреки всем пессимистическим прогнозам, американский капитализм преодолел трудности перевода военной экономики на мирные рельсы и что для него, как и для всего остального капиталистического мира, после войны может наступить долгий период процветания. Поэтому важно установить причины, характер и перспективы этого оживления.

Оживление пытались объяснить «сбережениями военных лет». Эта «теория» гласила, что во время войны, вследствие нехватки некоторых товаров, американские рабочие не могли якобы расходовать свою заработную плату полностью и делали сбережения, которые и дали американской экономике толчок, вызвавший «бум» 1947—1948 гг. Но этой теории противоречит падение

промышленного производства в 1944—1946 гг., ибо если бы сбережения действительно существовали, то сразу же после окончания войны не произошло бы снижения производства. На самом деле только капиталисты были в состоянии накопить во время войны значительные резервы. Наоборот, из данных Исследовательской ассоциации по вопросам труда видно, что доходы рабочих и служащих обрабатывающей промышленности сократились с 1939 по 1944 г. на 5%, а в 1945 г.—еще на 5%.

Откладывать деньги могло только привилегированное меньшинство трудящихся. По данным Бюро экономики сельского хозяйства министерства земледелия, на 50 млн. человек, получающих низкую заработную плату, приходился только 1% сбережений, а $\frac{3}{4}$ всех сбережений находилось в руках $\frac{1}{5}$ числа лиц, работающих по найму, то есть самой высокооплачиваемой их части¹.

Наконец,—и это самое важное—резкое повышение цен, начавшееся в 1945 г., в значительной степени обесценило сбережения зажиточной части американского населения. С 1945 по 1948 г. оптовые цены выросли на 55,9%, тогда как за время с 1939 по 1945 г. они поднялись только на 37,2%.

Это явление объясняется деформацией капиталистического промышленного цикла под влиянием войны.

В наше время войну нельзя рассматривать как нечто не имеющее отношения к экономической активности и развитию капитализма. Начиная с 1914 г. война представляет собой составную часть экономического цикла и имеет тенденцию превратиться в этом цикле в обычную фазу подъема. Однако если неверно, что война, как утверждают некоторые, «нарушает» ход экономического цикла, то все же нельзя отрицать, что она его видоизменяет.

Военный подъем является на деле подъемом особого рода. Он обладает двумя противоречивыми свойствами: содержит в себе одновременно черты, присущие фазе подъема промышленных циклов периода до 1914 г., и черты, присущие фазе кризиса в тех же циклах. Война соответствует фазе подъема, потому что она вызывает рост

¹ «Bulletin quotidien des Services américains d'information», 6 juillet 1949.

производства, цен и прибылей и способствует новым капиталовложениям.

Но в то же время она несет в себе черты кризиса, расасывая запасы товаров, предназначенных для гражданского потребления, уничтожая несметные богатства и создавая нехватку в некоторых отраслях, в частности, в отраслях, производящих потребительские товары длительного пользования (жилые дома, автомобили, предметы домашнего обихода, радиоприемники и т. д.).

Война создает, таким образом, предпосылки для повышения цен и получения новых прибылей в послевоенное время. Она порождает значительные различия между странами, являющимися ареной военных действий, и странами, не затронутыми войной¹. Последние имеют возможность извлекать выгоды из ослабления первых и использовать свое преимущество, для того чтобы поднять свой экспорт до небывалых размеров. Именно в таком положении, как мы видели, оказались США.

Итак, война подготавливает условия для более глубокого кризиса, чрезмерно развивая отрасли, производящие средства производства и военные материалы, и увеличивая разрыв между покупательной способностью масс и возможностями производства. Но в то же время она создает условия для последующего «оживления» в отраслях, производящих предметы потребления, производство которых было приостановлено во время войны. Таковы два диалектически связанных между собой аспекта войны с точки зрения экономики.

Этими противоречивыми особенностями и объясняется то, что кризис 1944—1946 гг. продолжался в некоторых отраслях, например в авиационной и судостроительной промышленности, в производстве магния и т. д., еще и в 1947—1948 гг. без малейшего признака оживления, в то время как в других отраслях, особенно в тех, которые производят потребительские товары длительного пользования (автомобили, рефрижераторы, радиоприемники, предметы домашнего обихода, жилищное строительство), наблюдался подъем.

¹ А внутри отдельной страны — между отраслями промышленности, получающими наиболее крупные военные заказы, и отраслями, находящимися в менее благоприятном положении

Оживление 1947—1948 гг. происходило следующим образом: американские капиталисты стремились воспользоваться нехваткой товаров в США и во всем остальном мире, а также своим монопольным положением на мировом рынке, чтобы обеспечить себе максимально возможные прибыли. Это им удалось благодаря росту цен, имевшему место в результате полной отмены контроля над ценами в США в июне 1946 г. и благодаря увеличению экспорта в страны, пострадавшие от войны.

Рост цен, перспективы получения прибылей, стремление укрепить свои монопольные позиции по отношению к конкурентам, а также рискованность капиталовложений за границей — все это побуждало американских капиталистов вкладывать огромные суммы в здания и оборудование внутри страны; наконец, рост доходов привилегированных слоев в США способствовал подъему отдельных отраслей тяжелой промышленности — автомобильной и строительной.

Таким образом, тремя основными факторами оживления 1947—1948 гг. были рост цен, инвестиций и экспорта.

Оптовые цены

В 1939 г. индекс оптовых цен составлял 77,1 (1926 г. == 100). Начиная с 1941 г. цены росли особенно интенсивно и в 1945 г. достигли 105,8. Другими словами, за время войны цены повысились на 37,2%. После отмены контроля над ценами в 1946 г. индекс поднялся до 121,1, затем в 1947 г. — до 152,1 и, наконец, в 1948 г. — до 165. В течение трех послевоенных лет цены выросли по сравнению с 1945 г. на 55,9%. По сравнению с 1939 г. они выросли на 114%. Таким образом, можно отметить, что после окончания военных действий цены росли сильнее, чем во время войны, и это продолжалось в течение всех трех лет оживления.

Влияние роста цен на размеры капиталистических прибылей иллюстрируется тем, что в 1946 г. чистые прибыли компаний увеличились по сравнению с 1945 г., несмотря на спад экономической активности.

Капиталистическое государство также содействовало росту прибылей, снизив налоги. В 1946 г. сумма налогов, уплаченных компаниями, сократилась на 2,6 млрд. долл.,

в то время как общая сумма валовой прибыли увеличилась на 1,4 млрд. В 1947 г. валовая прибыль поднялась на 36,6% по сравнению с 1946 г. (а налоги увеличились только на 30%).

Вследствие этого за период 1945—1948 гг. чистые прибыли росли быстрее, чем валовые. Действительно, последние повысились с 20 400 млн. до 32 000 млн. долл., то есть на 36,2%, а чистые прибыли — соответственно — с 8700 до 19 700 млн. долл., то есть на 126,4%.

Благодаря этим мероприятиям чистые прибыли, полученные за период 1946—1948 гг., значительно превысили рекордные прибыли периода войны (10 800 млн. долл. в 1944 г.), составив 12 800 млн. в 1946 г., 18 100 млн. в 1947 г. и 19 700 млн. долл. в 1948 г.

Небывало высокие прибыли позволили компаниям выплачивать крупные дивиденды. Но общая сумма дивидендов 1929 г. (5800 млн. долл.) была превзойдена только в 1947 г. (6900 млн. долл.) и в 1948 г. (7600 млн. долл.). Почему? Потому что американские компании накопили огромные резервы и из 50 600 млн. долл. чистой прибыли, полученной за время с 1946 по 1948 г., распределили в форме дивидендов только 20 300 млн. долл.; вся остальная прибыль была использована для приобретения новых средств производства, пополнения запасов, кредитования потребителей и, в меньшей мере, для погашения займов, полученных во время кризиса 1929 г. от государственных органов, например от Реконструктивной финансовой корпорации.

Новые капиталовложения на приобретение машин и оборудования росли непрерывно с 1945 по 1948 г. и значительно превышали вложения военных лет:

Год	Млн. долл.
1945	6 630
1946	12 040
1947	16 180
1948	19 230

Таким образом, за три года в основной капитал было вложено 47 420 млн. долл. Другими словами, капиталовложения намного выросли по сравнению с военным временем и даже по сравнению с 1929 г., который до

того был рекордным по размерам капиталовложений (9165 млн. долл.).

Однако если капиталовложения 1948 г. превысили уровень 1929 г. на 105 %, то это в значительной мере объяснялось разницей в ценах, которые за этот период повысились на 72 %. И все же фактические затраты на оборудование в 1948 г. превысили затраты 1929 г. на 30 %.

Крупные размеры капиталовложений объясняются тем, что, во-первых, в течение долгого времени — с 1930 по 1938 г. — вложения были ниже нормального уровня; во-вторых, во время войны производились относительно недостаточные капиталовложения, в-третьих, в течение рассматриваемого периода американские монополии не имели возможности делать значительные капиталовложения за границей и, в-четвертых, монополиям удалось приобрести по низким ценам предприятия, построенные государством во время войны.

Здесь можно еще раз отметить, что война играет ту же роль, что и экономические кризисы. Действительно, кризис порождает банкротство, и тогда крупные компании и банки могут скупать за бесценок предприятия, которые они затем пускают в ход, так как благодаря низкой покупной цене они могут получать достаточно высокую норму прибыли. Таким путем начинается оживление экономической активности. То же самое происходит, когда монополии скупают предприятия, построенные государством во время войны, по ценам, значительно ниже стоимости.

СТРОИТЕЛЬСТВО

Длительный кризис в строительной промышленности, а также рост населения после 1929 г., естественно, должны были привести к значительному росту строительства.

В 1922—1929 гг. строительство было одним из важных факторов экономической активности.

После кризиса 1921 г. затраты на строительство непрерывно росли и с 1925 по 1929 г. составляли свыше 10 млрд. долл. в год (в 1927 г. они достигли максимальной цифры — 11 179 млн. долл.). Они начали снижаться с 1929 г. (9913 млн. долл.) и, наконец, на низшей точке

кризиса, в 1933 г., упали до 2200 млн. долл. Затем последовал очень медленный рост, который продолжался вплоть до второй мировой войны (6800 млн. долл. в 1940 г.). Цифра в 10 млрд. долл. была достигнута только в 1941 г., а рекордная довоенная цифра оказалась превзойденной лишь в 1942 г. (13 300 млн. долл.) в связи со строительством для военных нужд. В 1943—1944 гг. снова происходил спад, в 1945 г. — некоторое оживление, усилившееся затем в 1946, 1947 и 1948 гг., и, наконец, в 1948 г. был достигнут новый рекорд — 17,7 млрд. долл. При этом в 1947 г. затраты выросли на 30% по сравнению с предыдущим годом, а в 1948 г. — на 26% по сравнению с 1947 г.

Однако если в 1947—1948 гг. строительство новых зданий значительно способствовало экономическому оживлению, то все же размеры этого строительства далеко не соответствовали потребностям населения. Говорить о подлинном подъеме в этой отрасли промышленности было невозможно, потому что большая сумма затрат частично объяснялась ростом цен. Строительные материалы относятся к числу тех товаров, цены которых особенно выросли по сравнению с 1939 г.

Таким образом, затраты на жилищное строительство (не считая ферм) достигли в 1948 г. примерно 7 млрд. долл. В рекордном для довоенного периода 1925 г. они составляли всего 4500 млн. долл., хотя в тот год началось строительство 937 тыс. «жилых объектов», а в 1948 г. — 925 тыс.

Таким образом, несмотря на рост населения и на недостаточный объем строительства за последние два десятка лет, жилищное строительство все же не вернулось к уровню 1925 г. Доля затрат на строительство в валовом национальном доходе очень невелика: 6% в 1947 г. и 7% в 1948 г. против 11,6% в 1926 г. и 9,5% в 1929 г.

ЭКСПОРТ

Важным элементом экономического оживления было резкое увеличение экспорта — с 10 100 млн. долл. в 1946 г. до 15 300 млн. долл. в 1947 г. В 1948 г. сохранился высокий уровень экспорта (12 600 млн. долл.). О воздействии экспорта на производство свидетельствует то, что паде-

ние экспорта в 1945—1946 гг. сопровождалось сокращением промышленного производства.

Таким образом, внешняя торговля приобрела для экономики США такое значение, какого она до 1939 г. не имела. Так, экспорт зерновых из США вырос с 8,6 млн. т в среднем в довоенные годы до 13,2 млн. т в 1947—1948 г., экспорт угля — с 13,2 млн. до 70 млн. т. В 1947 г. экспорт был впятеро выше, чем до войны, хотя все производство товаров и услуг выросло только в 1,8 раза.

Стоимость вывезенных товаров по отношению к общей стоимости всей продукции (сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности и транспорта) достигла в 1947 г. 11,7%, тогда как с 1931 по 1941 г. она составляла от 6,5 до 7,5%. Но эти цифры не дают достаточного представления о влиянии экспорта на экономическую активность, поскольку не все отрасли экономики производят товары на экспорт.

Так, в 1947 г. фабриканты станков вывезли 39,6% своей продукции, фабриканты моторов — 20,3, вагонов — 19; владельцы антрацитных шахт — 14,9% добычи¹.

Воздействие экспорта на сельское хозяйство было еще сильнее. В 1947—1948 гг. Соединенные Штаты вывезли 520 млн. бушелей пшеницы, то есть свыше 40% всего урожая, и такую же долю урожая риса. Значительный рост экспорта послужил основной причиной повышения сельскохозяйственных цен в 1946—1947 гг. и предотвратил вспышку аграрного кризиса после окончания войны.

Характерно, что размеры правительственных ассигнований, предназначенных для поддержания цен на сельскохозяйственные продукты, колеблются в зависимости от объема экспорта. В 1947 г., когда экспорт достиг рекордных размеров, правительство США выдало ссуд всего на 31 млн. бушелей всех видов зерновых. В 1948 г. оно «гарантировало» экспорт уже 364,3 млн. бушелей пшеницы, или 28% общего урожая, а также 148 млн. бушелей кукурузы, или 4% урожая. Значительный экспорт яиц позволил снизить затраты на поддержание цен на яйца. В 1947 г. экспорт сельскохозяйственных продуктов (зерновых, хлопка, табака, молочных продуктов, сала)

¹ Министерство торговли США, Survey of Current Business, February 1949.

оценивался в 4 млрд. долл. В этом году фермеры сумели сохранить свои доходы на прежнем уровне, покупать сельскохозяйственный инвентарь и предметы текущего потребления и таким путем позволили и промышленности косвенным образом воспользоваться плодами роста экспорта сельскохозяйственных продуктов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ

О специфическом характере оживления в 1947—1948 гг. свидетельствует рост правительственных затрат на поддержание экономической активности. Если бы оживление имело здоровую основу и было длительным, то после войны государственные расходы должны были бы неуклонно снижаться. Однако в действительности происходило нечто противоположное. 1946 год был годом демобилизации, и государство вынуждено было затрачивать на нее значительные средства, но и в следующем году государственные расходы продолжали расти; то же самое происходило и в 1948 г., а в 1949 г., вместо того чтобы снизиться или остаться на достигнутом уровне, государственные расходы сделали скачок на 9 млрд. долл. по сравнению с 1948 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ

(расходы федерального правительства, штатов и местных властей)

Год	Млрд. долл.
1946	46,7
1947	50,7
1948	52,1
1949 (предполагаемые)	61,0

Источник: Отчет президента Трумэна, январь 1949 г.

Сравнение этих данных с данными за 1929 г. красноречиво говорит о дальнейшем загнивании экономики США за двадцать лет, которые прошли после экономического кризиса. В 1948 г. правительственные расходы

были в пять раз выше, чем в 1929 г., когда они составили 10,5 млрд. долл. Покупка товаров и услуг федеральным правительством в 1929 г. составила в ценностном выражении 8,2% валовой национальной продукции, а в четвертом квартале 1948 г. — 15,6%. Разница между этими двумя цифрами отражает различие между двумя периодами «процветания». Рост государственных расходов в сопоставлении с валовой национальной продукцией, что особенно характерно, продолжался с конца 1947 г. в течение всего 1948 г.

Т а б л и ц а 22

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Е Р А С Х О Д Ы

Г о д	Расходы ^а (в млрд. долл.)	Валовая на- циональная продукция ^а (в млрд. долл.)	Правительствен. расходы по от- ношению к ва- ловой продук- ции (в %)
1947 (IV квартал)	29,0	243,8	11,5
1948 (I »)	30,5	244,9	12,4
(II »)	33,9	251,9	13,4
(III »)	38,2	258,1	14,8
(IV »)	41,5	264,9	15,6

^а Объем за год, исчисленный по данным за отдельные кварталы.
Источник: Federal Reserve Bulletin.

Эти деньги расходовались в основном на подготовку новой войны и на финансирование экспорта.

В О Е Н Н Ы Е Р А С Х О Д Ы

Расходы, которые стали необходимыми в результате прошлых войн, говорилось в экономическом отчете президента Трумэна в январе 1949 г., и в связи с современными требованиями обеспечения национальной безопасности, поглотили свыше 70% средств, затраченных федеральным правительством в 1947 и 1948 гг.; можно ожидать, что в 1949 г. доля этих расходов несколько возрастет.

В действительности эти расходы еще значительнее; расходы, проходящие по бюджету под рубрикой «национальная оборона», — это отнюдь не единственные расходы, связанные с подготовкой войны. Если даже основываться исключительно на признаниях, сделанных президентом в его отчете (а тщательный анализ бюджета, несомненно, позволил бы выявить еще более крупные расходы), то окажется, что чисто военные расходы, связанные с подготовкой новой войны, росли следующим образом.

Т а б л и ц а 23

РАСХОДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОДГОТОВКОЙ НОВОЙ ВОЙНЫ
(в млн. долл.)

Бюджетный год	1947/48	1948/49 ^a	1949/50 ^a
Расходы			
Национальная оборона . .	10 914	14 700	15 900
Атомная энергия	466	632	725
Ассигнования на развитие средств транспорта, связанные с национальной обороной:			
а) авиация	136	194	256
б) морской флот	183	152	182
Итого	11 709	15 678	17 063

^a Предварительные данные.
Источник: Отчет президента Трумэна, 10 января 1949 г.

Сравнение этих расходов с довоенными дает очень красноречивые результаты: в федеральном бюджете 1938/39 г. военные расходы составляли 1300 млн. долл., то есть были почти в 14 раз меньше, чем в бюджете 1949/50 г. В 1939/40 г. военные расходы составляли всего 1700 млн. долл., или были в 10 раз меньше, чем в 1949/50 г. В 1940/41 г., то есть в год вступления Соединенных Штатов в войну, расходы повысились до

6300 млн. долл. и все же были в два с половиной раза меньше, чем в 1949 г.¹

Для характеристики развития американского капитализма не менее интересно сравнение этих расходов с расходами за период, последовавший за окончанием первой мировой войны. Оказывается, что два послевоенных периода совершенно непохожи друг на друга. В 1946—1947 гг. не происходило резкого падения военных расходов, какое имело место в 1919—1920 гг.; они сократились значительно меньше, — а главное, на третьем и четвертом годах после окончания первой мировой войны военные расходы сокращались, а на третьем и четвертом годах после второй мировой войны они стали расти.

Таблица 24

I. ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ

Бюджетный год	Млрд. долл.	Бюджетный год	Млрд. долл.
1918/19	11,0	1945/46	48,5
1919/20	2,3	1946/47	17,1
1920/21	1,7	1947/48	11,7
1921/22	0,9	1948/49	15,6
1922/23	0,73	1949/50	17,0

Таблица 25

II. ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ В ПРОЦЕНТАХ К ПОСЛЕДНЕМУ ГОДУ ВОЙНЫ (1918 и 1945 гг.)

	Период после первой мировой войны		Период после второй мировой войны	
	Год	Процент	Год	Процент
Первый послевоенный год	1919	21,8	1946	35,2
Второй » »	1920	15,4	1947	24,1
Третий » »	1921	8,1	1948	32,1
Четвертый » »	1922	6,3	1949	35,0

¹ Следует отметить, что в приведенную выше таблицу не включены кредиты, предоставленные иностранным государствам (по плану Маршалла и др.) для подготовки новой войны.

Таким образом, мы видим разительный контраст между 1922 и 1949-гг.: на четвертом году после окончания первой мировой войны военные расходы составили всего 6,3% суммы, затраченной на военные нужды в последний год войны, а в 1949 г.— 35%.

Если сравнить эти же два года с предвоенными годами, то окажется, что процент роста расходов теперь значительно выше, чем после первой мировой войны. В бюджете 1922 г. военные расходы составляли 203% по отношению к расходам за 1914 г., а в бюджете 1949 г. они достигли 1307% по отношению к расходам за 1939 г.

Если исследовать, наконец, движение военных расходов за весь период между двумя войнами, то можно заметить, что с 1924 по 1935 г. (бюджетные годы) они колебались от 600 до 700 млн. долл. Лишь в 1935 г. они начали быстро расти (923 млн. долл.), в 1936 г. превысили 1 млрд. долл., в 1939 г. достигли 1377 млн. долл. Таким образом, особенно быстрый рост военных расходов начался в периоды «депрессии» и оживления, последовавшие за кризисом 1929—1934 гг., то есть через шестнадцать лет после окончания первой мировой войны. После второй мировой войны военные расходы США начали быстро нарастать уже через два года после окончания войны. Промежуток сократился в восемь раз. О чем говорят эти данные, как не о значительном ускорении процесса разложения американской экономики, о котором свидетельствует ее история за последние 30 лет?

Изучение экспорта приводит к тем же выводам. Если экспорт товаров, стремительно увеличившийся в 1947 г., не снизился в 1948 г., подобно тому, как это произошло в 1921 г. (в 1948 г. падение составило всего 17,6% по сравнению с 45,5% в 1921 г.), то это в значительной степени связано с кредитами, предоставленными правительством США (табл. 26).

Правительственные кредиты за период 1946—1948 гг. достигли 20,6 млрд. долл. по сравнению с 3,2 млрд. долл. за период 1919—1921 гг., то есть увеличились в 6 раз.

Из этих изменений в размерах правительственных кредитов в послевоенные периоды следует: 1) что экспортный «бум» 1947 г. совпал со значительным ростом кредитов; 2) что правительственные кредиты в период после первой мировой войны фактически прекратились через два

года после окончания военных действий. На третьем году после войны, то есть в 1921 г., они составили незначительную сумму — 86 млн. долл. Теперь же, на третьем году после окончания военных действий, в 1948 г. вступила в действие «программа помощи Европе», то есть план Маршалла.

Т а б л и ц а 26

КРЕДИТЫ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ США ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВАМ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

(в млн. долл.)

1919—1921 гг.		1946—1948 гг.	
1919 г.	2844	1946 г.	5852
1920 г.	286	1947 г.	9300
1921 г.	86	1948 г.	5523
Всего . .	3216	Всего . .	20675

Эти данные показывают, что после 1945 г. экспорт из США мог удерживаться на высоком уровне только при помощи своего рода принудительного сбыта, обеспеченного правительственными кредитами, что высокий уровень экспорта в 1947 и 1948 гг. в действительности означал не оживление, а упадок международной торговли. Что же касается устойчивости американской экономики, то, как свидетельствуют эти данные, она не может позволить себе вынести кризис, подобный кризису 1920 г., — кризис приспособления искусственно раздутой во время войны торговли к условиям мирного времени.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ОЖИВЛЕНИЯ

Высокий уровень государственных расходов в течение 1946—1948 гг. свидетельствует не только об усилившемся разложении американского капитализма, но и о неустойчивости оживления.

Политика американских монополий ведет к обнищанию народных масс в США и к истощению золотых запасов

иностранных государств. Одновременное сужение отечественного и иностранных рынков, происходившее параллельно с ростом производства, должно было очень быстро привести к кризису «перепроизводства».

В Соединенных Штатах 1946—1948 годы характеризовались усилением эксплуатации трудящихся и присвоением монополиями увеличивающейся массы прибавочной стоимости. Тот факт, что прибыли капиталистов после уплаты налогов выросли с 1946 по 1948 г. на 126%, тогда как продукция выросла только на 12%, достаточно наглядно показывает, что если процветание и было, то им воспользовались только капиталисты.

Рост цен и прибылей приводит к обнищанию масс, которые, кроме того, должны нести бремя расходов на вооружение и финансирование экспорта.

Бюллетень федерального резервного банка за март 1949 г. приводит данные, показывающие, что с 1942 по 1948 г. недельный заработок американских рабочих, выраженный в долларах 1939 г., значительно снизился. Вследствие роста дороговизны и несмотря на повышение номинальной заработной платы, достигнутое в результате широкого стачечного движения, падение покупательной способности заработной платы за 1945—1948 гг. составило 16—17%.

Таблица 27

ИЗМЕНЕНИЯ НОМИНАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И СТОИМОСТИ ЖИЗНИ В США.
(по официальным данным)

Год	Индекс стоимости жизни	Индекс номинальной заработной платы	Падение покупательной способности заработной платы
1945	100	100	—
1946	107	90	16
1947	124	103	17
1948	133	115	16

Источник: Survey of Current Business et Department of Labour.

С 1946 по 1948 г. среднее число безработных, по крайней мере по официальным данным, не выросло. Тем не менее оно все время превышало 2 млн. человек, а число частично безработных значительно возросло. По средним данным для всех отраслей промышленности число рабочих часов в неделю сократилось с 44,2 в 1944 г. до 43,4 в 1945 г., а затем — с 40,4 в 1946 г., до 40,3 в 1947 г. и, наконец, до 40 часов в 1948 г.

Американские капиталисты вкладывали свои капиталы в новое оборудование не для того, чтобы повышать производственную мощность предприятий, а для того, чтобы сокращать число рабочих. В результате — даже по официальным статистическим данным — доля заработной платы в национальном доходе в течение этих трех лет непрерывно падала, а доля капиталистов повышалась.

Таблица 28

ДОЛЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ПРИБЫЛЕЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДОХОДЕ

	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Заработная плата.	60,9	59,6	58,9
Валовая прибыль.	10,6	13,3	14,1

Источник: Министерство торговли. (При всех недостатках методов исчисления национального дохода тенденция, которую показывают сравнительные данные, остается в силе.)

Рост государственных расходов привел к увеличению налогов, которые легли всей своей тяжестью прежде всего на заработную плату.

По данным американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» от 10 июня 1949 г., налоги, падающие на монополистические объединения, выросли не более чем в 2 раза, тогда как налог на среднюю заработную плату вырос в 7 раз, а на высокую заработную плату — в 4 раза.

Но жертвой алчности монополий был не один только рабочий класс. Они перешли в наступление и на немонополизированные капиталистические предприятия, а также на

сельское хозяйство. Официальная американская статистика приводит данные о доле прибыли капиталистов в отпускной цене товаров. Хотя существующий метод исчисления имеет целью преуменьшить долю прибыли, тем не менее приведенные здесь данные свидетельствуют о том, что эта доля меняется в зависимости от размеров предприятий. В 1947 г. прибыль компаний, актив которых был ниже 250 тыс. долл., достигала 6,5% отпускной цены; у компаний с активом от 250 тыс. до 1 млн. долл.— 8,8%; у компаний с активом от 1 до 5 млн. долл.— 10,7%; у компаний с активом от 5 до 100 млн. долл.— 11,9% и у компаний с активами свыше 100 млн. долл.— 11,4%. Те же статистические данные показывают, что в течение 1948 г. доля мелких и средних предприятий снижалась, а доля крупных компаний (с капиталом свыше 100 млн. долл.) росла.

Одновременно монополии повели наступление и на прибавочную стоимость, получаемую в сельском хозяйстве. За время с 1942 по 1947 г. цены на сельскохозяйственные продукты поднялись больше, чем на промышленные товары. Но в 1948 г. положение изменилось. С января сельскохозяйственные цены начали снижаться, и это снижение происходило в течение всего года, несмотря на сезонное повышение цен в период марта — июня, которым воспользовались только крупные аграрии и монополии по сбыту сельскохозяйственных продуктов. Зато цены на промышленные товары повышались вплоть до ноября. Таким образом, расходы фермеров росли, а доходы уменьшались. В январе 1948 г. индекс цен, по которым фермеры продавали свои продукты, составлял 307 (1910—1914 гг. = 100), а индекс цен товаров, которые они покупали, вырос до 226, то есть разрыв достиг 81 пункта.

Через год, в феврале 1949 г., индексы составляли соответственно 258 и 257, то есть разрыв был всего в один пункт. В конце года (в декабре 1949 г.) индекс цен, уплачиваемых фермерами, был на четыре пункта выше цен, которые они получали за свои продукты (237 и 233). Как и после первой мировой войны, соотношение цен снова стало неблагоприятным для фермеров.

Несомненным признаком обнищания масс является непрерывный рост потребительского кредита, то есть рост задолженности потребителей. Потребительский кредит не

расширяет капиталистический рынок сбыта: для крупных компаний или для некоторых отраслей производства он представляет средство расширения рынка сбыта только для своих товаров, и это в такой же мере ограничивает рынок для товаров других отраслей. Американец, не имеющий денег для покупки автомобиля за наличные, покупает его в рассрочку, а затем должен терпеть лишения, чтобы выплатить свой долг, и ограничивает свои расходы на зрелища, на питание, на одежду и т. д.

Отрасли промышленности, производящие потребительские товары длительного пользования (автомобили, холодильники, хозяйственные приборы, радиоприемники и т. д.), прибегают к продаже в рассрочку как к средству переложить тяготы кризиса на чужие плечи. В 1945 г. продажа автомобилей в рассрочку составила 225 млн. долл., а в 1948 г. — уже 2 млрд. долл. Не случайно экономический кризис начался весной 1948 г. в легкой промышленности и особенно затронул текстильную промышленность. В 1948 г. доля потребительских ссуд в расходах населения составила 9%, вплотную приблизившись к доле 1929 г. (9,2%), накануне экономического кризиса.

Падение покупательной способности на внутреннем рынке сопровождалось и сужением внешних рынков.

Несмотря на план Маршалла, промышленность и сельское хозяйство Соединенных Штатов не смогли удержать то место на мировом рынке, которое они заняли в 1945—1947 гг., вследствие разрушений, причиненных войной другим странам. Это объясняется анархией капиталистического производства. Если бы, начиная с 1945 г., американский империализм имел возможность наладить массовый сбыт своих товаров и прибыльно вкладывать свои капиталы, он мог бы воспрепятствовать восстановлению конкурирующих отраслей европейской промышленности или наложить на них лапу. Но, с одной стороны, большой спрос на внутреннем рынке поглотил большую часть продукции американской промышленности, а разруха в Европе не допускала крупных капиталовложений, помимо вложений в уже существующие филиалы американских компаний. С другой стороны, размах освободительного движения и участие коммунистов в правительствах исключали возможность немедленного и грубого захвата экономики Европы. Хотя план Маршалла значительно

затормозил восстановление и помешал ему принять такие масштабы, какие оно могло бы иметь, даже и этих ограниченных масштабов восстановления оказалось достаточно, чтобы закрыть европейский рынок для промышленности и сельского хозяйства США, а также вынудить американские товары к отступлению на других мировых рынках под давлением конкуренции английских, французских, бельгийских и итальянских товаров.

В 1948 г. американский экспорт упал до 12,6 млрд. долл. против 15,3 млрд. долл. в 1947 г. Резкое увеличение экспорта в 1947 г., за которым последовало немедленное падение, показывает, что этот рост носил особый характер. В 1947 г. доля Соединенных Штатов в мировом экспорте капиталистических стран достигла 34%, в 1948 г. снизилась до 26%, а в первом полугодии 1949 г.— до 21%. И наоборот, доля западноевропейских стран поднялась с 29% в 1947 г. до 36% в 1948 г. и 38,9% в первые месяцы 1949 г.

Доля Соединенных Штатов в импорте стран Дальнего Востока (Китай, Япония, Южная Корея, Вьетнам, французские владения в Океании, Гонконг, Малайя, Сиам, Филиппины) упала с 48% в 1947 г. до 34,1% в 1948 г. Экспорт Соединенных Штатов в страны Латинской Америки упал с 4 млрд. долл. в 1947 г. до 3386 млн. долл. в 1948 г. и ниже 3 млрд. долл. в 1949 г.

Иными словами, сохранить исключительно благоприятную конъюнктуру первых послевоенных лет оказалось невозможным, несмотря на то, что американские монополии пытались ее продлить, направляя в Европу избытки своей сельскохозяйственной и промышленной продукции, чтобы таким путем отсрочить, насколько возможно, кризис перепроизводства в Соединенных Штатах. Несомненно, что с помощью этих принудительных продаж американскому капитализму удалось воспрепятствовать катастрофическому падению экспорта, одновременно затормозить подъем европейской промышленности и таким образом ограничить ее конкурентоспособность на других рынках. Так, во Франции в результате плана Маршалла темпы добычи угля и производства электроэнергии гидростанциями были замедлены в интересах американских нефтяных монополий, которые колоссально 'увеличили

свой экспорт по сравнению с довоенным, так как электростанции¹ и паровозы были переведены на мазут.

Таблица 29

ИМПОРТ И ОЧИСТКА НЕФТИ ВО ФРАНЦИИ
(среднемесячные данные в тыс. т)

	1938 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Импорт . .	691	586	738	1 028
Очистка . .	581	421	689	966

При общем уровне промышленного производства, несколько превышающем довоенный, потребление нефти почти удвоилось.

Таблица 30

СБЫТ ТЯЖЕЛОГО ТОПЛИВА ВО ФРАНЦИИ
(в тыс. т в год)

Потребители	1948 г.	1949 г.	Рост, в %
Компания «Электриситэ де Франс»	312	631	102
Национальная компания французских железных дорог	747	952	27
Промышленность	1 145	1 527	33

¹ Ассигнования на переоборудование предприятий «Электриситэ де Франс» вначале намечались в размере 145 млрд. франков, впоследствии они были сокращены до 111 млрд. франков; в 1947 г. были закрыты 49 мелких шахт, в которых добывался уголь и лигнит. В этих шахтах было занято 4250 рабочих. В то же время потребление нефти, которое по «плану Монне» ограничивалось 12 млн. т, в соответствии с планом, представленным американцам в Организацию европейского экономического сотрудничества, должно достигнуть 18,7 млн. т.

Такие важнейшие отрасли французской промышленности, как авиационная¹ и кинопромышленность², уничтожены или обречены на прозябание.

Но к чему это привело? К тому, что в 1948 г. в Европе начался кризис в производстве предметов массового потребления (текстиль, кожаные изделия и т. п.) и в сельском хозяйстве (падение цен на сельскохозяйственные продукты во Франции). Перекладывая бремя кризиса на Европу, Соединенные Штаты лишь отсрочили наступление кризиса у себя, но в то же время сделали его более серьезным, так как кризис в Европе означает сужение европейского рынка, а следовательно, и падение экспорта американских товаров. Таким образом, американские кредиты не смогли воспрепятствовать падению экспорта из США. В 1948 г. больше всего сократился именно экспорт в страны Западной Европы, «облагодетельствованные» планом Маршалла; импорт этих стран из Соединенных Штатов уменьшился на 23%.

¹ Авиатранспортная компания «Эр Франс» и французский военно-воздушный флот применяют американские самолеты, а в то же время французские авиационные заводы закрываются (4 завода из 6, принадлежащих компании СНКАК; 3 из 6 — компании СНКАСО; 4 из 7 — компании СНКАН), и продукция авиационной промышленности непрерывно снижается.

Достаточно красноречивую характеристику положения дает сравнение с довоенным периодом:

Продукция авиационной промышленности (средняя за месяц)

	1938 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Самолеты (количество)	115	78	65	16
вес в т	176	107	70	29
Моторы (количество)	250	173	114	49
мощность в тыс. л. с.	175	71	54	45

² Кинопромышленность (количество фильмов, допущенных цензурой)

	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Французские фильмы	268	282	297	295
Американские фильмы (в том числе дублированные)	568	1 283	723	807

Другим фактором, благоприятствовавшим росту американского экспорта, были запасы золота и долларов, сохранившиеся у некоторых стран или накопленные ими во время войны. Полуколонизальные страны Америки и Южной Африки нажились на войне, продавая свое сырье Соединенным Штатам за золото. С 1942 по 1945 г. золотой запас Соединенных Штатов сократился на 2,7 млрд. долл. Но как только война окончилась, американские монополии вновь стали продавать за границей больше, чем покупать. За время войны они развили производство некоторых материалов и продуктов, которые они прежде ввозили из-за границы; в результате объем импорта по отношению к национальному продукту, составлявший 5,2% в 1919—1920 гг., упал до 2,4% в 1946—1947 гг. Если бы соотношение, существовавшее в 1919—1920 гг., сохранилось, то импорт товаров в 1947 г. достиг бы 12 млрд. долл., тогда как в действительности он составил 5,6 млрд. долл.

С другой стороны, с ростом торгового флота США расходы на фрахт и на услуги за границей уменьшались, а доход от экспорта товаров и услуг возрастал. В итоге США постоянно сводили свой платежный баланс с активным сальдо, которое в 1947 г. превысило довоенное сальдо в 22 раза.

Таблица 31

ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
(товары и услуги в млрд. долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Активное сальдо
1936—1938 (средние цифры)	4,1	3,6	0,5
1946	15,0	7,2	7,8
1947	19,8	8,5	11,3
1948	16,8	10,3	6,5

Источник: Отчет президента Трумэна, 1949 г.

Часть дефицита платежного баланса капиталистических стран по отношению к Соединенным Штатам покры-

валась за счет кредитов, предоставленных американским правительством, а другая часть — золотом.

В 1947 г., который был отмечен бурным подъемом американского экспорта, страны, импортирующие американские товары, израсходовали самые большие суммы.

ЛИКВИДАЦИЯ АВАУРОВ В
ЗОЛОТЕ И В ДОЛЛАРАХ (НЕТТО)
(в млрд. долл.)

Год	
1946	2,0
1947	4,5
1948	1,1

В результате золотые запасы всех национальных банков переместились в Соединенные Штаты. В то время как золотой запас США вырос более чем на 4 млрд. долл., у Франции он уменьшился на 1452 млн. долл., у Швеции — на 400 млн., у Аргентины — на 1 млрд., у Южной Африки — на 753 млн. долл. и т. д.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС
(в млн. долл.)

*Соединенные Штаты*¹

1940 г.	21 995 (декабрь)	1945 г.	20 065 (минимальный)
1942 г.	22 726 (максимальный)	1948 г.	24 244
		1949 г.	24 314

*Другие страны*¹

Аргентина

Бразилия

1945 г.	1 197 (декабрь)	1945 г.	354	1946 г.	145 (декабрь)
1948 г.	140 (ноябрь)	1948 г.	317	1948 г.	63 (июль)

Мексика

Южно-Африканский союз

Уругвай

1945 г.	294	1946 г.	939	1946 г.	200
1948 г.	166 (август)	1948 г.	183	1948 г.	164

¹ Federal Reserve Board.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС
(в млн. долл.)

<i>Франция</i>		<i>Италия</i>		<i>Голландия</i>	
1944 г.	2 000 (декабрь)	1942 г.	141	1944 г.	500
1948 г.	548 (декабрь)	1948 г.	66	1948 г.	163 (ноябрь)
<i>Португалия</i>			<i>Швеция</i>		
1946 г.	245			1945 г.	482
1948 г.	265 (ноябрь)			1948 г.	81

КОНЕЦ «ОЖИВЛЕНИЯ»

Сосредоточение богатства на одном полюсе и нищеты на другом происходило, таким образом, одновременно и внутри США и в масштабе всего капиталистического мира. Производство в Соединенных Штатах росло, а их внутренний и внешний рынки суживались; вскоре должен был разразиться кризис перепроизводства. Такой кризис стал вырисовываться в конце 1948 г.

Симптомами начала кризиса служат падение оптовых цен и сокращение капиталовложений в машины и оборудование (основной капитал). В военное время, когда товаров нехватает, цены товаров поднимаются намного выше их стоимости. Но такое положение не может длиться бесконечно. Всякий раз, когда происходит повышение цен, не соответствующее изменению стоимости товаров, неизбежно следует кризис приспособления. Падение цен, начинающееся после продолжительного периода повышения, знаменует начало кризиса.

С другой стороны, «материальную основу» экономического цикла создают затраты на основной капитал. Кризис, в собственном смысле слова, заканчивается тогда, когда промышленники начинают обновлять оборудование; оживление переходит в подъем, когда эти затраты достигают максимума, и кризис возобновляется, когда они вновь начинают снижаться.

И вот именно в конце 1948 г. все оптовые цены впервые начали понижаться, а рост капиталовложений замедлился. Общий индекс оптовых цен достиг высшей точки в августе 1948 г. Начиная с сентября цены непрерывно

понижались: индекс цен снизился со 169,5 в августе 1948 г. до 152 в августе 1949 г.¹

В конце 1948 г. наметился поворот и в отношении затрат на оборудование. В первом квартале 1949 г. по всей промышленности в целом они снизились на 13,4% по сравнению с первым кварталом 1948 г. Это снижение не носило такого преходящего характера, как в первом квартале 1948 г., когда отмечалось падение на 6%. В самом деле, в течение всего 1949 г. затраты на оборудование сократились на 1300 млн. долл. по сравнению с 1948 г., а затраты, намечавшиеся на 1950 г., были еще ниже². «Совершенно очевидно,— писал «Джорнэл оф коммерс» 16 мая 1949 г.,— что прошли те времена, когда можно было расходовать деньги без счета и щедро вкладывать средства в новое оборудование. Эти времена прошли даже для крупных компаний, которые располагают большими средствами».

Динамика цен и затрат на оборудование с несомненностью свидетельствует о том, что 1949 год был годом конца оживления 1946—1948 гг. и начала новой фазы падения. Это подтверждается и рядом других факторов: падением промышленного производства, ростом безработицы, сокращением прибылей. В октябре и ноябре 1948 г. индекс промышленного производства достиг высшей точки за все послевоенное время, а именно — 175 (1937 г. = 100). С декабря 1948 г. по июль 1949 г. происходило непрерывное падение промышленного производства; индекс его снизился до 145, то есть на 17%. В точно такой же пропорции сократилось производство в 1930 г. по сравнению с 1929 г. Кризис не коснулся одновременно всех отраслей промышленности. Отрасли, производящие товары массового потребления, отрасли легкой промышленности были затронуты первыми, что говорит о падении покупательной способности масс. В текстильной промышленности кризис

¹ Движение цен к концу 1948 г. походило на движение цен в 1920 г., в начале кризиса 1920—1921 гг. В 1948 г. средний индекс оптовых цен был на 87,9 пункта выше, чем в 1939 г., а в 1920 г. он был на 86,3 пункта выше, чем в 1914 г. Индекс цен в августе 1948 г. был на 121% выше, чем в 1939 г., а индекс в 1920 г. был на 126% выше, чем в 1914 г.

² Министерство торговли США, Survey of Current Business, December 1949.

начался весной 1948 г. Здесь он проявился с особой силой: с марта 1948 г. по июль 1949 г. потребление хлопка сократилось почти на 50% (с 880 тыс. кип до 445 тыс. кип). Затем были затронуты различные отрасли тяжелой промышленности — производство цветных металлов, добыча угля, а с марта 1949 г. — и стали.

Число безработных, снизившееся по официальным данным в октябре 1948 г. до 1642 тыс., затем, после непрерывного роста, достигло 4095 тыс. в июле 1949 г. и, наконец, 4684 тыс. человек в феврале 1950 г. Американские профсоюзные организации считают эти данные неверными. Профсоюз электриков оценивал численность полностью безработных в 1949 г. в 6 млн. человек. Но особенно большие размеры принимает частичная безработица. Средняя продолжительность рабочей недели уменьшилась за год (июнь 1948 г. — апрель 1949 г.) на два часа, то есть до 38 часов. В апреле 1949 г. такое сокращение рабочей недели составляло только для обрабатывающей промышленности в общей сложности 30 млн. часов. Текстильщики работали в среднем 33—35 часов в неделю, а то и меньше; еще короче была рабочая неделя в угольных шахтах (30 часов).

В начале 1949 г. прибыли капиталистов впервые после 1946 г. стали сокращаться. Прибыли компаний понизились со среднегодового уровня в 36 600 млн. долл. в сентябре 1948 г. до 34 500 млн. в декабре и 28 400 млн. долл. в марте 1949 г.

Наконец, стоимость запасов в феврале 1949 г. достигла 54 500 млн. долл.; в ценностном выражении они оказались вдвое больше довоенного максимума, а по объему — на 50% больше.

Все эти данные полностью подтверждают, что оживление 1947—1948 гг. закончилось в последнем квартале 1948 г., поскольку именно в сентябре и ноябре этого года цены, а затем производство начали падать, а безработица — возрастать.

В табл. 32 приведены данные об изменениях в экономике за год.

Итак, изменения в американской экономике за время с 1945 по 1949 г. показывают:

1) что с помощью плана Маршалла не удалось ни удержать того места, которое заняла на мировых рынках

Таблица 32

	1948 г.	1949 г.	Процент падения или роста
Промышленное производство и транспорт			
Индексы промышленного производ- ства (1935—1939 гг. = 100)			
<i>Общий индекс</i>	192	175	— 8,9
Черная металлургия.	208	169	—19
Машиностроение	276	233	—16
Текстильная промышленность . . .	170	141	—17
Число погруженных вагонов (млн.)	42,7	35,9	—16
Сельское хозяйство			
Доходы фермеров (млрд. долл.) . .	16,7	13,8	—17
Экспорт			
Весь экспорт (млрд. долл.)	12,6	12	— 3
Экспорт сельскохозяйственных про- дуктов (млн. т)	2,8 ^а	7,2 ^а	—12
Экспорт автомобилей (в тыс.) . . .	440	230	—35
Цены и торговля			
Индекс оптовых цен (1939 г. = 100)	214	201	—6
Индекс стоимости жизни (1935— 1939 гг. = 100)	171,2	169,1	—1
Потребительский кредит (на конец года в млрд. долл.)	16,3	18,7	+14,7
Финансы			
Вложения в новое промышленное оборудование (млрд. долл.) . . .	19,2	17,9	—6,8
Правительственные расходы на то- вары и услуги (млрд. долл.) . .	36,7	43,5	+18,5
Безработица			
Число зарегистрированных безра- ботных (в млн.)	2,66 ^б	4,48 ^в	+69
^а Второе полугодие.			
^б Январь 1949 г.			
^в Январь 1950 г.			
Источник: Официальные статистические данные.			

продукция американской промышленности и сельского хозяйства в 1945—1947 гг. в результате военных разрушений в других странах, ни предотвратить экономический кризис в Соединенных Штатах, ни восстановить в американской промышленности уровень производства военного времени, так как максимальный уровень, достигнутый в 1948 г., был все еще на 20 % ниже уровня 1943 г.;

2) что загнивание американской экономики продолжало усиливаться; это загнивание выражалось в росте государственных и, в частности, военных расходов и в усилении связи между процветанием крупного американского капитала и войной.

Изменения, происходившие в американской экономике за время с 1945 по 1950 г., показывают, что реакционный характер американского капитализма, выявившийся в 1914—1945 гг., значительно усилился со времени второй мировой войны.

Большие государственные расходы (на вооружение, на финансирование экспорта, на поддержание уровня цен) за период 1945—1950 гг. свидетельствуют о том, что загнивание экономики США достигло высокой степени.

Если сравнить этот период с довоенным, то можно констатировать, что: а) государственные расходы в 1922—1929 гг. играли лишь второстепенную роль в обеспечении «процветания»; из этого следует, что в тот период американская экономика была еще относительно здоровой и жизнеспособной; б) расходы государства особенно выросли только к концу кризиса. Лишь в 1932—1933 гг. правительство начало организовывать крупные общественные работы, предоставлять субсидии промышленности и банкам, а затем осуществлять политику вооружения; в) даже в те годы, то есть после кризиса, расходы государства были невелики по сравнению с теперешними затратами правительства.

Возрождение американского капитализма достигло такой степени, что в мирное время он уже неспособен к абсолютному росту и подлинному процветанию. Об этом говорит опыт 1946—1950 гг. В первые годы после войны налицо были самые благоприятные условия для развития американской промышленности и сельского хозяйства; такая благоприятная для американского капитализма конъюнктура в мирное время никогда уже не повторится, и тем

не менее даже в рекордный послевоенный год промышленная продукция США была все же на 20% ниже продукции военных лет. Отсюда следует, что после окончания второй мировой войны промышленное производство США в мирных условиях уже не может достигнуть абсолютного прогресса.

Этот реакционный характер американского капитализма выступает еще отчетливее при исследовании подлинной природы «бума» 1947—1948 гг.: рост цен, капиталовложений, экспорта, экономической активности и прибылей является прямым следствием воздействия второй мировой войны на капиталистическую экономику, следствием всеобщей нехватки товаров и временно достигнутого монопольного положения американской промышленности и сельского хозяйства в капиталистическом мире. Прибыли, полученные американскими компаниями в 1946—1948 гг., были, таким образом, еще военными прибылями. «Процветание» американского сельского хозяйства в эти годы еще было процветанием военного характера.

Но последствий войны оказалось недостаточно — пришлось добавить к ним подготовку новой войны. Война приобрела такое значение для поддержания капиталистической экономики США, что один из крупнейших американских журналов «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писал 22 апреля 1949 г.: «Вооружение является основой, которая должна обеспечить нам процветание в будущем».

Финансовый паразитизм США принял невиданные еще размеры. В самом деле, о чем говорит финансирование военных заказов государством? О том, что капиталистический рынок стал слишком узок для производственной мощности страны. Но ведь государственные заказы не расширяют этого рынка, их целью и единственным результатом является перекачивание в карманы монополий прибавочной стоимости, полученной в других отраслях производства. Государство через налоги мобилизует средства, а затем отдает их монополиям сталелитейной, химической, судостроительной и других отраслей промышленности. Оно взимает подлинную дань со всех слоев населения в пользу крупного капитала.

Аналогичным образом действует правительство, когда для финансирования экспорта оно предоставляет кредиты иностранным государствам. Именно в этой области особенно бросается в глаза упадок американской экономики по сравнению с довоенными годами. С 1921 по 1930 г. экспорт капитала осуществлялся в форме частных капиталовложений; это означало, что американские капиталисты использовали часть прибылей, полученных в Соединенных Штатах, на развитие своих предприятий за границей. Теперь положение изменилось: в общем экспорте капиталов доля государства составляла 89,6% в 1946 г., 86% в 1947 г. и 78% в 1948 г. Но когда кредиты предоставляет правительство, это означает, что экспорт капитала происходит не за счет прибылей капиталистов, а за счет налогов, посредством которых государство присваивает часть прибавочной стоимости, полученной в монополизированных отраслях производства, и часть заработной платы трудящихся. Таким путем монополии захватывают дополнительную часть общей прибавочной стоимости за счет монополизированных капиталистов и фермеров и отнимают у рабочего класса часть его заработной платы в форме налогов. Следовательно, и в этом случае, как и в случае военных заказов, рынок не расширяется; происходит лишь перемещение прибавочной стоимости к выгоде трестов и сверхэксплуатация рабочего класса. Американские монополии все больше превращаются в подлинных паразитов, жиреющих за счет всего американского общества.

Все это связано с особым характером кредитов по плану Маршалла, которые по воле самих американских монополий предоставляются большей частью в виде «даров». Дело в том, что страны-должники, имеющие пассивный баланс в торговле с долларовой зоной и истощившие свои золотые запасы, в состоянии погашать эти кредиты только товарами. Но монополии не хотят, чтобы американский рынок был запружен европейскими товарами, которые американское правительство стало бы распределять бесплатно или продавать, вытесняя тем самым их собственные товары. Поэтому, исходя из экономических соображений, они разрешают погашение кредитов только «стратегическими» товарами, которыми пополняются правительственные запасы. Монополии экспортируют свои

товары, заставляя платить за них американских, а не иностранных потребителей.

Безвозвратные кредиты по плану Маршалла по существу представляют собой разновидность усиленного демпинга. Раньше, когда демпинг осуществляли непосредственно монополии, они заставляли отечественного потребителя платить дороже за товары, которые они продавали в то же время за границей по более дешевой цене, чтобы вытеснить с рынка своих конкурентов. С помощью кредитов по плану Маршалла осуществляется абсолютный демпинг.

При этом американские монополии не довольствуются оплатой экспорта по стоимости; они пользуются случаем продавать свои товары намного выше стоимости и получать колоссальную сверхприбыль¹. Здесь они доходят до крайних пределов демпинга и паразитизма.

Обострение всех противоречий, сопоставление двух путей развития

Движение американской экономики по пути к кризису и развалу наносит американскому империализму особенно болезненный удар, потому что США как ведущее государство империалистического лагеря оказались вынужденными публично принять вызов, брошенный социализмом.

«На нынешнем этапе мировой истории,— заявил Трумэн,— почти всем нациям приходится выбирать между двумя образами жизни»². А государственный секретарь

¹ Американские компании на Ближнем Востоке продают Франции нефть по плану Маршалла по 2,03 долл. за баррель (франко порты Ближнего Востока), тогда как, по данным Арамко, стоимость барреля нефти в Аравии (включая уплату всех правительственных сборов) составляет 34 цента. По сообщениям корреспондента «Монд», американские эксперты считают, что нефтяные монополии, помимо значительных «нормальных» прибылей, получают сверхприбыль в размере 1 доллара на баррель. Это принесет англо-американским трестам на Ближнем Востоке (группе Рокфеллера и «Англо-Иран К^о») за четыре года осуществления «программы помощи Европе» 1 млрд. долл. сверх «нормальных» прибылей («Le Monde», 30 décembre 1948).

² Речь от 13 марта 1947 г.

Ачесон заявил: «Мы ведем борьбу, в которой должны доказать превосходство нашего образа жизни»¹.

Но американский империализм пошел на это сопоставление двух систем перед судом мирового общественного мнения только потому, что он был к этому вынужден против своей воли. В условиях роста недовольства масс и дискредитации капиталистического режима, основанного на погоне за прибылью, правящие круги США были вынуждены прибегнуть к гигантскому блефу, чтобы успокоить встревоженные умы в Соединенных Штатах и в Европе. Руководители США утверждали, что план Маршалла докажет превосходство американской капиталистической экономики над экономикой СССР и принесет капиталистическим странам Европы финансовую и валютную устойчивость, благоприятный торговый баланс, ликвидацию безработицы и нищеты, экономическое процветание, мир между народами и прекращение классовой борьбы.

Разумеется, этот неуклюжий блеф служил прежде всего ширмой для прикрытия политики вассализации маршаллизованных стран и захвата американскими монополиями рынков и богатств всего мира. Но это была очень опасная игра; ведь массы нельзя обманывать без конца. Блеф всегда оборачивается против тех, кто к нему прибегает: Американский империализм не сумел достигнуть ни одной из провозглашенных им целей, а страны демократического лагеря во главе с Советским Союзом достигли этих целей — и это чрезвычайно важно.

Контраст между путями развития демократических и капиталистических стран проявился одновременно в области экономики, международных и социальных отношений. В результате демократический лагерь стал еще сильнее, а лагерь империализма, наоборот, ослабел.

Экономические изменения

Если в период с 1945 по 1950 г. промышленная продукция США даже в лучший год была все же на 20% ниже достигнутого ранее максимального уровня, продукция

¹ Заявление в комиссии по иностранным делам палаты представителей и сената 21 февраля 1950 г. (Бюллетень посольства США в Париже, 23 февраля 1950 г.)

советской промышленности, несмотря на разрушения, причиненные войной, превысила свой прежний максимальный уровень на 50 %.

Если в Соединенных Штатах уже через два года началось новое падение экономической активности, то в советской экономике продолжался неуклонный подъем. Во втором квартале 1949 г. валовая промышленная продукция в Советском Союзе на 20 % превысила продукцию за соответствующий период 1948 г.; а в США продукция в июле 1949 г. была на 17 % ниже продукции ноября 1948 г. Такой же резкий контраст отмечается между развитием стран народной демократии и маршаллизованных стран. Если первые не знают безработицы, сводят свои бюджеты и торговые балансы без дефицита, укрепляют свои денежные системы и неуклонно увеличивают промышленное производство, то последние с большим трудом достигли невысокого уровня производства кризисного 1938 г., а затем под воздействием принудительного импорта из Соединенных Штатов и сужения рынка их продукция перестала расти и, наконец, начала падать. В то же время в этих странах непрерывно возрастает безработица¹, увеличивается бюджетный дефицит, растет дефицит внешнеторговых балансов, расшатываются денежные системы.

Перевод курса советского рубля на золотую базу в марте 1950 г., после того как в сентябре 1949 г. денежные системы всех капиталистических государств испытали сильное потрясение, особенно наглядно иллюстрирует прочность социалистической системы и растущую неустойчивость капиталистической системы.

Международные отношения

Новой и существенной чертой нынешнего послевоенно периода является то, что сопоставление двух систем уже не ограничивается вопросами экономического разви-

¹ В конце 1949 г. количество полностью и частично безработных в капиталистических странах достигало 40 млн. человек; в Японии их количество превышало 7 млн.; в Италии было 3 млн. полностью безработных и около 1/4 млн. всех рабочих были заняты неполную неделю; в Западной Германии полностью безработных насчитывалось свыше 2 млн. человек, а частично безработных — около 1 млн. человек; в Бельгии было 340 тыс. безработных, в Финляндии — 50 тыс., в Англии, по официальным данным, — 330 тыс.

тия, а распространяется — в связи с появлением стран народной демократии — и на отношения между суверенными государствами.

Различие в отношениях, существующих, с одной стороны, между Советским Союзом и странами народной демократии, а с другой — между американским империализмом и капиталистическими странами, глубоко потрясает основы капиталистической системы.

С 1945 по 1949 г. Советский Союз подписал целый ряд экономических и политических соглашений со странами народной демократии на основе самого строгого равенства и полного уважения к суверенитету договаривающихся сторон; это находится в полном противоречии с кабальными условиями американских кредитов. Впервые в истории человечества между суверенными государствами установились подлинно братские отношения. Примером таких новых отношений служит советско-китайский договор, заключенный в феврале 1950 г. Отказавшись от своих прав в Порт-Артуре и Маньчжурии, Советский Союз показал, каким бескорыстным может быть социалистическое государство.

Между государствами, объединенными пролетарским интернационализмом, исключена всякая возможность войны. Советский Союз, страны народной демократии в Европе и на Дальнем Востоке своим примером доказывают, что братские отношения между народами — не утопия, как утверждает капиталистическая пропаганда, которая признает только удушение и эксплуатацию слабых народов сильными.

Существование на земном шаре сектора мира, объединяющего 11 независимых государств между Эльбой и Китайским морем (Германская демократическая республика, Польша, Чехословакия, Венгрия, Албания, Болгария, Румыния, Китай, Северная Корея, Вьетнам, Советский Союз), освещает путь народам капиталистических стран, горячо стремящимся к прочному миру, и имеет для них огромную притягательную силу. После окончания второй мировой войны этот факт имеет такое же огромное значение, какое имело строительство социализма в Советском Союзе после первой мировой войны. Империалисты во что бы то ни стало стремятся доказать невозможность существования мирных и социалистических отношений

между суверенными государствами, так же как после 1917 г. они отрицали возможность строительства социализма в одной стране. Отсюда понятна роль, которую играет в идеологической области клика Тито. В настоящее время «титоизм», по выражению Тореза, является «сменой троцкизму».

Его роль заключается в том, чтобы: а) внушать людям, что существует какой-то «иной» социализм, помимо социализма в Советском Союзе, и тем самым отвлекать трудящихся от революционной борьбы под руководством коммунистической партии; б) извращать сущность отношений между Советским Союзом и странами народной демократии, фальшиво изображая их как отношения между империалистическим государством и колониальными странами, и тем самым деморализовать массы, отнимая у них надежду на то, что человечество сможет создать мир без войн. Сея в среде трудящихся капиталистических стран раздоры и разочарование, «титоизм» стремится таким путем разоружить их в борьбе против войны.

В то время как на значительной части земного шара создаются международные отношения нового типа¹, капиталистический мир раздирают все более острые формы противоречий.

Вассализация капиталистических стран Европы не только не смягчила противоречий интересов между буржуазией различных наций, а обострила их. В 1945—1950 гг., наряду с образованием и укреплением политических и военных союзов между капиталистическими странами, антагонизм между ними непрерывно обострялся. Между укреплением политических союзов и обострением экономического антагонизма нет противоречия, наоборот, между этими двумя процессами существует причинная

¹ Отметим, что Советский Союз установил международные отношения нового типа еще до 1939 г., всегда относясь к полуколониальным странам и малым капиталистическим государствам как к равным, и что в основе его внешней политики лежало стремление к мирному сосуществованию капиталистической и социалистической систем.

Но в то время носителем воли к миру была одна страна — Советский Союз. В 1945 г. впервые дух мира и воля к миру стали проявляться взаимно, как в отношениях между Советским Союзом и странами народной демократии, так и в отношениях между самими странами народной демократии.

связь. Лихорадочная поспешность, с какой заключаются политические союзы, служит показателем слабости и замешательства буржуазии капиталистических стран перед лицом углубляющихся расхождений экономических интересов.

План Маршалла полностью подтверждает правильность ленинской критики теории «ультраимпериализма» Каутского. «С чисто экономической точки зрения — пишет Каутский — не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма», т. е. сверхимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом»¹.

Анализ «соглашений», заключенных маршаллизованными странами с американскими империалистами, показывает, что в этих «соглашениях» выражена не политика мира и взаимной помощи, а политика силы, осуществляемая наиболее мощным империализмом по отношению к более слабым странам.

История империалистического лагеря за время с 1945 по 1950 г. в основном является историей избиения американским империализмом своих партнеров, и в первую очередь Англии. Перипетии борьбы доллара с фунтом показывают, что американский нажим с годами не слабеет, а усиливается.

В течение этого периода вырос и антагонизм между буржуазией различных капиталистических стран. В 1950 г. основное противоречие — противоречие между американским кредитором и капиталистическими странами-должниками — стало еще глубже, чем в 1945 г.

За последние пять лет торговая политика США, стремящихся задушить двустороннюю торговлю, значительно ухудшила условия международной торговли. Вместо того чтобы заменить, как обещали американцы, *двустороннюю* торговлю *многосторонней*, ее заменили *односторонней* торговлей, то есть экспортом американских товаров без импорта иностранных товаров в США. Это создает хаос

¹ Цитируется по работе Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 258).

в международной торговле и порождает неразрешимые противоречия.

Вместо того чтобы иметь пассивный торговый баланс и таким образом дать странам-должникам возможность сводить без дефицита свои платежные балансы и выплачивать свою внешнюю задолженность, Соединенные Штаты поступили наоборот: их платежный баланс стал еще активнее, чем до войны. Тем самым они ликвидировали всякую возможность урегулирования платежных балансов других капиталистических стран.

В 1949 г. Соединенные Штаты сократили импорт и таким образом еще больше осложнили «проблему доллара» для маршаллизованных стран. Но тем самым эти страны были вынуждены увеличивать закупки вне долларовой зоны для обеспечения равновесия баланса. Так усилился экономический антагонизм между Соединенными Штатами и остальными странами капиталистического мира. Аргентина, например, предлагает странам дешевой валюты обменивать промышленные изделия на ее сельскохозяйственные продукты. На такой основе она подписала важный договор с Англией.

Все государства Латинской Америки находятся в таком же положении. В марте 1950 г. (6—10 марта) в Рио-де-Жанейро состоялось совещание послов США в Латинской Америке, обсуждавшее средства борьбы против «все более заметной тенденции латиноамериканских республик развивать торговые связи со стерлинговой зоной в ущерб торговле с зоной доллара»¹.

Для борьбы против этой тенденции у Соединенных Штатов нет иного средства, кроме продолжения политики «помощи», то есть политики принудительного импорта. Заявив протест против двустороннего соглашения между Англией и Аргентиной, государственный департамент перешел в контрнаступление, предоставив Аргентине в апреле 1950 г. заем в 125 млн. долл.

Однако затоваривание иностранных рынков в связи с нищетой трудящихся масс вскрыло противоречие между развитием промышленного и сельскохозяйственного производства в Европе и интересами американского экспорта. В 1949 г. правительство США протестовало против вы-

¹ «Le Monde», 24 mars 1950.

воза пшеницы из Франции в Голландию. В начале 1950 г. оно присвоило себе монополию на ввоз пшеницы в Западную Германию. В то же время оно вынуждает Францию развивать сельское хозяйство, а не промышленность, чтобы обеспечить равновесие торгового баланса!

Как реагирует на это буржуазия европейских стран? Она не сопротивляется политике вассализации, поскольку дает связать себя долларовой цепью и не пытается ее порвать, но она рвется на этой цепи, она старается спастись от окончательного удушения; каждая страна пытается переложить бремя американского нажима на другую. В частности, английская буржуазия тормозит политику «объединения». Этим отчасти объясняется провал попыток «согласовать» производственные планы маршаллизованных стран, а затем попыток их экономического объединения. «План Маршалла,— заявила комиссия конгресса США по европейским делам,— провалился в своем основном назначении — закрепить единство Западной Европы. Миллиарды долларов, отпущенные по программе экономической помощи, не смогли реально подвинуть вперед проекты объединения». Причиной этого провала комиссия считает «нежелание Англии безоговорочно пойти на экономический союз». В момент, когда Маршалл выдвинул свое предложение, британский империализм собирался стать «главным американским управляющим» в Европе и занять место германских монополий в Центральной и Юго-Восточной Европе.

«Английская буржуазия мечтала,— говорил Жданов,— используя «план Маршалла», оказывая услуги американским монополиям и подчиняясь их контролю, вернуть себе утраченные позиции в ряде стран и, в частности, восстановить свои позиции в балканско-дунайском районе»¹.

Однако развитие и укрепление стран народной демократии опрокинули эти расчеты. Бевин обнаружил, что он попал, как рыба в вершу; не находя в этой верше мелкой рыбешки, которой он собирался попользоваться, он пытается выбраться из нее, затягивая без конца переговоры об «объединении». Так, например, он потребовал отсрочки сессии комитета Западного союза, назначенной на

¹ А. Жданов, О международном положении, М., 1947, стр. 27.

6 февраля 1949 г. Под нажимом Соединенных Штатов, который был оказан через французского министра иностранных дел, специально отправившегося в Лондон, Бевин явился на конференцию, но 22 января сорвал переговоры. Затем переговоры были возобновлены, но Европейский совет был создан только 6 мая, и то лишь в качестве совещательного органа. Наконец, в июне 1950 г. Англия отказалась участвовать в парижской конференции по созданию «угольно-стального пула», предложенного французским министром Шуманом.

Так британский империализм, насколько может, сдерживает американский нажим, пытаясь найти более прочные тыловые позиции. Ему удалось вернуть себе свои стратегические базы в Азии и на Ближнем Востоке, ранее оставленные Соединенным Штатам, а также в Восточной Африке. Ему удалось сохранить Индию и Пакистан в составе Британской империи. На Ближнем Востоке английские нефтяные тресты всеми силами пытаются вернуть себе территорию, утраченную в 1946 г. Путем ряда восстаний и государственных переворотов в Сирии, Ливане, Ираке им удалось воспрепятствовать постройке американских нефтепроводов для перекачки нефти из Саудовской Аравии в порты Средиземного моря и таким путем создать противовес концессиям, полученным американскими трестами в 1946 г. В интересах английских компаний правительство Англии 20 декабря 1949 г. решило прекратить закупки нефти у американских компаний, и это вызвало со стороны последних яростные протесты. Две империалистические державы борются за влияние на арабских царьков и на мелкие государства Ближнего Востока. Соединенные Штаты опираются на правительства Израиля, Саудовской Аравии и Египта, а Англия — на Ирак и Трансиорданию.

Сокращение империалистической сферы в Азии и в Европе, политика дискриминации по отношению к социалистическому сектору и экспансия американских монополий привели к значительному обострению проблемы рынков сбыта и содействовали возобновлению конкуренции на рынках.

Очень интересно сравнить нынешнее положение с периодом после первой мировой войны. В то время проблема

рынков встала особенно остро в 1927 г.¹, то есть почти через восемь лет после окончания военных действий. Теперь же эта проблема приобрела большую остроту в 1948 г., то есть через три года после войны.

С другой стороны, в то время, и, в частности, в 1927 г., эта проблема возникла потому, что производство в капиталистических странах превысило прежний рекордный уровень, тогда как в 1948 г. этого не произошло. Особенно напряженная борьба за рынки происходила между Соединенными Штатами и Англией. Она привела к росту английского экспорта товаров и уменьшению американского. В то время как американский экспорт снизился с 15,3 млрд. долл. в 1947 г. до 12 млрд. долл. в 1949 г., английский экспорт вырос с 4,5 до 6,8 млрд. долл.

Особенно острая борьба разгорелась за рынки сбыта угля в Европе и в Южной Америке, где Соединенные Штаты за время войны вытеснили Англию, а также за рынки сбыта автомобилей, текстиля и оборудования, поскольку Англия после войны превратилась в крупного экспортера этих товаров².

Проблема конкуренции еще больше обострилась в 1949 г. одновременно с первыми признаками экономического кризиса и появлением на рынках германских и

¹ См. И. В. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) (Соч., т. 10, стр. 271—276).

² а) Экспорт машин и оборудования (в млн. долл.)

	1947 г.	1949 г.
Из США	4 453	3 235
Из Англии	1 625	2 488

б) Импорт угля в Аргентину (в тыс. т)

	1947 г.	1949 г.
Из США	1 033	28
Из Англии	—	798

в) Глава нефтяного отдела государственного департамента в апреле 1950 г. жаловался на то, что в 1949 г. английские танкеры забрали с нефтяного рынка 9% продукции американских компаний, действующих за океаном.

г) Экспорт автомобилей в 1949 г. (в тыс.)

Из США	268,2
Из Англии	361

японских товаров. «Мы пытаемся проникнуть на все возможные рынки», — заявил в декабре 1949 г. руководитель германской внешней торговли¹. Германские капиталисты вновь прибегают к своим довоенным методам. В 1949 г. они закупили в Египте на 40 млн. долл. хлопка, то есть в шесть-семь раз больше, чем покупали там до войны; создав таким способом дефицит в своем клиринговом балансе, они рассчитывают получить 80% заказов на оборудование электростанции у асуанской плотины².

Конкуренция со стороны немцев привела также к падению французского экспорта и потому вызвала яростные протесты со стороны французских промышленников. «Немцы и американцы, покровительствующие немецким фирмам, — писала «Монд», — должны понять, что демпинг нельзя совместить с духом доброго согласия, который должен царить в экономических взаимоотношениях между странами Европы и который необходим для восстановления Западной Европы на здоровой и прочной основе»³.

Конфликт между английской и японской текстильной промышленностью возобновился, но теперь уже как конфликт англо-американо-японский. 5 января 1949 г. председатель английского Национального управления хлопчатобумажной промышленности выехал в Соединенные Штаты «для переговоров с американскими экспертами по поводу скрытой угрозы, которую представляет для английской промышленности усиливающаяся конкуренция со стороны японской промышленности».

10 января 1949 г. руководитель текстильного отдела американской военной администрации в Японии Уильямс заявил в Токио: «Мы не будем считаться с возражениями английских промышленников».

Классовая борьба

Экспансионистская политика американских монополий не только отравляет взаимоотношения между капитали-

¹ «Le Monde», 18 décembre 1949.

² Немцы предлагают оборудование на 40% дешевле, чем их конкуренты. В Уругвае германские промышленники победили всех своих конкурентов на торгах по поставке локомотивов; они запросили 50 тыс. долл. за локомотив, а американцы 120 тыс. долл.

³ «Le Monde», 11 décembre 1949.

стическими группами, но и обостряет классовую борьбу как в Европе, так и в Соединенных Штатах.

И в этом отношении обстановка в демократических странах коренным образом отличается от положения в странах капитализма. Если в странах народной демократии благодаря диктатуре пролетариата классовая борьба проявляется в упрочении и расширении власти трудящихся, а демократическое государство крепнет, вступая на путь социализма,— в капиталистическом секторе классовые противоречия все обостряются, расшатывая самые основы государства.

Экспортируя свой кризис и свою безработицу в Европу, втягивая своих сателлитов в подготовку новой мировой войны, заставляя их обесценивать свои валюты, американский империализм тем самым ухудшает условия жизни трудящихся европейских стран и усиливает напряженность социальных отношений. Под давлением американских монополий европейская буржуазия вынуждена усиливать эксплуатацию рабочих. Чтобы сохранять свои прибыли и в то же время выполнять приказы Вашингтона (девальвация, ликвидация таможенных барьеров), она вынуждена снижать заработную плату, отменять те уступки рабочему классу, на которые она вынуждена была пойти в период победы над германским империализмом (социальное страхование), и снижать жизненный уровень средних классов города и деревни.

Опыт 1945—1950 гг. показал, что европейская буржуазия не может больше существовать попрежнему и потому ухудшает и без того тяжелые условия жизни рабочего класса. Это находит выражение, с одной стороны, в спекулятивном характере прибылей, которые получает капитал (спекуляция во время девальвации, валютная спекуляция, в частности во Франции, после установления различных курсов «колониального» франка и франка метрополии, и т. п.); с другой стороны, в росте стачечного движения в Италии и Франции, в движении итальянских крестьян за раздел земли, в движении французских крестьян против налогов и против выселения арендаторов-издольщиков.

Опасность, грозящая европейской буржуазии, усиливается от того, что попытки удушить профсоюзное движение и партии рабочего класса не дали ожидаемых

результатов. Несмотря на расколы, Всеобщие конфедерации труда во Франции и Италии остались самыми крупными профсоюзными объединениями, а в рядах рабочего класса растет ненависть к раскольникам. Международный центр желтых профсоюзов не сумел объединить столько же членов профсоюзов и стать такой же организацией мирового масштаба, как Всемирная федерация профсоюзов, насчитывающая 71 млн. членов.

Наконец, если в результате давления извне и различных ухищрений при проведении выборов «американские» партии в Италии, Франции, а также в Западной Германии, Бельгии и Норвегии оказались в преимущественном положении, то все же подорвать силу и влияние коммунистических партий ни в Италии, ни во Франции им не удалось. Частичные выборы во Франции в 1948 и 1949 гг. показали, что в большинстве случаев число голосов, поданных за коммунистов, выросло. В связи с этим крупная буржуазия во Франции и в Италии была вынуждена вводить фашистские законы и порядки (мобилизация полицейских сил против стачечников, «сверхгнусные» законы марта 1950 г.).

Но в своих попытках переложить на Европу свой социальный кризис американский капитализм потерпел такую же неудачу, как и в попытках избежать экономического кризиса.

Политика борьбы за мировое господство открыла новую главу в истории классовой борьбы в Соединенных Штатах. Беспремерный паразитизм финансового капитала взвалил на плечи американских трудящихся и средних классов такое бремя, какого они никогда не знали. Расходы на вооружение и финансирование экспорта приводят к сверхэксплуатации рабочего класса.

Поскольку прибыли, получаемые американскими монополиями от плана Маршалла, не являются, как прежде, прибылями от частных капиталовложений за границей, от эксплуатации иностранных рабочих, а, наоборот, представляют собой плод сверхэксплуатации американских рабочих и обнищания других слоев населения, противоречие между монополиями и интересами различных социальных слоев, между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства, достигли гигантских размеров.

На интенсификацию труда американский рабочий класс ответил рядом забастовок; по числу и масштабу они превзошли знаменитые забастовки 1918—1919 гг. В этих забастовках проявилось обострение классовой борьбы по сравнению с периодом после первой мировой войны. За четыре года 1918—1921 гг., по официальным¹ данным¹, имело место 12 779 забастовок, в которых участвовало 7960 тыс. рабочих. За четырехлетний период 1945—1948 гг. число забастовок достигло 16 998, а число бастовавших — 12 240 тыс. человек. Кроме того, стачечная волна не схлынула, как после 1921 г., а продолжает нарастать. В 1949 г. число забастовок выросло на 5% по сравнению с 1948 г., число бастовавших увеличилось до 3100 тыс. человек против 1 932 700 человек в 1948 г., а число потерянных рабочих дней возросло с 34 млн. до 53 млн.

Наконец, профсоюзным бонзам становится все труднее держать рабочих в руках. Так, в феврале 1950 г. горняки объявили забастовку, несмотря на то, что Д. Льюис приказал им возобновить работу и согласиться на трехдневную рабочую неделю. Впервые приказ Льюиса оказался невыполненным и шахтовладельцам пришлось пойти на уступки.

¹ Министерство труда США.

Глава IV

СТРЕМЛЕНИЕ РАЗВЯЗАТЬ НОВУЮ ВОЙНУ

Таким образом, события 1946—1949 гг. имели самые плачевные последствия как для политики американского империализма, стремящегося к мировому господству, так и для империалистической системы в целом. Империализму не только не удалось вернуть себе позиции, отнятые у него социалистической системой в период второй мировой войны, но он потерял еще и новые, исключительно важные позиции.

В результате соотношение сил, складывавшееся неблагоприятно для империализма уже в 1945 г., стало еще невыгоднее для него в 1950 г. С переходом Китая и Восточной Германии в демократический лагерь сфера империалистической эксплуатации значительно сузилась; мощь социалистической экономики неуклонно возрастает; демократические государства Европы окрепли экономически и политически. Ослабление империализма, вызванное значительным усилением социалистического и демократического сектора, приняло еще более серьезный характер в результате провала попыток американского империализма отвести кризис, в результате обострения противоречий внутри капиталистического лагеря (классовые противоречия внутри отдельных стран, противоречия между буржуазией различных империалистических стран, противоречия между империалистическими государствами и колониальными народами), а также в результате все более резкого контраста между ходом развития двух экономических и социальных систем, на которые разделился мир.

Опыт 1946—1950 гг. неопровержимо доказал, что империалистическая система не в состоянии одержать победу

над социалистической системой в период мирного развития и что политика борьбы американского империализма за мировое господство ведет к третьей мировой войне.

Основным итогом этого периода было то, что социалистический сектор не только одержал победу, но и одержал ее в наиболее трудных для него и наиболее благоприятных для империализма условиях. «Холодная война» провалилась полностью и окончательно, так как за эти четыре года империалисты доллара растеряли все оружие, при помощи которого они рассчитывали победить, не вступая в вооруженную борьбу. И сколько бы они ни угрожали воображаемой водородной бомбой — изменить они ничего здесь не могут. В борьбе против СССР и демократических стран в условиях мира империалисты совершенно безоружны. У них остается только один выход — война.

Опыт 1946—1949 гг. показал, что американские империалисты могут проводить свою политику мирового господства — политику, обусловленную настоятельными требованиями, вытекающими из самой природы экономической и социальной системы США и существующих в настоящее время условий, — только пытаясь разгромить в войне основное препятствие, стоящее на их пути, а именно Советское государство. Нет у них иного способа восстановить власть Чан Кай-ши в Китае и власть других свергнутых народом реакционеров в странах народной демократии в Европе после провала «внутренних» заговоров и попыток экономической блокады¹.

Опыт 1946—1949 гг. показывает, что американской экономике не удастся спастись от кризиса, что промышленность и сельское хозяйство не смогут увеличивать свое производство, когда перестанут ощущать влияние войны. Война является для правящего класса США единственным средством подавить растущее противодействие трудящихся и средних классов, встающих на путь, который ведет к уничтожению эксплуатации и свержению господства крупного капитала.

¹ Это открыто признает, например, газета «Монд» в отношении Албании. «Повидимому, никаких серьезных попыток переворота изнутри ожидать не приходится. Только внешнее вмешательство может ликвидировать Энвера Ходжу».

Опыт показывает также, что обеспечить относительный рост американской промышленности по сравнению с промышленностью других стран путем одного лишь экономического давления на иностранных капиталистов невозможно.

Возобновление конкуренции на рынке, оживление, хотя и ограниченное, производства в Европе, падение американского экспорта и доли Соединенных Штатов в мировой продукции после 1947 г.— все это показывает, что теперь американский империализм уже не может уничтожить конкуренцию со стороны европейской промышленности и прежде всего со стороны главного своего соперника — империалистической Англии — и вновь установить свое господство, иначе как разрушая бомбардировками фабрики и заводы своих капиталистических соперников, как и фабрики и заводы антиимпериалистических государств. Американским империалистам нужен новый 1914 г., новый 1939 г., им нужно, чтобы новая мировая война уничтожила промышленность Европы, пощадив промышленность американскую.

В этих условиях план Маршалла, как мы утверждали с самого начала, может быть только планом уничтожения Европы¹.

Опыт 1946—1949 гг. подтверждает опыт 1914—1945 гг., показывая, что война все более непосредственно управляет развитием и самим существованием монополистического капитализма в Соединенных Штатах и в других странах. Для империализма война стала кислородом, той «средой», вне которой он не может существовать.

Наконец, в период 1946—1950 гг. обнаружилось не только то, что империалистическая система вновь переживает упадок, но и то, что этот упадок происходит быстрее, чем раньше.

¹ «Le Plan Marshall», p. 119—155. Наиболее циничные из американских империалистов сами подтверждают это. «Мы можем заверить наших союзников только в одном,— заявил представитель Техаса в конгрессе США Подж,— а именно в том, что мы постараемся осуществить разрушение транспортных средств и производства гораздо лучше, чем все те армии, которые захватывали данную территорию за последние 10 веков. Мы разрушим все мосты, затопим все шахты, сравняем с землей все фабричные трубы в Бельгии и в Северной Франции. Мы разрушим все...» Congressional Record, 4 November 1949.

Это ускорение будет отмечаться и дальше. С тех пор как капитализм начал катиться по наклонной плоскости, скорость его падения возрастает по мере приближения к пропасти. Это важнейшая особенность загнивающего империализма.

Длительный мир и империализм

Основная черта международной политической обстановки в конце 1949 г. состояла в том, что социалистический сектор преодолел самый трудный период своего развития и вступил на путь, который становится все легче, тогда как империалистический сектор, наоборот, вышел из самого благоприятного периода и идет навстречу растущим трудностям и непреодолимым противоречиям.

Поскольку социализм развивается в условиях мира, поскольку для него мир является питательной «средой», тогда как монополистический капитализм, напротив, развивается только в результате войн, различие между путями развития обеих систем в условиях мира будет чрезвычайно увеличиваться. Длительный мир будет все сильнее душить империализм и вскоре совсем его удушит, ибо каждый год мирного развития будет укреплять социалистическую систему и ослаблять империалистическую.

Длительный мир означает непрерывное и все более быстрое движение СССР к коммунизму, а стран народной демократии — к социализму. Он несет с собой замечательный расцвет советской промышленности, науки и техники, применения всех открытий в области атомной физики, тогда как капиталистические монополии будут и впредь уничтожать «избыточную» продукцию, тормозить использование патентов и обрекать науку на прозябание. Контраст между прогрессивностью социализма и загниванием и реакционным характером монополистического капитализма станет таким разительным и будет так ярко проявляться во всех областях, что империалистическая система окажется под сильнейшим давлением. Успехи социалистической системы будут потрясать капиталистическую систему гораздо сильнее чем раньше, потому что социалистический сектор вырос территориально, продвинулся в самое

сердце Европы, потому что буржуазия в капиталистических странах стала слабее, а капиталистическая экономика в значительной мере потеряла устойчивость в результате сокращения в 1945—1950 гг. капиталистического мира и вследствие того, что американский империализм вынужден был публично принять вызов, брошенный ему социализмом. В силу всех этих причин, в случае длительного мира империалистическая система потерпит решительное поражение.

Прежде всего американскому империализму грозит экономический кризис и притом гораздо более опустошительный, чем кризис 1929 г. Американские капиталисты надеются, что снижение экономической активности в 1949 г. не пойдет дальше, чем во время кризиса 1920 г., а затем наступит новый период процветания. В действительности же кризис только еще начинается, и он будет тяжелее не только кризиса 1920 г., но и кризиса 1929 г.

Если обстановка в 1949 г. напоминает в некоторых отношениях обстановку 1920 г., если в обоих случаях рост цен объясняется одинаковыми причинами и если в обоих случаях закон стоимости действует в направлении снижения этих цен, то все же между этими двумя кризисами имеется и существенное различие. Оно заключается в том, что за время с 1946 по 1948 г. американский капитализм уже использовал большую часть тех средств, которые помогли ему выйти из кризиса 1920 г., как, например, вложения в основной капитал и жилищное строительство.

В частности, значительные вложения были сделаны в промышленность: за три года было вложено больше, чем за 10 лет, предшествовавших войне, а в 1948 г. вложения превзошли цифру 1929 г. более чем вдвое в текущих ценах и на 30% в неизменных ценах. Учитывая размеры этих вложений и наличие бездействующих производственных мощностей, нельзя рассчитывать в ближайшее время на новую волну капиталовложений.

Активность в строительной промышленности можно было сравнить с наилучшими годами периода 1922—1929 гг., поскольку в 1948 г. расходы на новое строительство достигли 17,7 млрд. долл. против 11,1 млрд. долл. в рекордном за предвоенный период 1927 г. Хотя

количество построенных жилищ далеко не соответствует росту населения, высокая стоимость строительства тормозит его дальнейшее расширение. Для повышения активности в строительной промышленности требуется снизить издержки производства, следовательно,—увеличить вложения в строительство. Однако владеющие большинством зданий банки и страховые компании, которые могли бы производить вложения, не хотят делать этого, чтобы не снижать стоимости уже возведенных построек.

Таким образом, кризис будет больше похож на кризис 1929 г., чем 1920 г. Как и в 1929 г., промышленный кризис переплетется с очень глубоким аграрным кризисом; Соединенным Штатам до сих пор удавалось оттягивать аграрный кризис только благодаря плану Маршалла, но этот кризис будет еще тяжелее, чем в 1929 г., так как по сравнению с довоенным уровнем механизация американского сельского хозяйства значительно продвинулась, а зависимость его от рынка возросла, и фермеры должны будут, несмотря на снижение цен, платить и впредь повышенную арендную плату, установленную в период повышения цен.

Уже в 1949 г. были приняты планы ограничения сельскохозяйственной продукции (по плану Брэннана посевная площадь под пшеницей была сокращена на 17%). 31 мая 1949 г. министр сельского хозяйства США потребовал необходимых полномочий для установления контингентов сбыта всех сельскохозяйственных продуктов. В конце года стало известно, что десятки тысяч тонн непроданного картофеля были уничтожены.

Но новый кризис не будет и простым повторением кризиса 1929 г. Подобно тому как от одной и той же болезни труднее вылечить старика, чем юношу, капитализм в старости, как показал кризис 1929 г., преодолевает кризисы с гораздо большим трудом, чем в молодости, и эти кризисы становятся для него все опаснее по мере того как он дряхлеет.

Между тем с 1929 г. капиталистическую систему последовательно расшатывали сначала экономический кризис, а затем мировая война. После войны она не только не оправилась, но была еще больше ослаблена в период с 1945 по 1949 г. в результате непрерывного роста мощи СССР и

сил социализма и демократии во всем мире, в результате сокращения империалистической сферы в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, в результате политики мирового господства, проводимой американским империализмом, и обострения противоречий между эксплуатируемыми классами и народами, с одной стороны, и классами и странами-эксплуататорами — с другой.

Таким образом, теперь действию экономического кризиса подвергается значительно более слабый организм, чем в 1929 г. Поэтому кризис будет более затяжным и выйти из него будет гораздо труднее; он станет угрозой самому существованию капитализма. По мере развития кризиса все яснее будет обнаруживаться разрушительный характер политики американских монополий. Империализм Уолл-стрита может попытаться ослабить влияние кризиса в Соединенных Штатах только путем продления плана Маршалла, то есть нанося дальнейший ущерб экономике европейских стран и вызывая растущее напряжение в отношениях между буржуазией США и Европы, в отношениях между буржуазией различных европейских стран и в классовых взаимоотношениях как в Европе, так и в Соединенных Штатах.

Политика американского империализма по существу означает для буржуазии европейских стран политику катастрофы. Маршаллизация не только не разрешает трудностей, стоящих перед европейским капитализмом, а, наоборот, усиливает их в такой степени, что буржуазия европейских стран может искать выхода только в антисоветских военных союзах и в войне против СССР. Именно такова основная цель американского империализма. Он толкает господствующие классы Европы к такой экономической и политической катастрофе, что они вынуждены либо положить конец вассализации, — что означало бы в современных условиях прорыв общего фронта империализма и тем самым переход в лагерь мира, — либо поставить свои классовые интересы выше национальных и погнать свои народы на бойню.

Американский империализм рассчитывает, что классовое самосознание крупной буржуазии европейских стран заставит ее заключить с ним союз для нападения на СССР, для подавления рабочего движения в Европе и освободительного движения колониальных народов. Членов этой

коалиции будет связывать между собой только ненависть к Советскому Союзу и к трудящимся. Это признает и «Экономист»:

«Лишь постоянно имея в виду конечные цели ссветской политики и средства противодействия этим целям, правительства США, Англии и Франции смогут преодолеть расхождения, которые теперь обнаруживаются как в отношении их целей, так и в отношении методов действия»¹.

В различных странах Европы буржуазия борется с непреодолимыми трудностями. Добровольно или по необходимости она вынуждена уступать силе. В самом деле, она вынуждена либо пойти по пути сопротивления американскому империализму и согласиться на создание правительства демократического единства, что было бы первым шагом к превращению буржуазной республики в республику народную, либо идти и дальше по пути вассализации и уступать новым требованиям американцев (девальвация, захват частным американским капиталом национальной промышленности и национального богатства, ликвидация некоторых отраслей промышленности). В этом случае буржуазия европейских стран вынуждена будет довольствоваться той долей прибавочной стоимости, какую ей оставят прожорливые американцы.

Пытаясь сохранить прежние условия своего существования, капиталисты европейских стран будут вести еще более жестокую борьбу между собой за остатки прибавочной стоимости, и противоречия между ними будут обостряться; с другой стороны, они постараются сохранить свои прибыли, усилив эксплуатацию трудящихся и снижая и дальше уровень жизни не только рабочего класса, но и средних классов города и деревни. Гнет монополий будет становиться все тяжелее, а противоречие между политикой вассализации Европы американским империализмом и национальными интересами вассализированных народов приобретет такой острый характер, что приведет к краху крупной буржуазии Европы. В самом деле, в конце концов это противоречие станет настолько очевидным для широких масс, что они объединятся вокруг рабочего класса и его авангарда, чтобы создать демократическое правительство.

¹ «Economist», 10 November 1949.

Итак, капиталистическая Европа идет навстречу гигантским классовым боям и исключительно острому революционному кризису. Ни в одной из европейских стран буржуазия не сможет жить, как жила прежде. А это «прежде» не означает ни «доброе старое времени» перед 1914 г., ни достаточно тяжелого периода перед 1939 г., ни критического периода 1946—1949 гг.

Да и можно ли себе представить, что рабочий класс Западной Европы согласится жить все хуже и хуже, в то время как народы Восточной Европы будут жить все лучше и лучше? Можно ли ожидать, что немцы Западной Германии предпочтут нищету зажиточной жизни немцев Восточной Германии? Совершенно очевидно, что часть Европы не сможет долго жить в условиях экономического упадка, когда рядом другая ее часть процветает.

Обострение экономического и социального кризиса в Европе будет сопровождаться обострением кризиса колониальной системы, так как буржуазия европейских метрополий попытается переложить на колониальные народы часть бремени, которым ее нагроулили американские империалисты. Но так как сфера капиталистической эксплуатации в 1945—1950 гг. сократилась и так как европейская буржуазия столкнется здесь с нескрываемыми претензиями американского империализма (п. 4 программы Трумэна), она не найдет в этом направлении выхода из трудностей. С одной стороны, усилятся противоречия между буржуазией различных стран Европы, как и противоречия между каждой из этих стран и американскими монополиями, а с другой стороны, еще больше усилятся эксплуатация трудящихся колоний. Экспансионистская политика монополий Уолл-стрита сулит катастрофу империалистической системы в колониальных и полуколониальных странах, как и в Европе. В самом деле, в чем выход для вассальной Японии, лишенной рынков на континенте Азии? Перед ней открывается лишь перспектива огромной и неизлечимой безработицы и ожесточенной борьбы с английской промышленностью на рынках Юго-Восточной Азии. В Индонезии, во Вьетнаме, в Индии Уолл-стрит пытается договориться с национальной буржуазией в ущерб интересам английского, французского и голландского капитала. Но это ведет лишь к увеличению нищеты масс, вынужденных терпеть тройную эксплуатацию: собственной

буржуазии, европейских колонизаторов и американских империалистов — и к дальнейшему усилению их борьбы за независимость. Наиболее реакционная часть колониальной буржуазии вынуждена открыто сотрудничать с американским империализмом, и это разоблачает ее перед массами; как пример можно привести Бао Дая во Вьетнаме, Мохамеда Хатта в Индонезии, Неру в Индии.

Так рассеиваются иллюзии, которые могли существовать у колониальных народов насчет борьбы между их собственной буржуазией и европейскими колонизаторами. Эти народы обращаются к коммунистической партии — единственной партии, которая борется за их освобождение от эксплуатации иностранным капиталом; следуя историческому примеру китайской революции, они начинают вооруженную борьбу против американского империализма и его агенты.

Нельзя себе представить, чтобы колониальные народы Азии согласились обречь себя на беспросветную нищету, имея перед глазами чудесный пример освобожденного Китая.

Значение победы демократических сил Китая ощущается не только в пределах Китайской народной республики. Эта победа — смертельный удар по всей колониальной и империалистической системе. Ведь рабочие и крестьяне полуколониальной страны, используя оружие, захваченное у врагов — японцев и американцев, — сумели победить наемников империалистической страны, обладающей самым мощным вооружением и располагающей атомным оружием. Это — такое событие, которое и теперь еще продолжает расшатывать власть империалистов в колониальных и полуколониальных странах. Тот факт, что самая крупная полуколониальная страна самостоятельно освободилась от империалистического ига, показывает, что кризис колониальной системы вступил в свою последнюю фазу; если колониальные державы до сих пор не смогли подавить движение за независимость во Вьетнаме, Бирме, Малайе и Индонезии, то после грозного примера, который показал Китай, они уже не смогут остановить нарастающую волну, которая в конце концов сметет и их с пути. Китайская революция подняла борьбу за независимость во всей Азии на высшую ступень. Признание Хо Ши-мина правительством СССР, народным

правительством Китая и странами народной демократии Европы в феврале 1950 г. нанесло новый удар колониальной системе на Дальнем Востоке. Подписание договора о дружбе между СССР и Китаем 14 февраля 1950 г. еще больше усилит движение за освобождение колониальных народов. Наглядно показывая, каким путем можно положить конец поруганию и унижению сотен миллионов людей¹, оно звучит похоронным звоном для всей колониальной системы.

Американский крупный капитал не может безнаказанно пытаться переложить тяжесть экономического кризиса на Европу и на колониальные страны; обнищание населения земного шара, социальный кризис в Европе и кризис колониальной системы оборачиваются против него; под ударом оказывается власть монополий в самих США. Классовая борьба в США вступает в новую фазу.

Социальный кризис в Соединенных Штатах

Тот факт, что американский рабочий класс еще не усвоил себе марксистского мировоззрения, что он не проникся идеями социализма, что он не сумел создать свою массовую партию, истолковывается сторонниками теории «исключительности» американского капитализма как гарантия вечного существования капитализма янки.

В действительности же идеологическое отставание американского рабочего класса по сравнению с рабочим классом Европы объясняется вполне определенными причинами.

Первая из этих причин состоит в том, что американский рабочий класс создавался в значительной мере за счет непрерывного притока рабочей силы извне. Разумеется, иммигрант прибывает в страну не для того, чтобы предъявлять требования. Он приезжает либо в надежде разбогатеть, либо для того, чтобы спастись от еще большей нищеты. Он охотно подчиняется законам принявшей его страны, в которой надеется разбогатеть. В нем живет индивидуализм «пионера», который полагается только на самого себя — на свои руки и на свою счастливую звезду.

¹ «L'Humanité», 20 février 1950.

Капиталистическая литература и печать систематически культивировали такие настроения, прославляя «самородков», поднимая на щит миллионеров, вышедших из бедности, для того чтобы заставить массы уверовать в миф о «личном успехе». До тех пор пока мальчик-лифтер верил, что в один прекрасный день он сможет стать Рокфеллером, американскому капиталистическому обществу нечего было опасаться.

В то же время в США проводится резкое разграничение между иммигрантами, поселившимися там уже давно, и теми, кто прибыл вновь и готов выполнять самую тяжелую работу.

«В Соединенных Штатах иммигранты из восточной и южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы. Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата»¹.

Эти условия способствовали созданию профессиональных союзов, построенных по цеховому, а не по производственному признаку. Так, например, на железных дорогах не было профсоюза железнодорожников, а были «братства» машинистов, кочегаров, кондукторов. Это были скорее корпорации, ревниво охранявшие свою независимость; их руководители тщательно ограничивали задачи этих организаций узкими и эгоистическими требованиями определенных профессиональных групп. Такие организации охватывали только рабочую аристократию — «квалифицированных» рабочих, плативших высокие членские взносы. Именно на этой базе в 1886 г. возникла Американская федерация труда (АФТ). Главный ее руководитель Сэмюэл Гомперс, действуя в интересах монополий, прилагал все усилия к тому, чтобы сохранять этот ремесленный эгоизм в ущерб классовой солидарности пролетариата.

К этому нужно добавить различия национальные, языковые и религиозные, разделявшие эмигрантов и не дававшие им раствориться в однородной рабочей массе. Большинство иммигрантов, прибывших в Соединенные Штаты во второй половине XIX в., составляют не англо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 270.

саксы, а славяне и романские народности, не знавшие английского языка.

Национальная разнородность иммиграции и языковые различия препятствовали созданию профсоюзов, охватывающих всех трудящихся, и образованию массовой рабочей партии, вследствие чего американская буржуазия могла сохранять свое господство, не прибегая к активным выступлениям так часто, как в Европе. В большинстве случаев буржуазии достаточно было оказывать пассивное сопротивление, чтобы движение за создание рабочих организаций и борьба рабочего класса затихали сами собой. Таким образом, для рабочих США диктатура буржуазии не была такой очевидной как для трудящихся Европы.

Энгельс пишет, что огромное значение имела «иммиграция, разделяющая рабочих на две группы, на коренных и иностранцев, а последних в свою очередь на: 1) ирландцев, 2) немцев, 3) множество мелких групп — чехов, поляков, итальянцев, скандинавов и пр., которые понимают друг друга только в пределах каждой группы. К тому же еще и негры. Чтобы из всего этого создать единую партию, требуются особенно мощные стимулы. Иногда внезапно наступает сильный подъем, но буржуазии достаточно бывает терпеливо его переждать, и разнородные элементы рабочего класса снова распадаются»¹.

Пока продолжается иммиграция, в обществе еще незаметно классовое расслоение.

В противоположность Европе, как пишет Маркс, «...В Соединенных Штатах Северной Америки... классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении меняют свои составные части и уступают их друг другу... современные средства производства не только не совпадают с хроническим перенаселением, а, наоборот, заменяют относительный недостаток в головах и руках ...наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, которое должно освоить новый мир, не дало ни времени, ни случая покончить со старым миром призраков»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 269, Письмо к Зорге, 2 декабря 1893 г.

² К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Госполитиздат, 1948, стр. 17—18.

Развитие классового самосознания американского пролетариата тормозилось еще двумя историческими причинами.

В XIX в. Соединенные Штаты не знали массовой экспроприации ремесленников и мелких собственников, которую Маркс назвал «первоначальным накоплением» и которая породила капитализм в Европе. По существу капитализм в Соединенных Штатах развивался в значительной мере за счет капиталов, накопленных в Европе.

«Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах,— отмечает Маркс в «Капитале»,— представляют собою лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей»¹.

Конечно, тот факт, что процесс пролетаризации, породивший американский рабочий класс, не происходил в недрах американского общества, имеет чрезвычайно большое значение.

В Европе самостоятельные производители, экспропрированные капиталистами, хорошо знали, какой именно капиталист или какие капиталисты их разорили. Вынужденные продавать свою рабочую силу тем же самым капиталистам, они их люто ненавидели. Однако разоренные ремесленники и мелкие производители, эмигрировавшие в Соединенные Штаты, чтобы избежать окончательной пролетаризации, не считали эксплуатировавших их американских хозяев ответственными за свое тяжелое положение. К тому же многие из них вновь обретали на девственных землях Америки собственность, которую они потеряли в Европе. И даже оставаясь наемными рабочими, они все же оказывались в относительно более благоприятных условиях, чем рабочие в Европе, вследствие относительной нехватки рабочих рук, которая, как мы видели, повышала цену рабочей силы в США.

Все эти факторы объясняют, почему развитие рабочего класса в Европе и в США до первой мировой войны шло различными путями и почему в США до 1914 г. передовая техника странном образом сочеталась с отсталой идеологией, о чем Энгельс так удачно писал еще в 1895 г.:

«Америка *самая молодая*, но в то же время *самая старая* страна в мире. Так же, как наряду со стародавней

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 759.

мебелью, у вас имеется новая, изобретенная вами совершенно самостоятельно, как в Бостоне в ходу дрожки... в горах — дилижансы XVII века наряду с пульмановскими вагонами, точно так вы сохраняете и все сброшенные в Европе старые духовные одежды. Все, что здесь отжило свой век, может в Америке просуществовать еще одно — два поколения... Это происходит, с одной стороны, оттого, что в Америке лишь теперь начинают находить время не только для заботы о материальном производстве и обогащении, но и для свободного духовного развития и необходимой для того подготовки; а, с другой стороны, это происходит и из-за раздвоенности развития Америки, которая, с одной стороны, занята еще *первоначальной* задачей: освоением огромной нетронутой целины, а с другой — принуждена уже бороться за первое место в промышленном производстве. Отсюда — приливы и отливы в движении в зависимости от того, что берет перевес в голове среднего американца — сознание промышленного рабочего или сознание поднимающего целину крестьянина»¹.

Но почему же после 1914 г. классовая борьба в США была лишена той остроты, того политического характера, какие отличали классовую борьбу в Европе?

Прежде всего потому, что на американский пролетариат продолжал давить груз мелкобуржуазной идеологии, унаследованной от довоенной эпохи. Далее, эта идеология сохранилась, и Соединенные Штаты, в отличие от Европы и Азии, избежали революционного кризиса потому, что американская буржуазия сумела переложить основное бремя подготовки к войне и всю тяжесть лишений и физических и моральных страданий, связанных с двумя войнами, на народы Европы. Таким образом, американский капитализм наживался на войне не только в экономическом, но и в социальном смысле.

Извлекая максимальные выгоды из такого положения и из неоднородности рабочего класса, капиталисты США имели возможность до настоящего времени, несмотря на предвыборную борьбу, удерживать американский народ, так сказать, вне политики, заставляя его выбирать между

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 371, Письмо к Зорге, 16 января 1895 г.

двумя «партиями», которые в действительности не являются разными партиями, так как никаких теоретических расхождений между ними нет. Различия в составе и характере этих двух клик имеют единственной целью запутывать людей и мешать пробуждению классового самосознания в американском народе.

Однако условия, благоприятствовавшие сохранению диктатуры крупного капитала в XIX в., стали постепенно исчезать начиная с 1914 г.

После первой мировой войны иммиграция почти прекратилась, и это привело к стабилизации населения. Уже с 1918 г. в США нет нехватки рабочих рук; наоборот, существует хроническая безработица.

Таким образом, американское общество потеряло свою видимую текучесть, произошло окончательное классовое расслоение, а у новых поколений постепенно исчезают языковые и национальные различия, ранее препятствовавшие достижению единства рабочего класса. На этой основе произошло событие, имевшее большое значение для американского рабочего движения: возник профсоюзный центр, в основе которого лежит объединение рабочих не по ремеслу, а по производственному принципу. Этот центр называется КПП¹ (Конгресс производственных профсоюзов) *. Таким образом, барьеры, разделявшие американских рабочих и препятствовавшие пробуждению и развитию у них классового самосознания, стали рушиться один за другим.

Последствия второй мировой войны положили конец привилегированному положению, которое занимала с

¹ КПП, первоначально называвшийся Комитетом производственных организаций, был создан в октябре 1935 г. как секция АФТ. В августе 1936 г. исполнительный комитет АФТ исключил из АФТ 10 национальных профсоюзов, входивших в КПП. В 1938 г. Комитет был преобразован в Конгресс.

* Деятельность оппортунистического руководства КПП обнаруживает, что лидеры КПП, так же как и АФТ, играют роль прямых агентов американской империалистической буржуазии как внутри страны, так и за ее пределами. Они всеми силами содействуют монополистическому капиталу в его наступлении на рабочий класс, поддерживают агрессивный, авантюристический курс внешней политики США, направленной на подготовку новой войны. По заданию своих империалистических хозяев, реакционные лидеры КПП вместе с руководителями АФТ ведут раскольническую деятельность в профсоюзах Европы, Азии и Латинской Америки. (Прим. ред.)

1914 по 1945 г. американская буржуазия по сравнению с буржуазией других стран.

Во время войны государственная задолженность США чрезвычайно выросла ¹. С тех пор американский империализм в попытке осуществить свое стремление к мировому господству вынужден был возглавить гонку вооружений и затрачивать колоссальные суммы на поддержку реакционных режимов в других странах и на сохранение экспорта товаров на высшем уровне.

Растущий паразитизм монополий приводит к тому, что их власть ложится все большей тяжестью на плечи рабочего класса, фермеров и средних слоев населения США. А поскольку капиталистическая экономика США теперь может развиваться только в условиях войны и благодаря войне, длительный мир будет все нагляднее вскрывать совершенную невозможность повышения уровня жизни народных масс в условиях существования монополий.

Для обеспечения своих прибылей финансовому капиталу совершенно необходимо сохранять высокий уровень военных расходов. Но для того чтобы оправдать такие расходы, он должен разжигать военный психоз и поддерживать напряженное международное положение. Общественное мнение США соглашается на колоссальный рост военного бюджета лишь потому, что ему внушают, будто СССР собирается напасть на Соединенные Штаты. Сопротивление огромным непроизводительным бюджетным расходам будет расти. Только демократическое правительство, которое национализирует монополизированный сектор, сможет преодолеть упадок американской экономики. Уже теперь американский народ должен выбирать между режимом народной демократии, с одной стороны, и кризисом и войной — с другой. Объективные условия для создания и победы большой прогрессивной партии, которая положит предел двухпартийной игре, уже налицо. Американскому финансовому капиталу это прекрасно известно. Об этом свидетельствуют два факта большого политического значения. Чтобы обеспечить свое избрание в 1948 г., Трумэн был вынужден позаимствовать лозунги у прогрессивной партии, а в 1949 г. он предал суду

¹ С 45,8 млрд. долл. в июне 1939 г. она увеличилась до 297,7 млрд. долл. в феврале 1946 г.

руководителей коммунистической партии США. Из этого видно, что теперь американский крупный капитал может управлять только при помощи демагогии и фашистских методов. А это — явный признак слабости.

И действительно, возможности для маневрирования в классовой борьбе у американского финансового капитала чрезвычайно ограничены. Правда, осуществив политическую вассализацию Западной Европы, он получил возможность переложить на европейские народы часть бремени вооружений и частично переложил на них и тяжесть кризиса. Для этого он ввел систему принудительного экспорта и в сентябре 1949 г. заставил их пойти на девальвацию своих валют; это позволило американскому капиталу скупать по дешевке в этих странах сырье.

Правда, капиталисты еще могут натравливать рабочих белой и черной расы друг на друга, перекладывая на негров основную тяжесть лишений, обусловленных кризисом. В настоящее время негры заменяют иммигрантов из Восточной Европы и средиземноморских стран на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах, и они же сильнее всех страдают от безработицы. Но безработица неизбежно затронет и остальную часть американского рабочего класса, и фермеров, и средние классы города.

Положение американского империализма нельзя сравнивать с положением английского империализма в XIX в., несмотря на некоторое внешнее сходство. Англия в начале XIX в. обладала промышленной монополией, и это позволяло английской буржуазии подкармливать и подкупать рабочую аристократию. Но эта монополия существовала, когда капитализм находился на подъеме, когда рынки расширялись, а «накладные расходы» капиталистической эксплуатации находились на минимальном уровне. Тогда было достаточно одного фрегата и нескольких пушечных выстрелов, чтобы открыть порты Китая для английской торговли. Напротив, монопольное положение США возникло в эпоху упадка капитализма, когда рынки систематически сужаются, а «накладные расходы» достигают огромных размеров. Так, американский империализм вынужден был затратить 6 млрд. долл. на то, чтобы... окончательно потерять китайский рынок. Со времени опиумных войн положение существенно изменилось.

Американские монополии уже не могут подкупать американский рабочий класс на проценты с сумм, «одолженных» в дополнение к «дарам» маршаллизированным странам, так как эти страны в состоянии расплачиваться по долгам только товарами, а американские монополии этого не желают по причинам, о которых мы уже говорили выше.

В декабре 1949 г. один из руководителей банка Мортана поместил в журнале «Фореин аферс» статью, в которой требовал, чтобы займы, предоставленные Соединенными Штатами после второй мировой войны Англии, Франции и другим странам, были продлены или аннулированы.

Больше того, американские капиталисты требуют уменьшения налогов с них и предоставления правительственных «гарантий» для своих частных вложений за границей. Трумэн обещал им это в своем отчете в январе 1950 г.¹ Эти мероприятия будут проведены за счет других классов общества в дополнение к тем шагам, которые будут предприняты в порядке выполнения плана Маршалла.

Таким образом, господство финансового капитала будет ложиться все более тяжелым бременем на плечи американского народа. Из этого следует, что экономический кризис поведет к еще не виданному потрясению самых основ государства. В период домонополистического капитализма банки не приходили на помощь промышленникам, пострадавшим от кризиса. Они предоставляли таких промышленников воле судьбы и затем скупали их предприятия по дешевке. В эпоху империализма, когда сращивание

¹ «Для поощрения частных американских вложений за границей я требую, чтобы конгресс немедленно вынес решение по законопроектам, которые находятся на его рассмотрении и направлены к тому, чтобы уполномочить Экспортно-Импортный банк гарантировать подобные вложения от известного риска, с которым обычно сопряжены вложения за границей. Правительство ведет переговоры на предмет заключения договоров, имеющих целью улучшить условия вложений за границей и обеспечить защиту законных интересов американских владельцев инвестиций. В целях стимулирования вложения американских капиталов за границей я также рекомендую пересмотреть некоторые положения налогового законодательства, которые регулируют размеры обложения доходов от вложений за границей».

промышленного и банковского капитала привело к образованию финансового капитала, банки поддерживают промышленные предприятия, переживающие трудности. К чему это привело во время кризиса 1929 г.? К тому, что американская финансовая система в 1933 г. обанкротилась, и ее спасло только вмешательство государства. А что происходит в настоящее время? Государственное вмешательство уже приняло очень широкий характер; для того чтобы поддерживать экономическую активность, правительство размещает заказы на вооружение, финансирует экспорт, закупает стратегическое сырье и выдает субсидии фермерам.

Падение экономической активности будет приводить и уже приводит к крупному бюджетному дефициту; этот дефицит будет расти и вызовет кризис правительственных финансов, который в конце концов вызовет финансовое банкротство. Оно, в свою очередь, будет иметь результатом девальвацию доллара и прекращение платежей по государственному долгу. Соединенные Штаты изведывают все то, что уже испытал и продолжает испытывать капитализм в Европе. Нынешнее государство — это государство монополий. Разумеется, нельзя отождествлять кризис государственных финансов с кризисом самого государства. Но тот факт, что во главе государства стоят руководители крупнейших капиталистических компаний и что в данном случае речь идет о государственно-монополистическом капитализме, имеет громадное политическое значение. Крушение финансовой и валютной системы будет иметь глубокие социальные последствия: оно сразу же разорит средние классы города и деревни и рабочую аристократию. Будет очень трудно скрыть то обстоятельство, что такая массовая экспроприация проводится по воле крупного капитала. Американский капитализм идет, таким образом, к очень серьезному социальному кризису и может пытаться преодолеть его только с помощью фашизма и войны. Вот почему уже теперь финансовый капитал так боится американской коммунистической партии. Вот почему он так боится кризиса, вот почему он провозглашает «лучше война, чем кризис». Знаменательно, что с этим боевым кличем выступила именно г-жа Люс, жена издателя журнала «Лайф», воспеваящего «американский век». «Америка,— пишет она,— прошла через две великие

войны, но от этих войн у нее остались значительно менее горькие воспоминания, чем от кризиса 1930 г., — от тех проклятых времен, когда безработные торговали на улицах яблоками. Наш народ не хочет ни кризиса, ни войны, но если придется выбирать, он выберет войну»¹.

Будущее капиталистической системы в Соединенных Штатах, да и в Европе, таким образом, очень незавидно. Если войны не будет, то капиталистическое хозяйство поразит длительный, очень затяжной кризис; сейчас мы наблюдаем лишь первые его проявления. Если предположить, что этот кризис удастся преодолеть, то есть если экономический кризис не перерастет в социальный кризис, несущий гибель капиталистической системе, то наступит период оживления, так как циклическое развитие капиталистической системы прекратится только с гибелью самого капитализма, а экономический кризис смертелен только тогда, когда превращается в политический кризис, который ведет к гибели самого строя. Но это оживление будет еще более трудным и менее устойчивым, чем в 1936—1937 гг., поскольку общие условия существования капитализма после окончания второй мировой войны ухудшились. А за этим оживлением последует новый, еще более серьезный спад.

Как же сможет империализм преодолеть все эти препятствия? Можно ли представить себе, что американский народ согласится долго выносить такие страдания, не видя никакого просвета в будущем, тогда как в это же время Советский Союз будет успешно идти к коммунизму, страны народной демократии — к социализму, а страны, освобожденные от ярма империализма, будут наслаждаться порядком, устойчивым положением и растущим материальным благополучием.

Противоречие между социалистической системой и капиталистической на начинающемся ныне историческом этапе станет значительно острее, чем в период, предшествовавший второй мировой войне. Вследствие расширения и усиления антиимпериалистического лагеря, а также вследствие экономического кризиса, империалисты вынуждены сейчас либо воевать со странами социалистической системы, либо просить у них заказов. Они должны

¹ Цитируется по журналу «La vie française», 18 февраля 1949 г.

либо пытаться уничтожить их, либо помогать их развитию. В обоих случаях капитализм приближает свою гибель.

Стремясь ускорить свое промышленное развитие и переход к коммунизму, СССР заинтересован в получении машин и оборудования из капиталистических стран, но, как показывает опыт 1945—1949 гг., он может прекрасно обойтись и без этого. Капитализм же, наоборот, стремясь к смягчению кризиса, не может обойтись без рынков в странах социалистической системы. Если монополии Уолл-стрита пойдут на мирное сосуществование с СССР, американские товары потекут в Советский Союз широкой рекой, но Советский Союз будет регулировать импорт в соответствии со своими потребностями. Иными словами, социалистический сектор будет приказывать, а капиталистический — ему служить. В таком же положении, как СССР, будут и страны народной демократии, однако лишь в том случае, если они сохранят тесное единение с СССР. Исключительно благодаря поддержке могучего Советского Союза и они могут разговаривать с капиталистическими странами как равные с равными и ставить себе на службу промышленность этих стран. Иначе они не смогут приказывать капиталистическим странам, а должны будут принимать только такие товары, которые тем будет угодно посылать; и тогда они сразу скатятся вновь к положению колониальных стран, подобно Югославии.

Признание принципа мирного сосуществования двух систем явилось бы также большой победой для дела мира, а для империализма — крупным поражением, которое подготовило бы его окончательный разгром.

Именно поэтому в своей борьбе за мировое господство американские империалисты видят последнее прибежище в «превентивной» войне. Не потому, что нужно предотвратить агрессию со стороны СССР, как они лгут, чтобы оправдать свою позицию, а потому, что длительный мир создает такое соотношение сил, при котором американский империализм уже не сможет ориентироваться на возможность войны. Поэтому он стремится максимально ускорить войну, чтобы предотвратить внутреннюю катастрофу, которую ему несет длительный мир, но,

развязав третью мировую войну, американские и европейские империалисты объявили бы войну не только СССР, но и своим же народам.

Подготовка к войне

Не ожидали ли американские империалисты 1950 г., чтобы повторить тот же маневр, который привел ко второй мировой войне? Единственное отличие нынешней обстановки от 1938—1939 гг. состоит в том, что теперь империалисты США уже не стоят за кулисами, а официально возглавляют антисоветскую коалицию.

С осени 1945 г. и в особенности с весны 1946 г. начались провокации, направленные против СССР. Тон задал 5 марта 1946 г. Черчилль своим на шумевшим выступлением в Фултоне, когда он в присутствии Трумэна призвал Англию и Соединенные Штаты немедленно заключить военный союз против СССР. С этого времени реакционные лидеры Американской федерации труда стали упражняться в агрессивных и провокационных заявлениях по адресу Советского Союза. Выступая 3 сентября 1946 г. в Тулсе (штат Оклахома) по случаю «Дня труда», председатель АФТ Вильям Грин призвал правительство Соединенных Штатов проводить твердую политику по отношению к СССР, «чтобы потом не пришлось с ним воевать»¹. 6 октября 1946 г. Исполнительный совет АФТ яростно обрушился на Советский Союз, обвиняя его в том, что он использует Конгресс мира в Париже «для распространения советского господства и для создания новых поводов для будущей агрессии»². 16 октября та же АФТ приняла резолюцию, требующую проведения и впредь твердой политики по отношению к СССР и отвергшую всякий компромисс по вопросу о контроле над использованием атомной энергии³.

Одновременно разворачивались военные приготовления. Вскоре после окончания войны американский штаб приступил к созданию военных баз на Аляске, в Канаде и в Гренландии, явно направленных против Советского

¹ «Agence économique et financière», 4 septembre 1946.

² Там же, 7 октября 1946 г.

³ Там же, 17 октября 1946 г.

Союза. В течение 1946 г. американская армия и военноморской флот не раз проводили маневры в полярных районах, по соседству с Советским Союзом¹.

13 октября 1946 г. главный трубадур нового американского империализма Липпман в статье под названием «Карты на стол» требовал создания антисоветских баз на Ближнем Востоке.

«В порядке проведения «решительной» политики Соединенным Штатам следовало бы утвердить американское могущество в каком-нибудь определенном пункте, где в случае войны Советский Союз в самого начала был бы вынужден обороняться. Такие пункты, несомненно, находятся в восточной части Средиземного моря, в направлении Черного моря. В самом деле, в этом месте морское и воздушное могущество Соединенных Штатов может быть сосредоточено в непосредственной близости от жизненных центров России и, следовательно, лучше всего сможет противостоять наступательной силе Советской Армии»².

В этом же году в соответствии с пожеланиями Черчилля, высказанными в сентябре 1946 г., был создан объединенный англо-американский штаб, принят план стандартизации английского и американского вооружения и подписан договор о взаимной помощи между Соединенными Штатами и Канадой.

Зимой 1946/47 г. после победы республиканской партии на выборах в ноябре 1946 г. правительство США стало открыто ориентироваться в своей внешней политике на войну против СССР. 12 марта 1947 г. Трумэн выступил как глашатай мировой реакции и провозгласил программу военной помощи Греции и Турции. Идя, таким образом, навстречу пожеланиям Липпмана, он в дополнение к этой

¹ Морские маневры, длившиеся один месяц, в водах Гренландии с авианосцем «Мидуэй», а затем с авианосцем «Нортон»; маневры подводных лодок осенью 1946 г. тоже в Гренландии; операция «Айсберг» в Беринговом море. Наземные маневры — экспедиция под названием «Мускусный бык».

Большие маневры на Аляске с 1 октября 1946 г. до 30 апреля 1947 г. Экспедиция «Фридждид», отправившаяся из Фербенкса на Аляске для испытания материальной части в течение 6 месяцев при «сухом холоде»; затем экспедиция «Уиллиуоу» («Буря») с Алеутских островов для таких же испытаний, но при «влажном холоде».

² «Le Figaro», 13 octobre 1946.

программе 4 июня предоставил Ирану на 30 млн. долл. военного снаряжения. В августе был подписан пакт о военной помощи с 19 государствами Латинской Америки (пакт, заключенный в Рио). Главное же произошло 5 июня, когда был выдвинут план Маршалла. Под предлогом экономической «помощи» и борьбы с коммунизмом американский империализм приступил к созданию под своим руководством нового Священного союза и к превращению Западной Европы в базу для агрессии против СССР. В этих планах главную роль играет Германия. По существу, основной целью плана Маршалла является восстановление военного потенциала Рура и воссоздание германской армии, чтобы превратить ее в ядро «европейской» армии.

С началом кризиса в 1949 г. и с обострением экономических и социальных трудностей в империалистическом лагере приготовления к агрессии производятся более быстрыми темпами. 4 апреля 1949 г. был подписан Североатлантический пакт, расцененный газетой «Чикаго трибюн» 25 июня как «предпоследний шаг к мировой войне»;

28 сентября 1949 г. сенат и палата представителей США приняли программу военной помощи странам Атлантического блока: Ирану, Южной Корее, Филиппинам, реакционному Китаю, Канаде и государствам Южной Америки, объединенным пактом, заключенным в Рио. Ассигнования на эту программу составили 1314 млн. долл. 20 сентября начались англо-американо-канадские переговоры по вопросу об атомной энергии. Коннели отправился инспектировать авиационные базы, созданные в Испании. В октябре 1949 г. состоялась встреча Франко и Салазара; в Европе и в Северной Африке был введен более строгий контроль над реэкспортом «стратегических» материалов; 4 ноября эти меры были распространены и на Латинскую Америку; и, наконец, 11 ноября военный министр потребовал введения в США воинской повинности. Во время встречи Бевина, Шумана и Ачесона 10 ноября в Париже было официально принято решение о включении реакционной Западной Германии в Западный союз; печать империалистического лагеря перестала скрывать истинную цель плана Маршалла — перевооружение Западной Германии.

«Что делать с излишками немецких промышленных товаров? — спрашивают здесь, — пишет вашингтонский корреспондент газеты «Монд». Как полагают, англичане никогда не допустят немецкой конкуренции. Не следует ли использовать излишки стали для изготовления в самой Германии нового снаряжения, необходимого для приведения в готовность «ударных сил» Запада, поскольку Соединенные Штаты производят это снаряжение гораздо дороже. Не будут ли эти излишки использованы для производства оружия для немецких полицейских сил, когда будет признана необходимость эффективно защищать на Эльбе полностью восстановленную промышленность Рура? В Вашингтоне начинают понимать, что некий французский журналист имеет все основания написать в передовице своей газеты: «Перевооружение Германии содержится в Атлантическом пакте, как зародыш в яйце»¹.

В 1949 г. никто уже больше не сомневается в том, что стратегия американского империализма «рассчитана на то, чтобы подготовить пожар войны во всех частях света и заставить воевать народы всех континентов по указке и во имя интересов американских миллиардеров»².

Эту оценку подтверждает ряд событий. В апреле 1950 г. американский бомбардировщик нарушил границу Советского Союза; 9 мая последовало предложение о создании «угольно-стального объединения», то есть об образовании в Западной Европе «союза торговцев пушками» в целях войны; с 12 по 15 мая в Лондоне происходила конференция с участием Франции, Англии и Соединенных Штатов; в официальном коммюнике конференции говорилось об усилении «холодной войны», и впервые СССР был назван врагом Атлантической коалиции. Все эти провокации в июне завершились вооруженной интервенцией в Корею.

По мере ускорения темпов подготовки к войне преследования сторонников мира принимают все более ожесточенный характер, а антисоветская пропаганда усиливается. 14 октября 1948 г. журнал «Джорнэл оф коммерс» заявил, что существование крупных коммунистических

¹ «Le Monde», 19 novembre 1949.

² С у с л о в, Защита мира и борьба с поджигателями войны, Госполитиздат, 1949, стр. 9—10.

партий во Франции и Италии является слабым местом обороны Запада, и потребовал, чтобы правительство порекомендовало этим странам принять такие же меры, «какие парализовали успехи коммунистов в других странах».

В 1949 г. руководители американской коммунистической партии предстали перед судом и в октябре были осуждены. В том же месяце генеральный секретарь коммунистической партии в Австралии был приговорен к трехмесячному тюремному заключению, а во Франции было предъявлено требование о лишении парламентской неприкосновенности 25 депутатов-коммунистов. В 1950 г. была объявлена вне закона коммунистическая партия в Боливии; в апреле запрещена коммунистическая партия в Австралии; а в начале июня, за 3 недели до агрессии в Корею, Макартур запретил всякую политическую деятельность руководителям японской коммунистической партии. В начале июля была объявлена вне закона коммунистическая партия в Южной Африке.

Пока в народных массах живет авторитет Советского Союза, завоеванный его жертвами и решающей ролью в разгроме гитлеровской Германии, война невозможна. Следовательно, готовясь к войне, империалисты должны попытаться решить основную задачу — вытравить симпатии всех честных людей к Советскому Союзу и направить общественное мнение против него. И вот в Соединенных Штатах и во всех капиталистических странах печать и партии, по указке монополий, повели систематическую кампанию лжи и клеветы, сначала осторожно, а потом все циничнее и наглее. Как гласит французская пословица, кто хочет убить свою собаку, говорит, что она взбесилась. Цель всей пропаганды заключается в том, чтобы представить намечаемую жертву агрессии как агрессора. СССР изображают как «тоталитарное» государство, коммунизм приравнивают к фашизму, шумят о «советском империализме» как «империализме нового типа» — «политическом империализме», тогда как американский империализм якобы является только «экономическим». Поставив СССР и США на одну доску, развивают эту мысль дальше: «политический» империализм, мол, опаснее экономического; а когда почва уже достаточно подготовлена, начинают говорить только о «советском импе-

риализме». В Соединенных Штатах выходит ряд антисоветских книг, которые немедленно переводятся в других капиталистических странах.

Таким образом, империалисты стараются сначала поколебать чувства симпатии и благодарности к Советскому Союзу, а затем превратить эти чувства в активную ненависть, чтобы оправдать подготовляемую агрессивную войну против СССР и найти для нее добровольцев. Идея «крестового похода» ради спасения западной христианской «цивилизации», которой якобы угрожает Советский Союз, и ради превращения борьбы американских монополий против страны, положившей конец эксплуатации человека человеком, в новую войну за веру — эта идея была выдвинута Черчиллем.

«Разногласия, разделяющие людей в наше время,— писал он 2 января 1947 г. в одной французской газете,— глубже тех разногласий, которые вызывали религиозные войны времен Реформации, глубже разногласий, возникших в эпоху Французской революции, глубже тех разногласий, которые толкнули великие державы заключить между собой союз против Гитлера. Разрыв между коммунизмом, с одной стороны, и христианской моралью и западной цивилизацией — с другой,— самый страшный, самый глубокий разрыв, ставящий под угрозу все завоевания человечества»¹.

Эту идею подхватил Трумэн, назвавший политику вооружений и агрессии, проводимую американским империализмом, осуществлением «воли божией».

15 мая 1950 г., накануне интервенции в Корею, он говорил: «Мы должны идти вперед, веря, что мы исполняем волю бога, нашего общего отца».

В 1949 г. кампания приняла еще более явный агрессивный характер, о чем свидетельствует провозглашенное папой отлучение коммунистов от церкви. 11 ноября Трумэн открыто призывал к новому «крестовому походу».

¹ «France soir», 2 janvier 1947.

Глава V

СУДЬБА ИМПЕРИАЛИЗМА И ПРОБЛЕМА МИРА

Теперь, когда американский империализм полностью и открыто отдался подготовке третьей мировой войны, когда «холодная война» превратилась в «теплую» и когда американское правительство перешло в Корею «от политики подготовки агрессии к прямым актам агрессии»¹, достаточно будет поставить всего два вопроса, чтобы определить будущее империализма:

1. Может ли третья мировая война спасти монополистический капитализм?

2. Неизбежна ли эта война?

Третья мировая война не изменит хода событий

Для того чтобы американский империализм избежал участи, которая его ожидает в условиях мира, чтобы он мог продолжать свою бессмысленную борьбу за мировое господство, мало развязать войну, нужно еще ее выиграть!

Для этого нужно, чтобы другие капиталистические государства взяли на себя все бремя войны и разрушений и чтобы на этот раз СССР был разгромлен, то есть необходимо не только наличие тех же условий, которые благоприятствовали экспансии США с 1914 до 1945 г., но и улучшение того привилегированного положения, которое занимали Соединенные Штаты вплоть до второй мировой войны. А ведь на деле получается как раз наоборот! Особые обстоятельства, благоприятствовавшие американскому

¹ Заявление Заместителя Министра Иностранных Дел СССР А. А. Громыко, «Правда», 4 июля 1950 г.

капитализму с 1914 по 1945 г., помогавшие ему наживаться на войне и породившие теорию американской «исключительности», — эти обстоятельства окончательно исчезли.

В 1914 и в 1939 гг. другие капиталистические державы были достаточно сильны, чтобы напасть друг на друга или попытаться счастье в войне против Советского Союза на свой собственный риск, и это позволило Соединенным Штатам в течение некоторого времени оставаться в стороне от схватки и чужими руками таскать каштаны из огня. Но после 1945 г., при существующем в мире соотношении сил, ни одна капиталистическая страна, кроме Соединенных Штатов, не может и помышлять о том, чтобы вести войну против СССР в одиночку. Даже британский империализм на это неспособен. Если какая-нибудь из этих стран пойдет на агрессию против государства, принадлежащего к демократическому лагерю, она будет играть лишь роль провокатора, чтобы оправдать вступление в войну Соединенных Штатов¹. На этот раз основная тяжесть подготовки и ведения военных операций выпадет на долю Соединенных Штатов, которые будут обязаны вступить в войну с самого начала. Ибо, занимая в империалистическом лагере ведущее положение, они не могут оставаться в стороне от борьбы; наоборот, они составляют авангард агрессии. Они не могут больше играть роль «третьего радующегося», зато эту роль могут играть некоторые страны империалистического лагеря в Америке и Азии, которые смогут позволить себе «выжидать», чтобы посмотреть, как будут развиваться военные действия.

С другой стороны, война впервые уже не обойдет территорию самих Соединенных Штатов. Если американские самолеты могут бомбить советские города, то возможно и обратное. Таким образом, война будет перенесена на территорию Соединенных Штатов; следовательно, привилегированному положению, которое занимали Соединенные Штаты в двух предыдущих войнах,

¹ Именно это и произошло в Корее. В начале июня советник государственного департамента Фостер Даллес отправился в Южную Корею; 19 июня, за неделю до провокационного нападения Ли Сын Мана, он заявил «Собранию Южной Кореи», что «Соединенные Штаты готовы оказать Южной Корее всяческую моральную и материальную поддержку, необходимую для борьбы против коммунизма».

придет конец. Американский народ в свою очередь узнает ужасные страдания, которые переносили народы Европы и которые привели в 1917 г. к Октябрьской социалистической революции в России и к созданию народно-демократических государств в Европе и Азии. Совершенно ясно, что классовая борьба в Соединенных Штатах будет носить такой же острый характер, как и в европейских странах, тем более, что война окончится военным поражением империалистического лагеря.

Исход борьбы, по существу, не вызывает сомнений, так как в этом столкновении соотношение сил, несомненно, благоприятствует демократическому лагерю. Надеяться на победу американские монополии могли бы только в случае молниеносной войны, которая в течение нескольких минут с помощью управляемых на расстоянии снарядов уничтожила бы советские города, то есть в случае пресловутой «кнопочной» войны. Но ликвидация монополии США на атомную бомбу бесповоротно положила конец этим мечтам. Третья мировая война велась бы, как выражаются современные рабовладельцы, с помощью человеческого «материала». Она потребовала бы от ее участников необычайного напряжения и необычайной воли к победе. Такой волей к победе может обладать только демократический лагерь.

Если крупной буржуазии действительно удастся увлечь за собой страны Западной Европы, то она не сможет подобно Германии, Италии и Японии в 1914 и 1939 гг. использовать шовинизм для поддержания «боевого духа» солдат. В рядах самой буржуазии нет единства, так как часть ее понимает или смутно чувствует, что и она станет жертвой войны даже в том случае, если бы империализм одержал победу.

С политикой разрушения Европы может полностью согласиться лишь кучка европейских капиталистов, разместивших свои капиталы вдали от основных театров военных действий. Именно этими соображениями и объясняется утечка французских капиталов, которые вкладываются не во Францию, а в Марокко, в Черной Африке и в Южной Америке. Именно на этот космополитический финансовый капитал и опирается американский капитализм, стремясь вовлечь своих капиталистических партнеров в войну против СССР. Эта часть буржуазии

готова пожертвовать не только жизнью трудящихся, но и всей мелкой и средней буржуазией, имущество которой будет уничтожено в атомной войне; именно на классовое самосознание этой кучки капиталистов и ее лакеев (вроде де Голля, который «предпочитает падение атомной бомбы потере свободы»¹, то есть потере своих привилегий) рассчитывает американский империализм, стремясь вовлечь капиталистические страны Европы в опустошительную войну. Отсюда сдержанность, проявляемая правящими классами Европы перед перспективой войны. Отсюда отсутствие «энтузиазма» в отношении войны против СССР, что, впрочем, не исключает стремления к репрессиям против рабочего класса. А это не может не сказаться на исходе борьбы.

Далее, немцы и французы, которые должны поставлять основную массу «пушечного мяса», прекрасно понимают, что на сей раз они должны будут сражаться не за свою родину, ни даже за свой собственный империализм, а за иностранный империализм. Слабость империалистов состоит в том, что, несмотря на все свои усилия и старания, они не могут повторить маневра 1939 г., то есть использовать какого-нибудь Гитлера так, чтобы это не стало ясно самым широким массам. Ни один диктатор в Европе уже не может убедить массы в том, что, ведя свой народ на войну против СССР, он борется за «Великую Германию», или за «Французскую империю», или даже что он действует на свой собственный страх и риск. В этом проявляется ослабление империалистической системы. Американцы вынуждены превращать европейские государства в своих сателлитов, чтобы вовлечь их в войну, но марионеточные правительства уже не в состоянии обманывать массы, убедить их, что их мобилизуют для «национальной» войны. **В маршаллизованных капиталистических государствах не может быть иных национальных войн, кроме тех, которые ведет сам народ против марионеточных правительств.** Отсюда бессилие лакеев американского империализма, которые вынуждены хвататься за лозунги «защиты западной цивилизации», чтобы попы-

¹ Заявление на пресс-конференции 17 марта 1950 г. Как сообщила 18 марта газета «Монд», генерал де Голль, выразив свое удовлетворение по поводу ратификации пакта взаимопомощи, заявил: «Мы предпочли бы падение атомной бомбы потере свободы».

таться вовлечь массы в войну. Этот жалкий суррогат буржуазного национализма имеет еще и то неудобство, что он уже был в свое время использован Гитлером. Даже люди, сильнее всего одурманенные антисоветской пропагандой, не готовы идти на убой за такую бессодержательную абстракцию. Трумэн или его преемник будут иметь не больше успеха, чем Гитлер с его «европейскими легионами».

Следовательно, американская армия, то есть американская пехота, должна будет высадиться где-нибудь в Европе и в Азии, чтобы попытаться дойти до Москвы или Магнитогорска. Впервые основной массе американских войск придется нести на себе всю тяжесть войны. Это будет не военная прогулка для американских солдат, как в 1918 или в 1944 г., а настоящая война. Но как может американский солдат, воюющий за сейфы Уолл-стрита, устоять против советского солдата, который сражается за свое счастье и знает, что победа над американским империализмом принесет всему человечеству вечный мир?

Наконец, и это главное, как может социалистический лагерь понести поражение теперь, когда соотношение сил ему благоприятствует, если СССР одержал победы над капиталистическими коалициями в 1917 и в 1941 гг., когда соотношение сил между двумя лагерями было более благоприятным для империализма?

Демократические государства, объединившиеся вокруг СССР и объединяющие треть человечества, непобедимы. Разве могут эти 800 миллионов человек, объединенные общим прекрасным стремлением — покончить навсегда с режимом эксплуатации и взаимного истребления людей, — отступить перед бездушной коалицией, раздираемой внутренними противоречиями между капиталистическими группировками и особенно классовыми противоречиями? В каждой капиталистической стране завязалась бы борьба между трудящимися и лакеями американского империализма, в каждой колониальной и полуколониальной стране — между колониальными народами и угнетателями-колонизаторами. Третья мировая война автоматически превратилась бы в гигантскую всемирную битву классов — битву за свержение господства капитала. Во всех капиталистических странах трудящиеся массы встречали бы Советскую Армию как армию-освободительницу.

Так как «если бы совместные усилия всех французов, любящих свободу и мир,— как сказал Морис Торез,— не смогли вернуть нашу страну в лагерь демократии и мира, если бы вследствие этого наш народ был вовлечен против его воли в войну против Советского Союза и если бы при этих условиях Советская Армия, защищая дело народов, дело социализма, была принуждена, изгоняя агрессоров, вступить на нашу территорию, то разве могли бы трудящиеся и народ Франции вести себя по отношению к Советской Армии иначе, чем трудящиеся и народы Польши, Румынии и других стран»¹.

Миллионы новых бойцов встали бы на сторону Советской Армии. Ибо если бы началась эта преступная война, то все народы мира постарались бы возможно скорее положить ей конец, а для этого у них будет только одно средство: вступить во всеобщую освободительную войну, чтобы ускорить разгром империализма.

Ясно, что в конце концов американский народ и американская армия под тяжестью страданий и поражений повернут против тех, кто ведет их на убой, ибо засилие профсоюзных бонз не должно заставить нас забыть о том, что американский пролетариат обладает огромной потенциальной революционной энергией, и высвобождение этой энергии может удивить разве только тупоумных теоретиков американской «исключительности». Понятно, почему советские руководители встречают лай своры поджигателей войны с таким спокойствием и уверенностью.

«Мы не хотим войны и сделаем все возможное, чтобы предотвратить ее. Но пусть, однако, никто не подумает, что мы запуганы тем, что поджигатели войны бряцают оружием. Не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны»².

Третья мировая война будет равносильна самоубийству монополистов Уолл-стрита. Они унесут с собой в могилу всю империалистическую систему. Соединенные Штаты занимают в капиталистическом мире такое место, что если, говоря словами тов. Маленкова, «империалисты

¹ Заявление ЦК Коммунистической партии Франции 22 февраля 1949 г., «За прочный мир, за народную демократию!», 1 марта 1949 г.

² Г. М. Маленков, 32-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1949 г., стр. 21.

развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма»¹.

Таким образом, в 1950 г. и война и мир сулят мрачную участь американскому империализму и всему строю эксплуатации человека человеком. Американский империализм не имеет больше перспектив. Его горизонт чрезвычайно ограничен со всех сторон. Ибо канули в вечность те условия, которые до и после 1914 г. благоприятствовали американской экспансии и породили миф об американской «исключительности». Капитализм, наживающийся на войне, уже не сможет больше извлекать выгоды из войны. Несмотря на все бахвальство последних претендентов на мировое господство, несмотря на все, кстати, очень слабо обоснованные² утверждения американского Розенберга о «неизбежности поражения коммунизма», ни война, ни мир не могут сделать XX век «американским» веком. XX век не будет веком империалистического государства; он будет веком всех народов (в том числе и американского), братски сплотившихся в социалистическом обществе. XX век будет веком всех трудящихся мира. Он будет веком коммунизма.

¹ Г. М. Маленков, 32-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1949 г., стр. 21—22.

² Последняя глава книги Бернхейма «К поражению коммунизма», озаглавленная «Неизбежность поражения коммунизма» кончается унылой фразой: «Никогда нельзя с научной точностью предвидеть будущее... С этой точки зрения мы можем лишь сказать, что поражение мирового коммунизма вероятно».

ВОЙНУ МОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ

Объективное изучение пути развития самой мощной ныне империалистической страны полностью подтверждает правильность анализа Маркса, Ленина и Сталина. Правильно, что капитализм, как доказал Маркс, сам роет себе могилу; правильно, что империализм, как сказал Ленин, есть последняя стадия капитализма; правильно, что первая мировая война и Октябрьская революция 1917 г., как сказал Сталин, положили начало общему кризису капитализма¹, агонии капиталистической системы.

Это изучение показывает также, что агония уже очень близка к концу. Общий ход развития империализма с 1917 до 1950 г. свидетельствует о том, что кризис непрерывно обостряется, причем это обострение с годами происходит все быстрее; об этом свидетельствует, например, необычайное сокращение промежутков между мировыми войнами.

Из этого следует, что нельзя брать продолжительность этапов, пройденных за период 1914—1945 гг., как мерку для определения продолжительности этапов, которые осталось пройти до гибели империализма².

¹ Не следует смешивать «общий кризис капитализма», который означает кризис самой основы, имеющий окончательный и непреодолимый характер, являющийся смертельным кризисом капитализма, с периодическими экономическими кризисами перепроизводства, присущими развитию капитализма.

² Недооценка опасности войны в настоящий момент вызывается недооценкой или непониманием обострения общего кризиса капитализма и верой в то, что капитализм еще может пережить длительный период процветания, прежде чем испытает кризис, подобный кризису 1919—1939 гг.

Вывод из изучения периода 1945—1950 гг. таков: капитализм зашел так далеко по пути распада, что срок его окончательной гибели исчисляется не десятилетиями, а годами.

Крупные капиталисты не питают на этот счет иллюзий. «Мы все согласны, я думаю,— сказал банкир Гарриман 1 января 1950 г.,— что ближайшее десятилетие будет иметь решающее значение для судеб человечества, причем не только во второй половине нынешнего века, но и бог знает на сколько еще веков»¹.

Этот магнат Уолл-стрита прекрасно отдает себе отчет в том, что судьба его класса решается в ближайшие годы. Как же нам представляется положение империализма в 1950 году?

Мы видели, что после окончания мировой войны, в результате которой соотношение сил между социалистическим и империалистическим лагерями изменилось к выгоде для первого, основная линия политики империализма определяется стремлением изменить это положение любыми средствами. Сначала империализм пользовался средствами «холодной войны» и потерпел неудачу.

1949 год окончательно подтвердил эту неудачу и был годом решительного поворота к новой фазе — фазе вооруженного наступления на демократические силы, которое началось нападением на корейский народ.

Что же будет дальше? Либо американский империализм в результате ряда провокаций и вооруженных выступлений вовлечет мир в войну, либо все его попытки закончатся решающим поражением. Каким бы ни был исход борьбы, которую в настоящее время ведет империализм, эта борьба может только ускорить его гибель. Империализм погибнет либо в третьей мировой войне, либо в результате внутренних потрясений, вызванных тем, что он не сможет развязать эту войну.

Таким образом, задача прогрессивного человечества в 1950 г. заключается не в том, чтобы гадать, погибнет ли

¹ Новогоднее послание У. Аверелла Гарримана, специального посла Соединенных Штатов в Европе.

империализм, или даже когда он погибнет, а в том, чтобы помешать осужденному историей классу увлечь за собой в могилу в приступе безумия сотни миллионов людей, а может быть даже, учитывая ужасающую разрушительную силу атомного и бактериологического оружия, и все человечество.

Можно ли предотвратить третью мировую войну и как это можно сделать — таков вопрос, стоящий перед нами сегодня.

Войну можно предотвратить

Как сказал Маркс, человечество ставит себе только те задачи, которые оно может разрешить. Может ли оно достигнуть того, что не удалось в 1914 и в 1939 гг.? Бесспорно, да!

В 1914 г. трудящиеся всех стран хотели мира, но они не были организованы для борьбы против войны; убежденные и сознательные противники империалистической войны представляли собой лишь небольшую кучку людей; во главе социалистических партий и профсоюзов стояли агенты буржуазии, которых в то время еще не удалось разоблачить; буржуазия различных капиталистических стран имела еще возможность отравлять сознание масс шовинизмом, заставляя поверить их в каждой отдельной стране, что они защищают свои национальные интересы от внешней агрессии; капитализм был тогда единственной в мире экономической системой; лагеря мира не было, были только разрозненные слабые попытки предотвратить войну со стороны отдельных лиц, затерянных в многомиллионных массах, изолированных друг от друга, и потому бессильных.

В 1938 г. существовало уже совершенно иное положение: налицо был лагерь мира, представленный СССР и коммунистическими партиями. Но сторонники мира еще не были достаточно сильны, чтобы победоносно сразиться с силами войны. Свершилась мюнхенская сделка, и началась война.

Теперь положение коренным образом изменилось. Лагерь мира настолько окреп, что объективно он сильнее лагеря войны.

Страны народной демократии Восточной Европы, территория которых прежде использовалась в качестве форпостов агрессии на границах СССР, перешли из лагеря войны в лагерь мира.

Образование Германской демократической республики и Китайской народной республики нанесло сокрушительный удар американским планам войны.

Германия и Китай должны были стать двумя главными плацдармами для нападения на СССР с запада и с востока; немецкий и китайский народы должны были составить основную массу армий вторжения. Создание Германской демократической республики показывает, что немецкий народ не желает играть роль наемника американского крупного капитала. Существование Германской демократической республики подрывает существование марионеточного боннского правительства, целиком подчиненного американцам; это важный шаг на пути к превращению всей Германии в миролюбивое и демократическое государство.

Как сказано в послании И. В. Сталина В. Пику и О. Гротеволу от 13 октября 1949 г.: «Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами.

Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным»¹.

Американский империализм рассчитывал также на помощь китайских наемников для нападения на промышленные районы Сибири и Средней Азии, которые оставались вне досягаемости авиации Гитлера.

¹ Образование Германской демократической республики, документы и материалы, Госполитиздат, 1950 г., стр. 7—8.

Победа демократических сил в Китае уничтожила, таким образом, одну из важнейших основ, на которых держался план агрессии, и привела в лагерь мира 470 млн. человек. Эта победа необычайно усилила лагерь мира; она служит предостережением для самых фанатичных поджигателей войны в Европе, что агрессия против СССР, предпринятая из единственного плацдарма в Европе, обречена на провал; эта победа укрепила волю масс к борьбе, так как в китайских событиях они видят замечательный ободряющий пример и для себя.

Вокруг громадного бастиона мира, состоящего из демократических стран и простирающегося от Эльбы до морей, омывающих Китай, объединяются сотни миллионов противников войны в капиталистических и полуколониальных странах. В этих условиях империалистам теперь значительно труднее развязать войну, чем раньше. После кровавого опыта последних сорока лет теперь значительно труднее обмануть народные массы, чем в 1914 или в 1938 г.

«Прошли те времена, когда империалистам удавалось обманывать массы и сохранять тайну, в которой рождались преступные войны. Теперь народы разбираются в сущности замыслов агрессоров и ясно видят, что поджигатели войны не являются теми вершителями судеб мира, какими они хотят изобразить себя; народы теперь представляют такую силу, которая способна сорвать, преступные замыслы империалистов и защитить дело мира»¹.

Авангард рабочего класса должен разоблачить поджигателей войны, вскрыть их махинации. Разоблачение коммунистическими партиями плана Маршалла сразу после его провозглашения как военного плана, хотя он сначала изображался как программа «чисто экономической помощи», нанесло чувствительный удар по поджигателям войны.

Заявление Политбюро коммунистической партии Франции: «Французский народ не будет, никогда не будет

¹ Обращение конференции сторонников мира СССР (25—27 августа 1949 г.).

воевать с Советским Союзом) — нанесло другой и притом не менее сильный удар поджигателям войны.

Далее — и это самое важное — ускоренное нарастание кризиса капиталистической системы создает существенное препятствие на пути поджигателей войны. Они готовят новую войну, когда еще не восстановлены разрушения, причиненные предыдущей войной; еще не забыты страдания и гибель людей. Как сказал И. В. Сталин в октябре 1948 г.:

«Слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны и слишком велики общественные силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону новой войны»¹.

Империализм вынужден все чаще прибегать к войнам, но это учащение войн в свою очередь несет ему гибель. Такова диалектика истории.

Все это привело к тому, что впервые в истории — и это новое и важнейшее явление послевоенного периода — сторонники мира сумели организовать в международном масштабе и на прочной основе. В апреле 1949 г. в Париже состоялся первый Конгресс сторонников мира, на котором были представлены 600 млн. мужчин и женщин всех рас, всех национальностей, различных политических и религиозных убеждений. После этого Всемирного конгресса почти во всех странах возникли национальные организации сторонников мира. Борьба против подготовки войны усилилась, и в ней стал принимать активное участие рабочий класс: докеры отказываются разгружать американское оружие, железнодорожники отказываются его перевозить, ученые, как, например, Жолио-Кюри, не хотят работать на войну.

Наконец, Стокгольмское воззвание, требующее запрещения и уничтожения атомного оружия, мобилизует все более широкие слои населения земного шара. Рост и укрепление движения сторонников мира несомненно могут помешать поджигателям войны добиться своих целей.

Это настолько верно, что под влиянием огромного размаха и популярности кампании за запрещение атомного

¹ Вопросы корреспондента «Правды» и ответы товарища И. В. Сталина, «Правда», 29 октября 1948 г.

оружия американский империализм был вынужден форсировать события; это было одной из причин заявления Трумэна в июне 1950 г. по поводу интервенции в Корею, на Тайване и во Вьетнаме. Но это гнусное, зверское нападение вызывает негодование народов и тревожит даже тех людей, которые еще принимают за чистую монету лживые заверения американских агрессоров. Пусть агрессоры подняли флаг ООН, от этого их разбойничий акт не теряет своего империалистического характера, они лишь оскверняют знамя, которое могло бы стать эмблемой мира, и разжигают ненависть народов Азии к американским империалистам.

Ненависть к вашингтонским военным преступникам и их сообщникам в других странах должна быть для всех простых людей в мире, и особенно для американского народа, священной ненавистью, так как, когда империалисты ощутят всю глубину этой ненависти и осознают рост возмущения всех народов против их войны, они не смогут превратить провокацию в Корею и те провокации, которые они готовят с помощью Тито на Ближнем Востоке и на Балканах, в новую мировую войну.

Задача борцов за мир ясна: непрерывно укрепляя свое единство и развертывая движение против войны, они должны сорвать эти провокации; по существу говоря, они должны опередить агрессоров и добиться такого глубокого и всеобщего осуждения их политики, чтобы это вынудило империалистов, по примеру 1945 г., отказаться от вооруженной агрессии против СССР, которая ввергла бы в войну весь мир.

Итак, объективные условия для предотвращения новой мировой войны налицо. Но этого недостаточно. На практике все зависит от деятельности людей, от субъективного фактора, то есть в конечном счете от воли передовых борцов к борьбе и от их умения вовлечь в конкретную борьбу против войны сотни миллионов людей, стремящихся к миру. Можно сказать без всякого преувеличения, что история никогда еще не знала задачи более великой и священной.

Целью борьбы против третьей мировой войны является не заключение простого перемирия, а создание основ, которые обеспечат вечный мир во всем мире, то есть полное поражение империализма. Можно и нужно

образумить капитализм, который вот уже почти полвека держится только тем, что приносит человечеству беспримерные страдания, а теперь готовится к еще более страшным преступлениям.

Разъяренные псы империализма стремятся запугать несметные массы честных людей, убедить их в своем всемогуществе, подавить всякую мысль о сопротивлении. Но все это становится для них непосильной задачей: у империалистов становится все меньше наемников, взятки не заменяют солдат, а растущая с каждым днем сознательность народов ограничивает возможности империалистов. Борцы за мир должны чувствовать, что если они отдадут этой борьбе все свои силы, победа будет не только возможна, но и близка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение. Теория «исключительности» американского империализма	13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Колебания и поиски (1914—1939 гг.)

<i>Глава I.</i> США накануне первой мировой войны	15
<i>Глава II.</i> От первой мировой войны до кризиса 1929 г.	37
<i>Глава III.</i> От экономического кризиса до второй мировой войны	68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Политика мирового господства

<i>Глава I.</i> Вторая мировая война и империалистическая экспансия США	121
<i>Глава II.</i> Политика американского финансового капитала с 1945 по 1950 г.	145
<i>Глава III.</i> Поражение в «холодной войне»	213
<i>Глава IV.</i> Стремление развязать новую войну	264
<i>Глава V.</i> Судьба империализма и проблема мира	292
Заключение. Войну можно предотвратить	299

Редактор *Н. Д. Гаузнер*
Технические редакторы *А. П. Дронов*
и *Б. М. Ильин*.
Корректор *К. И. Иванова*

Сдано в производство 12/IV 1951 г. По-
писано к печати 27/VI 1951 г. А-05557.
Бумага 84×108^{1/32}—4,8 бум. л. 15,7 печ. л.
Уч.-издат. л. 16,3. Изг. № 8/1281. Цена
12 р. 10 к. Зак. № 2508.

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва,
Валовая, 28.

Отпечатано с набора в тип.
Трудрезервиздата. Москва
Хохловский, 7. Зак. 1537.

Цена 12 р. 10 к.

А.КЛОД

КУДА ИДЕТ АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ